

АННА МОСКАЛЕВА

Три Нити

Annotation

"Сон! Это был всего лишь сон! Дурацкий, слишком яркий сон. Черт, почему же так нога болит?"

Наши сны — это отражение нашей реальности. Видимо, у девушки Али с реальностью все фигово, раз во снах она видит как ее пытаются... утилизировать. Или не ее?

Когда ни близкие, ни даже психиатр не могут с этим помочь, то остается только одно — ехать к шаману.

Анна Москалева

ТриНити

Часть 1 Пролог

Аля беспокойно переминалась с ноги на ногу. Шаг вперед, на самую кромку воды. Кроссовки уже вымокли, но она не заметила этого. Все ее внимание приковано к лодке посередине озера. Даже не к лодке, а к воде около нее.

— Ну же, выныривай, — говорит она вслух, не замечая этого, — Выныривай скорее!

Мгновения складываются в секунды, секунды — в минуты. Такие долгие минуты. Уже три? Или четыре? Боже, как много! Она сделала еще пол шага вперед, кто-то ухватил ее за локоть, потянул назад. Аля удивленно оглянулась. А... Это Татьяна. Она улыбнулась женщине и снова отвернулась к озеру. Впрочем, Татьяна так же не моргая смотрела на водную гладь.

Прошло еще пол минуты. Или полторы? Когда же? Ну, когда?!!!

Вдруг лодка покачнулась, и вода около нее пошла кругами. Обе женщины, уже не обращая внимания на воду, шагнули вперед. Как будто эти полметра могли им помочь хоть что-то увидеть.

Мужчина в лодке подскочил и стал тянуть трос. Быстрее, сильнее. Вот. Вот уже из воды показалась фигура человека.

Возглас восхищения и отчаяния одновременно вырвался у обеих женщин.

Из воды показалась миниатюрная рыжеволосая девушка. Одна.

Часть 1 Глава 1

Любимая мелодия вырвала Альку из мира грез. Звонил будильник. Яркий и приятный сон остался по ту сторону ночи. Привет тебе, новый день.

Алька уже почти смирилась с тем, что придется встать, когда дверь комнаты распахнулась, и вошла мама.

— Ох и мерзость у тебя по утрам играет! Это правильно. На будильник нельзя ставить хорошую музыку, — мама резким движением раскрыла плотные шторы.

Свет ворвался в маленькую комнату, осветив школьный письменный стол, полки с книгами, кресло с мягкими игрушками на нем и узкую кровать, с просыпающейся Алькой. Аля натянула одеяло на голову, пытаясь отвоевать у Мироздания и мамы еще пару секунд сна. Мироздание почти сжалилось над ней, но мама — нет.

— С добрым утром! Завтрак на столе, — сообщила ей мать, откинув одеяло.

Альке было двадцать два, и к этому возрасту она точно знала, что не любит завтраки. Ну, точнее, любит, но часов в одиннадцать, не раньше. Ее желудок просыпался только к этому времени. Но мама с завидным упорством приучала ее начинать день с овсянки. С самого детского сада неизменная каша каждое утро ждала ее на столе. Можно было попробовать отказаться и выслушать длинную лекцию о правильном питании, биоритмах и здоровом образе жизни. А также о цвете лица, лишнем весе и отсутствии личной жизни. Наверное, если бы у Альки хватало сил выдержать мамину лекцию дольше двадцати минут, она совершенно точно услышала бы доказательства взаимосвязи овсяной каши и убийства Кеннеди. Ведь все болезни, включая новые и вовсе еще не открытые, мама уверенно объясняла неправильным питанием: «Жрут всякую дрянь, а потом...»

В общем, проще было смириться и проглотить сероватую жижу, чем принудительно расширять свой кругозор.

В сотый раз помечтав о том, чтобы съехать от мамы, Алька впихнула в себя кашу отправилась в душ.

— Аля, а кофе?

— На работе выпью!

Кофе она тоже ненавидела. Любила чай. Но, по иронии судьбы, работала в кофейне. Так что отговорка про работу всегда спасала.

Шум воды убаюкивал и уносил прочь от реальности. Аля снова вспомнила свои сны. Яркий и интересный мир. Она попадала туда практически каждую ночь. Сначала ей казалось, что это выдумка. По крайней мере, чувство эйфории, которое Алька испытывала, когда писала свой «роман», приходило к ней снова именно в этих снах. Именно поэтому Аля, несостоявшийся литератор, долго была уверена, что создает этот мир сама. Она рассматривала детали чуждой реальности, наблюдала за персонажами, придумывала возможное развитие сюжета.

Главным действующим лицом этих историй была молодая девушка, почти подросток. Рыжие волосы, неестественно зеленые глаза, светлая кожа. Девушка была похожа на красивую куклу. Все продумано, все сочетается, все идеально до неестественности. Аля иногда мечтала быть такой. Стройная, невинная, незащищенная. С Алиной точки зрения, только таких все любят и носят на руках. Наверное, поэтому юная писательница долго воспринимала героиню своих снов, как собственное альтер-эго. Ровно до тех пор, пока та, другая Аля, с ней не заговорила.

Тогда она проснулась со странным ощущением, что это все же что-то большее, чем просто фантазии. Параллельная реальность? Другой мир? Да даже если и так, Альке было все равно, ведь именно там, в тех снах, ей нравилось. Там, а не тут..

— Аля, время! — стук в дверь вернул мечтательницу в ванную комнату родной двушки.

Да, время.

* * *

Гул взлетающего самолета ватным одеялом накрыл Сергея с головой. Только от этого одеяла спать совсем расхотелось. Парень повернулся на диване, приоткрыл один глаз и посмотрел в неплотно зашторенное окно: ярко раскрашенный борт неспешно взлетал, едва не задевая хвостом крыши многоэтажек.

Семь месяцев назад, кажется, в таком же прилетел в Москву Сергей. Тогда это казалось сумасбродством: бросать хорошую работу, устроенный быт и срываться в неизвестный, чужой и, по слухам, жестокий город.

Сергея встал и лениво побрел в ванную. Где-то под подушкой сработал будильник.

В свое время ему сильно помогла разница во времени — не было никаких проблем с утренними подъемами. Он до сих пор просыпался чуть раньше семи, ведь в его городке в это время некоторые уже обедали. Зато других сложностей было хоть отбавляй: молодой алтайский программист никак не мог принять московские ценности. Нет, он был не из трусливых, даже наоборот. Для него не существовало слова «невозможно». Он на это всегда

отвечал, что «невозможно — это возможно, но не так, как все привыкли делать». И это работало! В девяти... ну хорошо, в восьми случаях из десяти его идеи выстреливали и приносили результат! В оставшихся двух случаях он говорил себе и друзьям, что просто надо придумать другой способ.

Работу в Москве он тоже получил благодаря этому свойству своего характера: его проект взял грант. Он, решил конкурсный кейс так, что некоторые члены жюри приходили в личку с поздравлениями и вопросами. Такой самородок не мог остаться незамеченным: после конкурса Сергей получил целых четыре предложения о работе. Выбрал, конечно же, самое сумасбродное для него — Москву.

Тогда это казалось ему новым, неизведанным, перспективным... Сейчас к ожиданию новых открытий примешивалась нотка разочарования. Нет, работа и вправду была интересной: НИИ, работающий с коммерческими заказами.

Сергей и его команда пишут ПО для банков, мобильных операторов, поговаривают, даже, с военкой работают. Хватало и денег, и интересных задач. Но... но всегда вкрадывается хотя бы одно «но». У Сереги их было целых три.

Но город — сумасшедший, громадный, неудобный город. Дикие расстояния, давка в метро, вечные пробки... Но люди — нервные, алчные, высокомерные. Ты приезжий? Они сразу скорчат гримасу, хотя мало кто из них родился в столице. Вечером зовешь знакомых пройтись по центру? Или посидеть поболтать? Да что ты, дела, семья, все устали. Да и что там в центре делать?! Выхлопными газами дышать? Пошли лучше в клуб! Девочек подцепим...

Но ритм жизни — дом, работа, дом, работа, дом... Дорога съедала большую часть свободного времени, толпа вокруг выматывала, график становился плотнее, времени для любимых дел становилось меньше, и да, денег было много, но они сами по себе для Сергея мало значили. Ему не нужна была квартира, машина, путевка... Он любил пройтись по горам в хорошей компании, а иногда и один. Он любил рыбалку и баню. Он любил собраться вечером в кругу семьи за чашкой ароматного травяного чая, как у бабушки.

“Эх!” — парень собирался на работу, распахивая по карманам ключи, телефон, — “Тут даже чай с утра заваривать не хочется. Все равно будет не то”.

Сергея захлопнул за собой дверь съемной квартиры — куплю что-нибудь около работы. Там есть кафе по пути, с очень приятной официанткой.

Молодой программист заткнул уши наушниками, сделал погромче музыку и потопал к остановке: начинался новый день.

Кофейня открывалась в восемь, чтобы все, кто спешит на пары или на работу, могли заскочить и взять кофе с собой.

И что они только находят в этом кофе? То ли дело чай. Нежный, терпкий, ароматный. Аля знала составы сорока трех травяных настоев. Для бодрости, для концентрации, для расслабления или для крепкого сна. Только вот чаи были не в моде и Аля устроилась в кофейню. Еще студенткой. Она считала это очень удачной подработкой: кофейня располагалась в пешей доступности от института. Полчаса в метро — и ты на работе. Пятнадцать минут бегом — и ты на парах. Сначала Аля просила график с учетом пар, потом стала пропускать некоторые из них. Потом перевелась на вечернее. Потом, окончив факультет редактуры, совершенно здраво и абсолютно трусливо рассудила, что начинающие литературные работники зарабатывают намного меньше, чем опытные бариста, и осталась в кофейне. Вот так ненавистный кофе вытеснил из ее жизни любимые букочки.

Конечно, она пробовала работать по профессии. Брала удаленно какие-то редактуры. Что-то писала сама. Получалось только «в стол». Ее гениальный неоконченный роман так там и лежал — во втором ящике.

Зато хозяину кофейни очень нравились витиеватые художественные слоганы, которые Аля выдумывала для привлечения клиентов. Он даже завел специальную доску на входе, на которой выпускница филфака каждое утро красивым почерком выводила фразы типа «Хороший кофе делает людей добрее» или «С кофе можно пойти даже на работу».

Людям нравилось, хозяину нравилось, только вот Альке не нравилось. Но куда не денешься. Отказываясь замечать в себе талант маркетолога, она вздыхала и выводила мелом на доске новую фразу. Сегодня это было: «Крепче нашего эспрессо только наша любовь». Алька как раз думала: не уточнить ли, к кому эта любовь? Потому что, если иметь в виду хозяина кофейни, то он, кажется, больше всего любит деньги. Алька была в этом уверена. А если иметь в виду ее, то...

— Доброе утро! — приятный баритон, раздавшийся у нее за спиной, не дал додумать мысль о том, что же она любит.

Алька обернулась и чертыхнулась. Ну конечно же. Это тот парень. Как его? Сергей. Он каждое утро покупает кофе по дороге на работу. Что-то он сегодня рано. Алька даже накраситься не успела. Собственно, это и было причиной ее раздражения. Ругала себя за внешний вид. Опаздывала, успела только нанести любимые духи на шею и запястья, бросила косметичку в сумку и убежала.

Аля поправила длинную русую челку и как можно дружелюбней улыбнулась:

— Доброе летнее утро, Сергей! Вам американо с собой? Как всегда?

Посетитель улыбнулся.

— Вы запомнили, как меня зовут!

Как же тут не запомнить, коллеги уже шутить устали на тему, что он любит только ее кофе. Аля не видела никакого особенного к себе отношения, но все ее коллеги утверждали, что это ее персональный клиент.

— Это было несложно. Вы же наш постоянный посетитель.

Парень отчего-то покраснел и, откашлявшись, сказал:

— Да, мне американо, как всегда. А вы сегодня особенно очаровательны.

Боже, ну что же очаровательного он в ней нашел? Не покрашенные бледные глаза? Без обрамления тенями и не поймешь, какого цвета — серые или зеленые. Или взъерошенные волосы? Аля специально оставляла локоны в свободном полете. Ей казалось, что так они чуть прикрывают неидеальную форму лица. А может, его очаровало ее трикотажное платье оверсайз? Она даже фартук не успела повязать сверху. Платье свободным балахоном свисало почти до кроссовок. Аля считала, что оно прикрывает складки у нее на боках. А по факту оно прикрывало вообще все, кроме шнурков.

— Просто еще не успела надеть форму, — смущенно ответила бариста.

Сергей потупил взгляд и молча забрал кофе. Подался вперед, как будто хотел сказать еще что-то, но передумал, выдохнул и, попрощавшись, вышел. Испачканная мелом Алька с непонятной грустью смотрела ему в спину.

— Не дрейфь, еще придет!

Аля вздрогнула. Коллеги были подчас удивительно бесцеремонны!

— О ком ты?

— О твоём! — кассирша указала носом вслед удаляющемуся Сергею. — А он ниче так! Такие плечи! Такой торс! Низковат, ну да и ты невысока! Чуть приодеть, и будет супер-мачо!

— Никакой он не мой! — она густо покраснела.

— Ага, кому-нибудь за пределами этой кофейни это расскажи!

Аля стиснула зубы, отряхнула руки от мела и направилась в комнату для персонала:

— Сейчас форму надену и выйду!

Да что они все понимают! «Ее»... Не нужен ей никакой «ее». Выдохнула. Густо накрашила ресницы. Повязала фартук. То ли злость, то ли обида клокотали в груди. Хорошо день начинается! С любовью!

Пожалуйста, если вам понравилась книга, добавьте ее в библиотеку

Сергея шел по улице, не разбирая дороги. Он не замечал ни утренних солнечных лучей, причудливо играющих на старинных фасадах, ни спешащих на работу людей, кто в куртках, а кто — в футболках. Ни пейзажи, ни машины, ни обычная утренняя суeta большого города — ничто не могло привлечь его внимания. Все мысли были о работе.

Вот эти фишечки, типа «поделитесь минутами одним движением пальца», хоть кто-нибудь задумывался, сколько за ними работы? Он уже третий день бился над кодом и никак не мог написать новый модуль. Все было настолько некрасивым и полным костылей, что еще одна доработка просто ломала всю логику. Написанное походило скорее на предсмертные конвульсии прогера-неудачника, чем на рабочий код.

Сергея отхлебнул кофе и поморщился. Горько. И горячо. Кофе он на самом деле не любил. Ну, не то чтобы не любил. Был равнодушен. Любил хороший травяной чай. Как у бабушки, с медом. Но такой на вынос не продавался, а завтракать дома у Сергея никогда не хватало времени. С хорошим чаем, с ним ведь как... Надо дать травам подышать, прогреть чайник, неторопливо добавить меду. Нет, это возможно только у бабушки. Сейчас вдали от дома ему остается лишь этот невкусный кофе.

Сергея отхлебнул еще глоток. Одно утешение — варила этот кофе очень милая девушка. Очень милая. Именно так. Нежная, почти домашняя. Вот сегодня утром. Без макияжа. Истинная красота, такая чистая, естественная, первозданная.

Стоп! Вот оно! Первозданная!

Сергея резко остановился. В него кто-то врезался сзади.

— Ты че? Псих? — раздраженный пешеход в наушниках зло посмотрел на него.

— А?

Только тут парень понял, что он на пешеходном переходе. Цвет светофора сменился, загудели клаксоны.

Черт. Бегом на тротуар. И в офис. Он понял, что делать: надо убрать промежуточное преобразование. Вернуться туда, где класс только инициализирован — «первозданный». Ошибка именно там, не то наследование. Все надо сделать проще. И работать будет быстрее, Сергей уже даже знал, как... улыбнулся, посмотрев на стаканчик с кофе. Спасибо тебе, девушка Аля!

* * *

В свой кабинет влетел, ни на кого не глядя, и бегом за комп. Благо, машины никогда не выключались. Писал, боясь упустить спасительную мысль — вот тут выправить и здесь. Здесь правка, а здесь дописать... Готово, отправляю тестировщикам.

Сергею казалось, что сейчас еще утро — начало рабочего дня. Пара минут, как зашел в кабинет. Однако когда он откинулся на спинку кресла и оглянулся, никого рядом не обнаружил. Оглянулся по сторонам — их офис был устроен по системе опенспейс. Модно, стильно и неудобно. Особенно в интеллектуальной работе. Ребята часто писали в наушниках, чтобы не отвлекаться на посторонние разговоры. Сергей снял свои, привстал в кресле: он мог видеть десятка полтора рабочих мест, и все были пусты. «Я что? Что-то пропустил? Может, сегодня какой-то специальный выходной?»

Но тут дверь распахнулась, и в зал влетел Миха, его мидл — лидер группы разработчиков.

«Блин, — только и успел подумать Сергей, — похоже, дело дрянь. Иначе написал бы в рабочем чате».

— Чувак, ты гений! — у Михи горели глаза, волосы были взлохмачены. — Ты чертов гений!

— Ты о чем? Работает?

— Работает! Еще как работает! Надо же было до такого додуматься! Ты крут! — Миха хлопнул Сергея по плечу, — Пряма мега-крут!

Тут, видимо, Михе стало не по себе — за пределами рабочего чата ребята редко общались. Он, слегка смутившись, развернулся:

— Ну, я пошел.

— Куда? Где все вообще?

— Да обедают, наверное. Полдень. Ты сам чего не идешь?

Сергея покосился на остывший кофе, который он, казалось, только что купил. Полдня прошло. Блин, хорошо, не целый день.

— Да, уже иду.

Обычно Сергей покупал себе сэндвич все в той же кофейне у девушки Али, но сейчас Миха потащил его в

какое-то новое местечко с причудливым дизайном.

Несмотря на аляповатые стены, готовили там вкусно. И даже можно было заказать чай. Пакетированный, конечно, но зеленый чай с жасмином все лучше, чем вечно горький кофе.

У Миши, как оказалось, было правило — вне работы ни слова о работе. Поэтому тему для разговора найти было сложно. Хипповатого вида коллега, к удивлению Сереги, был женат, и даже недавно стал отцом. Его жена всерьез занималась йогой и планировала в ближайшее время стать инструктором. Миша как раз рассказывал, что они планируют поездку в какой-то крутой ашрам в Индии. Он потаскается с малышом по джунглям и памятникам, а жена помедитирует вдоволь.

— А ты? — вопрос вырвал Серегу из потока мыслей о доме, женах и детях.

— Я?

— Ну да, куда в отпуск собираешься?

— Да у меня не скоро еще. Я ж недавно работаю.

— Да ладно, полгода отработал — две недели можешь законно отдыхать, — проявил Миша познания в трудовом законодательстве.

— Да? Я не знал.

— Уточни у кадровиков. Ты ж вроде с зимы у нас. Уже седьмой месяц.

— Да, в декабре устроился. Спасибо, зайду к девчонкам, спрошу.

— Так куда поедешь?

— Не знаю, к своим, наверное. Соскучился по родственникам.

— А ты откуда?

— С Алтая.

— О, круто! У вас там что ни озеро, то место силы. И горы! Мы с женой были. Нам нравится!

— Да, мне тоже, — проговорил Сергей. Отчего-то вышло грустно.

Миша, вероятно, почувствовал эту грусть, улыбнулся и больше ни о чем не спрашивал. В офис возвращались через парк. Серега вспоминал разговор за обедом и скептически рассматривал стриженные газоны, оципаные кусты и высаженные сегментами бархатцы. Почему-то ему это не казалось красивым.

За час до окончания рабочего дня Сергея вызвало начальство. У шефа был отдельный кабинет, в котором стоял Т-образный стол, несколько стульев и шкаф. В шкафу было видно старые справочники и почему-то многотомник по налогам и праву. На стенах висели разнообразные сертификаты и грамоты, выписанные как лично шефу, так и всему отделу.

Сергей не знал, зачем его вызвали, а шеф не спешил начинать разговор. Пауза затягивалась. Серега начал читать грамоты по второму кругу. Шеф заметил это и наконец-то заговорил:

— Вы знаете, мы очень довольны вашим результатом, — шеф сложил пальцы домиком и уперся в них носом, что-то обдумывая. Вытянул губы в трубочку, передумал, хлопнул ладонями по столу и выпалил: — Потрясающий результат, если честно! Вы — не первый, кто работает над этим кодом. И ваш код самый лучший. Единственный работающий, если честно.

Эта беседа начала нервировать Сергея. Он поерзал на стуле. Начальник, уставившись на кончики пальцев, продолжал:

— Если честно... — взял ручку со стола, бросил ее, обернулся вокруг себя, как будто искал что-то.

Сергей все это время старался не шевелиться. Смотрел на шефа исподлобья и не ждал ничего хорошего.

— Если честно, — снова начал шеф, — я делаю вам предложение исключительно под свою ответственность. Служба безопасности была, знаете ли, против. Вроде ничего за вами и не водится, но работаете вы у нас всего семь месяцев.

У Сереги неприятно засосало под ложечкой. Он сделал что-то лучше других. Ему бы премии ждать. Но... предлагали ему явно не премию.

— У нашей компании есть контракт с Министерством Обороны. И мы иногда выполняем их заказы. Если честно, мы все время выполняем их заказы. Я приглашаю вас в такой проект. Там сильная команда, интересные разработки, большие премии, но все по подписке. По основным документам вы будете заниматься... ну, например, разработкой программного обеспечения для спутников связи.

Шеф замолчал и первый раз посмотрел Сергею в глаза.

— Интересные задачи. Правда, интересные, — почему-то тихо повторил он. Но сам Сергей молчал.

— Знаете что, — с напускной бодростью проговорил шеф, — подумайте пару дней. Будут вопросы — задавайте.

— А что в той подписке?

— Ну, неразглашение тематики, методов... Гостайна, знаете ли...

— А свобода передвижения? Общения?

— Нет, нет! Это — пожалуйста! — воскликнул шеф с каким-то напускным весельем и, кажется, с облегчением. — Только у нас иногда требуют непрерывной работы над проектом.

— Тогда давайте попробуем. Только я к своим в отпуск съездить хотел. В августе, если можно.

— Да, конечно! — шеф повеселел. — Зайдите в кадры, напишите заявление. А после отпуска — сразу ко мне и — за дело.

Сергей кивнул. Он испытывал странную гамму чувств. В оборонке все заказы серьезные и интересные. Это бесценный опыт, даже если он никогда не сможет указать его в резюме. Но появилось стойкое чувство, что вокруг него замыкается какое-то странное кольцо: дом — работа — дом. У него все больше денег и все меньше свободы. И ему это не нравилось.

Алька плыла. Она понимала, что спит, но это не мешало ей почти физически чувствовать прикосновение странной ржавой воды к коже, движения волн, порывы резкого ветра. Она уже знала, что ей нужно отплыть от чернильной скалы метров на двести, и там будет отмель.

Почувствовав камень под ногами, встала. Вода была ей почти до подбородка. Алька облизала губы — соленые. Это море.

— Нет, кровь.

Аля вздрогнула и обернулась. Никого.

Девушка внимательно посмотрела на рыжие волны вокруг себя. Нет, не красные, именно рыжие, цвета ржавчины. Это не может быть кровью.

— А кто тебе сказал, что это твоя кровь?

Алька снова крутанулась вокруг себя. В этот раз она чуть не уткнулась лицом в уже знакомую девушку. Так близко Аля видела ее впервые. В ней было что-то искусственное. Мимика или... нет, сложно было объяснить, но девушка точно была искусственная. Вся, кроме глаз — глаза у нее были живые. Взволнованные, вопрошающие, ищущие. У этой второй девушки явно были проблемы.

— Это не твоя кровь, — снова заговорила с Алей незнакомка, — это моя кровь.

Аля со всей силы оттолкнулась от камня и... проснулась.

Села на постели. Черт, эти сны стали совсем другими.

Как хорошо все начиналось! Волшебные сновидения, похожие на роман. Она видела себя в разных местах: то в каких-то странных фиолетовых зарослях, то летящей в светло-коричневом небе под нежными лучами зеленого солнца, то идущей по незнакомой тропе. Объединяло эти сны одно: Аля понимала, что это не ее мир: листья были фиолетовыми, солнце — зеленым, земля — ярко-желтой, скалы — чернильно-синими. Но дело было даже не в цвете декорацию. Она ощущала себя там чужой. Каждый камень был ей чужд.

Но ей нравилось. Как компьютерная игра или интерактивное представление. Аля смотрела эти сны, как сериал.

До тех пор, пока там не стала появляться девушка. Неземная, нереальная, неестественная, но очень красивая.

Аля не знала, кто она и что ей надо. Видела она эту красавица не каждую ночь. Незнакомка почти ничего не говорила, но было ясно что что-то происходит. Что-то неправильное, тревожное.

Сейчас проснувшись Алька сидела, обхватив колени, и пыталась вспомнить все моменты, когда она встречала свою ночную визави. Здесь, на кровати под любимым одеялом, сон совсем не казался страшным или отталкивающим. Станным, да. Но не страшным. Алька отругала себя за побег. Надо было остаться, поговорить.

Она разочарованно вздохнула, откинулась назад на подушку, но сон как рукой сняло. Прокрутившись с полчаса, Аля взяла телефон. Пять утра. Пытаться уснуть бессмысленно.

Вспомнила про Веру — ее школьная подруга была сейчас на Бали. Плюс четыре часа к Москве. Дай, напишу.

Аля несмело набрала приветствие в мессенджере:

«Ку-ку, ты не спишь?»

Подруга ответила сразу же:

«Я-то нет, я уже час, как работаю, а ты чего не спишь?!»

Верка была фотографом. Не самым модным, но достаточно успешным. Числилась редактором в небольшом журнале и сдавала две квартиры в Москве. Последнее позволяло ей следовать за любыми мало-мальски интересными событиями, не думая о заработке. Она снимала фоторепортажи и про ралли в пустыне, и про наводнение в Сибири, и про буддистский праздник в Монголии, и про исчезающие племена Африки. Регулярно отправляла в журнал статьи с фотографиями и жила, казалось, в свое удовольствие.

Алька не всегда успевала отследить ее передвижения по миру, но между подругами был уговор — они могут писать друг другу в любое время суток. Вот Аля и написала Вере в пять утра по Москве.

«Что молчишь, подруга? Что стряслось?»

«Да ничего серьезного. Работай. Я пойду чай заварю».

«В пять утра?»

«Да, наверное, больше не усну».

«Опять эти сны?»

Вера была в курсе Алькиных сновидений. С кем еще делиться, как не с подругой? Аля рассказывала Вере с своем ночном сериале, а та посмеивалась, что ночи надо занимать кое-чем другим. И вовсе не книгами!

«Они стали какие-то тревожные, Вер. Я волнуюсь».

«Слушай, наши сны — это, прежде всего, отражение наших мыслей, переживаний. Значит, просто ты — в

стрессе. Что у тебя происходит? В реальности? Не в снах».

«Да ничего. И дома, и на работе все как обычно».

«Может, как раз в этом и дело? Что там у тебя с личным?»

«Вера, и ты туда же! — Алька аж зашипела от досады. — Меня уже на работе замучили шутками об одном постоянном посетителе, и ты тоже начинаешь!»

«Что там за постоянный посетитель? Ты присмотришься к нему, присмотришься. Шуточки-то не на пустом месте. Может, это в тебе невысказанные желания тревожатся, спать не дают».

«Да ну тебя, пошла я чайник ставить».

«Маман свою не разбуди».

«Ага, пока».

«Обнимаю крепко».

Аля, стараясь не шуметь, прокралась на кухню. Жили они в панельном доме когда-то модной и дорогой серии КОПЭ. Большая площадь, изолированные комнаты, лоджия, а главное — мама не уставала это подчеркивать — кухня больше десяти квадратных метров с окнами на восток.

Такие квартиры в их районе действительно ценились высоко. Когда умер папа, кто-то из родственников предлагал матери продать эту и купить попроще. Может, даже рядом. А если еще и район поменять, то лет пять можно не думать о деньгах. Но мама тогда заняла твердую позицию: «Я хочу жить, а не существовать!»

Так они тут и остались. И сейчас, подставляя лицо первым лучам рассветного солнца, Аля даже была за это маме благодарна. Ну подумаешь, нет денег на ремонт. Подумаешь, коммунальные съедают четверть Алькиной зарплаты, зато район хороший. И окна на восток.

Первые лучи солнца нежно ласкали бежевые занавески. Аля раздвинула их и полюбовалась рассветом. Утро начинается.

Девушка включила чайник и открыла узкий шкафчик с кучей разнообразных баночек. Каждая была любовно подписана. На крышках красовались связанные крючком шапочки или отороченные кружевом салфеточки.

Покрутила в руках баночку с чабрецом. Потом отставила, взяла мяту и ромашку. Может, Вера и не совсем не права. Может, и правда, присмотреться к Сергею.

Эти размышления прервала вошедшая на кухню мама:

— Ты чего так рано?

— Я открываю сегодня, мне к восьми ехать, — бодро соврала Алька.

Еще не совсем проснувшаяся мать пристально вглядывалась в лицо дочери. Доверие? Нет, это не для нее. Она должна все знать наверняка.

— Телефон что с собой таскаешь?

Аля стиснула зубы, но постаралась не нагрубить — и так отношения были крайне натянутые:

— Вера с утра писала. Отвечала ей.

— Твоя Вера хоть знает, который час у нормальных людей? Где ее в этот раз черти носят? Что у нее случилось?

Аля уже не пыталась спорить с мамой про нормальность и ненормальность. Ей жизнь подруги казалась куда более интересной, чем собственная и, в глубине души она мечтала сорваться с места на год, или больше. На целую жизнь, как и Вера... Но каждый раз, когда подруга предлагала ей поехать вместе, отвечала, что у нет денег, нет времени, да и образование совсем не то. Вера сначала спорила, потом перестала. И предлагать перестала.

— Чего молчишь? Спишь еще, что ли?

Аля в своих мыслях и позабыла о маме.

— Не, не сплю. Просто задумалась.

— Что-то стряслось у твоей Верки? — мама с трепетом сняла с полки чашку из тонкого фарфора и поставила на плиту турку.

— Нет, у нее все хорошо. Мне странный сон снился.

— Опять? Я тебе который раз говорю — сходи к Андрею Евгеньевичу!

— Мама, — Алька приобняла мать, — мои сны не настолько странные, чтобы идти к психиатру.

— Я же не говорю, что он будет тебя лечить. Так, выслушает, снотворное, может, посоветует.

Аля вышла из кухни, направляясь в ванную, но мама продолжала беседовать, сначала с ее спиной, потом с дверью санузла.

— Я уже с ним говорила о тебе, он рекомендовал прогулки перед сном и меньше работать. А ты никаких рекомендаций не слушаешь, вот опять, идешь открывающей. Что, больше некому?

— Мама, я обязательно начну гулять перед сном, — Аля уже вышла из ванной. — Завтра же.

Чмокнула маму в щеку и пошла одеваться. Начиная болеть голова. День обещал быть длинным.

Тринити стояла перед темной стеклянной перегородкой и рассматривала свое отражение. Она округлила глаза, приоткрыла рот, как девушка из ее сна. Потом растянула губы, пытаясь широко улыбнуться. В нее были встроены медианные мимические реакции. Она умела делать приветливое выражение лица. Или строгое, или скорбное. Но она никогда не плакала и не смеялась в голос.

То ли дело дети. Она вспоминала, как вчера смеялись дети. К ним приходили странно одетые взрослые, рассказывали нелогичные истории. И дети смеялись. Им было так хорошо. Тринити думала, что это «хорошо», наверное, можно использовать в терапии. Только бы понять, как это, смеяться.

Сзади зашуршала крышка камеры. Кто-то еще вышел из регенерации.

— Тринити, — стоявший сзади бионикл был выстроен для работы на глубине, и его речевой аппарат совмещался с воздушным пузырем, отчего голос получался утробный и вибрирующий. — Что ты делаешь?

— Учусь смеяться, — бионикл всегда отвечает прямо на поставленный вопрос.

— Зачем? — глубоководник никогда не видел смеха. Максимум — довольные улыбки на лицах заказчиков.

— Хочу понять, как это можно использовать в терапии. Смеяться — хорошо. Хочу понять. Почувствовать.

— А тебе не хорошо? Ты не прошла регенерацию?

— Прошла.

Бионикл с пузырем в гортани задумался, не понимая ситуации. В его мозгу не состыковывались понятия «прошла регенерацию» и «хочу, чтобы было хорошо». Для него это было тождественно.

Тринити обернулась:

— Не обращай внимания. Я стараюсь быть ближе к детям. Мне кажется, это помогает их лечить.

— Тебе кажется?! — глубоководник впал еще в больший ступор. — Тринити, обратись к разработчикам за дополнением мимики.

— Да, хорошая идея, я подумаю, — Тринити еще раз посмотрела на свое отражение, плавно развернулась и ушла вглубь зала — одеваться к новому рабочему дню.

Глубоководник присмотрелся к своему отражению, потер стекло, попробовав убрать пятно со своей щеки, разочарованно булькнул и тоже ушел.

И только голубовласый профессор-борх не сдвинулся с места. Удивленный, озадаченный, нет — ошарашенный, он как вкопанный стоял по ту сторону темной стеклянной перегородки.

Пожалуйста, подписывайтесь на меня, если вам нравится книга.

Открывающему труднее всего. В первый час наплыва посетителей он обычно ничего не успевает. С восьми до девяти человек работает один и у кофе-машины, и на кассе, а это основное время продаж «на вынос».

Именно поэтому Аля поехала в кафе к восьми. Хотя она и соврала маме — открывала сегодня другая бариста — была уверена, что в кафе ей будут рады.

Еще пустой зал встретил ее шумом воды и гулом кофемолки — коллега готовилась к смене. Аля повязала передник и вошла в зал. Солнечные зайчики скакали тут и там, отражаясь от зеркальных витрин. Картины, висящие по стенам, манили пейзажами. Девушки с плакатов широко улыбались, протягивая гостям чашку и, в общем, встречать тут утро было приятно.

Их кофейня была не сетевой. Благодаря этому они были спасены от единого кремово-коричневого дизайна. У них были белые стены, цветы и книги на окнах. Много искусственно состаренных баночек, леечек, вазочек, ящичков со всякой милой мелочью внутри. Але здесь нравилось. Место было красивое и, одновременно, уютное. Удачный и ненавязчивый стиль «Прованс»: как будто они зашли в кухню французского крестьянина, когда тот уже ушел в поле.

Местечко нравилось не только Але, но и многочисленной толпе студентов, обитающей вокруг. Вот и они — им на пары к восьми тридцати. Денег нет, все как один берут по простому американо. И дешево, и проснуться помогает.

Чуть позже — офисные работники. Эти уже просят и раф, и сиропы, и сэндвич или круассан с собой.

В потоке Аля не заметила знакомое лицо.

— Вам здесь или с собой? — спросила она на автомате, подхватывая картонный стакан.

— Здравствуйте, Аля. С собой.

Удивилась, выглянула из-за кассы. Сергей несмело улыбался, пытаясь поймать ее взгляд. Ах! Что там мне с утра советовали? Веркины пожелания вряд ли исполним, но почему бы не послушать маму и не начать гулять перед сном? К тому же, это доктор рекомендовал.

— Доброе утро, Сергей! — приветствие вышло каким-то чересчур торжественным. — Рада вас видеть, — проговорила Аля уже тише, убирая волосы за ухо.

Сергей расплылся в улыбке:

— Аля, вы знаете, вы мне очень помогли вчера!

— Я?

— Да, — Сергей замялся и покраснел. Не будет же он в самом деле говорить ей, что ему помогло то, что она была без макияжа. Он смотрел Але в глаза и понимал, что она ждет от него продолжения или хотя бы пояснения.

— Вы такая свежая, то есть, нет, вы такая неприукрашенная, то есть... я хотел сказать...

Губы Али сами собой расплывались в улыбке, а брови удивленно поднимались. Сергей чертыхнулся.

— Аля, а можно вас пригласить? — задумался. Начиная разговор, он не планировал никого никуда приглашать. Куда пригласить-то?

— На чашечку кофе? — смеясь, подсказала ему Алька.

— Да. То есть, нет!

Они оба рассмеялись. Она задорно и заливисто, а он натянуто. Пригласить бариста на чашечку кофе. Осёл. Неудивительно, что у него до сих пор нет подружки.

— Я сегодня до девяти. Поздновато будет. Может, встретимся завтра?

— Да, конечно, завтра! — Сергей ухватился за это предложение, как утопающий за спасательный круг. — Я посмотрю, что идет в кинотеатрах. Пойдемте в кино?

— У меня есть идея получше. Погода хорошая. Прогуляемся по центру?

Звон колокольчика заставил Алю вздрогнуть. Девушка уже и забыла, что она на работе. В кафешку ввалилась целая толпа спешащих посетителей, наперебой выкрикивающих: «Капучино, пожалуйста», «Латте с ванильным сиропом», «Раф сварите».

Алька смущенно улыбнулась и пожала плечами. Дескать, работа зовет. Сергей спросил:

— Ну так до завтра?

— Да, — Алька уже отвернулась к кофемашине.

— Ой, а где и во сколько?

— Давайте я приеду сюда к семи. Вы же до семи?

— Да, — он и подумать не мог, что она уже запомнила его расписание.

— Значит, завтра в семь.

— Завтра в семь.

На следующий день Аля приехала к родной кофейне в шесть сорок. Не то чтобы она ошиблась в подсчетах: вот уже семь лет она ездила по этому маршруту и могла рассчитать прибытие с точностью до двух минут (в зависимости от фазы светофора). Ей просто хотелось пораньше сбежать из дома.

Она крутилась у зеркала с самого утра. Дозвонилась по скайпу до Верки, и та, несмотря на рабочий день, все бросила и терпеливо рассматривала в видеокамеру Алькины наряды.

— Как ты думаешь, может это? — Аля приложила к себе светло-коричневое трикотажное платье.

— Стоп. Ты же мне уже его показывала! И мы решили, что это отстой.

— Да нет! Я тебе показывала бежевое, — Алька в сердцах кинула платье на кровать к трем уже отвергнутым.

— А-а. Прости. Видимо, цветопередача монитора хромает.

Три платья разных оттенков коричневого сплелись в бесформенный комок. Аля окинула их грустным взглядом. Да, платья действительно почти не отличались друг от друга. Ее любимый оверсайз. Кто ж думал, что настанет момент, когда он ей покажется некрасивым!

— Слушай, а почему бы тебе не надеть джинсы с той майкой, ну, что ты на фестивале покупала? Там кошка оранжевая.

— Да ты что! Эта майка обтягивает меня, как колбаску! Ни за что!

— Аля, какую колбаску?! Нет у тебя лишнего веса!

— Ага, это говорит мне человек с сороковым размером одежды.

— Ну и что, что с сороковым. Между прочим, всю сознательную жизнь потолстеть пытаюсь!

— Эх, мне бы твои проблемы, — Алька грустно плюхнулась на кресло у стола.

— Слушай, а погода у вас там какая?

— Ну так... Тепло, но ветрено.

— Ну так и надень кошку свою и ветровку сверху. Или кофту.

— Я надена кардиган! — восторженная Аля достала длиннющий темно-коричневый кардиган.

— Аля, нет! — Верка уже не сдерживала себя. — Повесь его обратно! У тебя что, обычной кофты нет?

Дверь отворилась, и в комнату заглянула мама.

— Что тут у тебя происходит? — ворох платьев на кровати, Верка в ноутбуке и взмокшая Алька составляли крайне интересную картину. — Ты куда-то собираешься?

— Нет, мам. Просто гардероб перебираю.

— Здравствуйте, Лидь Андреевна! — скороговоркой протараторила Верка. — Я Але платок решила привезти, выбираем цветовую гамму.

— Ей коричневый идет, — не терпящим возражений тоном проговорила мама. — Можно бежевый.

— Да-да, мы так и решили, — еле сдерживая смех, проговорила Верка. А Аля стала почему-то пунцовой.

— Аля, когда этот бардак разберешь, — мама сделала неопределенный жест рукой, — сходи в магазин.

Молоко закончилось.

— Конечно, мам, — пролепетала девушка.

Как только дверь за матерью закрылась, Алька откопала в глубине полок ярко-зеленую футболку с неестественно-рыжей кошкой.

— Ты про эту футболку говорила?

Верка заливисто захохотала.

— Чего ржешь?

— Алька, надень к ней фенечки. Ну что я, зря их тебе вожу, что ли?

— Смысл в фенечках, если я буду в кофте?

— Ну наде-ень, — протянула подруга умоляющим тоном.

Алька обернулась к книжной полке. Там, повыше, чтобы случайно не смахнуть, пылилась статуэтка балерины, почти скрытая под разномастными цветастыми браслетами. Верка привозила ей их пачками — плетеные, из бисера, деревянные, медные — в память о том, как они плели в школе друг другу фенечки и обменивались, устраивая из этого великую девичью тайну.

У самой Веры руки были густо унизаны подобными украшениями. Причем те, что дарила ей много лет назад Аля, так и не снимались. Аля же, прикрываясь требованиями работодателя и особенностями московской погоды, фенечки давно не носила, а увешивала ими терпеливую балерину. Мама злилась, когда они попадались ей на глаза — мишура, ей богу! — но Аля их никуда не убирала. Ей нравилось иногда разглядывать их и представлять, что это она привезла из путешествий сувениры: этот из Индии, этот из Африки...

Сейчас она стояла и смотрела на них с неприкрытой тоской. Вот этот кожаный оранжевый браслет хорош. И

черный с причудливо вплетенной серебристой нитью. Мама опять скажет — обвешалась, как елка. Комок подкатил к горлу, зубы сжались. Нет, не сегодня.

— Сегодня обойдусь без фенечек. Все равно в кофте. Успею еще поносить. Всё, — проговорила Аля, натягивая футболку с кошкой. — Пошла я за молоком, а там уже и ехать пора.

— Накраситься не забудь, — крикнула ее спине Верка.

— Точно! — Аля обернулась, вспомнив, что не закрыла ноут. Послала подруге воздушный поцелуй и захлопнула крышку.

* * *

Рабочий день Тринити всегда начинала с обхода. Ее маленькие пациенты еще сладко потягивались в своих разноцветных кроватках, когда бионикл заходила в палату и, улыбаясь, снимала показатели с систем жизнеобеспечения. Дети ее любили, Тринити знала это. Ведь, когда она широко улыбалась им, они смеялись в ответ. И только совсем малыши плакали. Тринити решила, что это потому, что они еще не умеют смеяться. В их арсенале выражения эмоций был только плач.

Она активно тренировала новую мимику и была довольна результатами. Дети узнавали ее среди других биониклов и положительно реагировали на назначенное ею лечение. Бионикл задумалась о том, чтобы добавить в свой арсенал еще эмоций. Загвоздка была в том, у кого их подсмотреть.

Из задумчивости ее вывел странный то ли стон, то ли рев. Это не было похоже на плач младенца. Тринити слышала совершенно животный звук, доносящийся, как ни странно, из палаты.

Пролистав карты, Тринити открыла нужную и вошла в бокс. На кровати лежала девочка, можно даже сказать, девушка. Она крутилась на постели, стонала и выла. В карте было указано, что девочка принадлежала к расе борхов, но на ее тщедушном взрослеющем тельце не было ни единого волоска. Борхи были сплошь покрыты растительностью. Волосы, длинные на голове и спине, короткие на животе и конечностях, были особенностью и достоянием этой расы. Только лишь лицо и ладони были без волосяного покрова. В среде борхов цветом волос меряли возраст, их густотой — здоровье, их внешним видом — статус. Но про лежащую на больничной койке девочку ничего этого нельзя было сказать — ее тело было абсолютно гладким. Кожа вместо бледно-желтой была почти оранжевой — явно воспаленной. Наверняка каждое прикосновение и каждое движение причиняли девочке острую боль.

Тринити подошла к ней и постаралась улыбнуться.

Как ни тянула Аля время, медленно нанося тушь и долго выбирая помаду, все равно приехала к родному кафе на полчаса раньше назначенного времени. Чувствуя себя полной идиоткой, помахала рукой коллегам, которые уже успели ее заметить через витрину, и отошла к ближайшей лавочке. Садиться не стала. Нервничала.

Теплый ветерок игрался Алиными локонами. Гомон птиц почти заглушал шумящие машины. Отовсюду доносились обрывки разговоров и смех людей, окончивших свои дела и решивших отдохнуть приятным летним вечером. Но Алька этого всего не замечала. Невидящим взглядом смотрела сквозь витрину прилегающего к лавке цветочного ларька и сама себя накручивала: «С каких это пор вы, Алла Витальевна, мужчин на свидания приглашаете? Что, совсем уже безнадега?» Грустно вздохнула и посмотрела, наконец, на цветы. В палатке стояла огромная ваза с крупными ромашками, и какой-то чудак покупал их, кажется, все. Алке даже стало жаль, что их сейчас заберут. Такие красивые, нежные... Покупатель повернулся к кассе. Ой, да это же Сергей! Он как раз рассчитался и, выходя, заметил Альку. Запнулся на пороге и покраснел.

— Аля, здравствуйте. А это вот... Вам, — вид у него был такой, как будто его застали на месте преступления. Чувствовалось, что цветы парень дарит нечасто.

Алька не смогла сдержать восторженного вздоха. Глаза загорелись, губы расплылись в довольной улыбке. Потом подумала, что ей с этим букетом весь вечер таскаться, и слегка сникла. Она-то запланировала большую прогулку! На выручку пришла продавщица:

— Молодые люди, позвольте предложить, — цветочница, хитро улыбаясь, протягивала плотный конусообразный пакет с ручками. — Так будет удобнее гулять.

Серега спохватился первым:

— Да-да, спасибо огромное.

Алька расцвела в улыбке:

— А как вы угадали, что мы гулять?

— Да не по-ресторанному вы одеты, — продавщица оказалась опытной.

Аля еще шире улыбнулась, принимая пакет с цветами.

— Как ты узнал, что я ромашки люблю?

— Никак. А ты любишь?

— Люблю, — Аля зарылась носом в мягкие белые лепестки и глубоко вдохнула их естественный, слегка заметный аромат.

— Твои духи.

— Что?

— У тебя духи чуть горьковатые, цветочные. Как ландыш или, — Сергей пожал плечами, — Ромашка. Вот я и подумал.

Алька смущенно вдохнула запах цветов. Действительно, чуть горьковатый аромат. Как ее духи. Какой он, оказывается, внимательный. А она отмахивалась от шуточек коллег про «ее посетителя».

Аля с Сергеем не спеша вывернули из переулочка на Тверской бульвар и пошли в сторону Елисейского магазина. Величественное шестиколонное здание не могло не обращать на себя внимание и приковывало взгляды даже завсегдатаев Тверской. Серега, конечно, тоже притормозил — засмотрелся на шикарно оформленные витрины, через которые проглядывали роскошные интерьеры. Алька обернулась на него и вдруг поняла, что он тут еще ни разу не был.

— А давай зайдем? — потянула она его за руку.

— Зачем? Это же вроде обычный продуктовый...

— Да ты что, это же самый настоящий памятник архитектуры! А ты знаешь, что до того, как стать магазином, это был самый просто дом? Его построила себе вдова Козицкого. При Екатерине Второй. Можешь себе представить, жить в таком вот домике?

Алька, слегка вальсируя, передвигалась по залам, плавным движением руки показывая то лепнину, то фрески. Сергей легко мог представить её танцующей на каком-нибудь балу — в пышном платье, с жемчужной нитью на шее. И это было намного приятнее, чем воображать какую-то там вдову Козицкую.

— Кстати, — не замечая мечтательного взгляда своего спутника, продолжала Алька, — ее внучка, княгиня Волконская, устроила тут литературный салон. Даже Пушкин, говорят, бывал!

Сергей стоял посреди бакалейного зала, силясь представить себе Александра Сергеевича. Ну не на прилавке

же он стихи читал.

— Тут, должно быть, все изменили?

— Конечно, изменили! Но еще при царях. Григорий Елисеев купил особняк и открыл здесь магазин. У Гиляровского об этом хорошо написано.

— Наверное, всё потерял после революции.

— Да не совсем. Он успел вывести капитал и сбежал во Францию. С молодой женой. Говорят, чуть ли не до середины двадцатого века дожил. А старая его жена, ну, в смысле, первая, на собственной косе повесилась. Представляешь, какой ужас?!

— Черт, невероятная история. На собственной косе?

— Ага, когда узнала о его измене. Вот. Поэтому я не люблю длинные волосы, — Алька взъерошила свой коротко стриженный затылок и напряженно засмеялась. Дурацкая вышла шутка.

— Ну, я думаю, тебе никто изменять не будет, — выпалил Сергей и покраснел.

Ее начинала забавлять эта его особенность. Светлая кожа в считанные секунды заливалась краской. Как лакмусовая бумажка. Такой тест на искренность — покраснел, и ничего уже не скроешь. Аля нежно улыбнулась, чуть-чуть любуясь новым другом. Вышли из магазина.

— Пойдем на Красную площадь?

— Ну, если хочешь, пойдем...

— А ты не хочешь? — Алька вздернула красиво очерченные брови.

— Я там вроде недавно был, — Сергей замялся и опять смутился. — На Красную площадь первым делом положено сходить любому приезжему!

— Тогда пошли туда! — Сергей с Алей развернулись и направились по Тверской в сторону площади Маяковского. — А откуда ты приехал?

— Я с Алтая. Родился в Темиртау, — Сергей улыбнулся. Коротко и незаметно. Почти что одними глазами.

— Какое красивое название.

— Ага. Значит «Железная Гора», — с гордостью перевел парень. — Это недалеко от Новокузнецка. Чуть больше часа на машине.

— Значит, ты приехал из Темиртау.

— Если совсем точно, то из Новокузнецка. Темиртау совсем маленький. Почти деревня. Поэтому поступать уехал в Новокузнецк, — Сергей глубоко вздохнул, — ну и работать там начал. Первые программы еще студентом писал. Вместе с друзьями что-то вроде клуба организовали. Потом один из наших проектов неожиданно заработал грант, и нас с ребятами пригласили сюда. Работать, что называется, на новом уровне.

— Так ты программист?

— Ага.

Аля присмотрелась к его футболке.

— Так вот что значат эти загадочные буквы! — на футболке стояла эмблема M*& R*. — А я все думаю, что это такое?

— Ну... Да, — Серега смутился. — Это фирменные футболки. На каком-то тимбилдинге выездном раздавали.

— Здорово! Серьезная компания.

— Ага. Мы сейчас пишем программное обеспечение для спутников связи.

— Невероятно! Так интересно! Для меня программирование всегда было чем-то вроде китайской грамоты. Хотя... нет. Я — гуманитарий. Китайскую грамоту я бы освоила.

— Гуманитарий? — Сергей был рад сменить тему. — Ты учишься?

— Уже закончила. Я училась в Литинституте. Он тут, недалеко.

— А, так вот почему ты так хорошо знаешь этот район!

— Ну да. Много времени тут провела.

— А в кафе это подработка?

— Работала студенткой, да так и осталась. Опытный бариста получает больше, чем начинающий корректор, — она не смогла скрыть грусти в голосе.

— Ты мечтала работать с книгами?

— Я мечтала написать книгу, — Алька сникла.

Мысль о нереализованных мечтах ее расстраивала.

— Я верю, что у тебя все еще впереди! Смотри, качели! — Сергей решил ее отвлечь и плюхнулся на широкую белую доску.

— Да, сейчас качели, — вздохнула Алька и присела рядом. — Знаешь, эта площадь всегда была местом сбора несогласных. Здесь читали свои стихи шестидесятники. Потом собирались лимоновцы. Это Площадь Маяковского. Точнее, сейчас она называется Триумфальная, но многие по-прежнему зовут её «Маяковского». Из-за памятника и

станции метро.

Ребята помолчали, разглядывая каменную спину поэта. Несогласный со всем на свете, он и после смерти притягивал к себе таких же несогласных. Сергей разглядывал площадь, здание гостиницы рядом:

— Здесь красиво.

Ноги сами собой упрямо отталкивались от асфальта, и молодые люди синхронно двигались, раскачиваясь. Что-то интимное было в этом детском невинном единстве. В этом ритме — одном на двоих, в этих энергичных движениях. Раз, два. Раз, два. Раз...

Алька вдруг, покраснев, гораздо резче, чем следовало, уперлась подошвой в землю. Серега чуть не слетел с качелей носом вперед.

— А пошли туда? — девушка вскочила, не смотря Сергею в глаза. — У меня есть одна идея!

Аля почти побежала по Садовому кольцу в сторону Патриарших. Ему оставалось только лишь следовать за ней.

— Если тебе вдруг станет неинтересно, — тараторила она в такт своим шагам, — скажи. Я просто подумала... Красную площадь действительно все приезжают смотреть. А это... Ты любишь Булгакова?

— Ну, не могу назвать себя его знатоком, но «Мастера и Маргариту» читал.

— Тогда эту парочку ты точно узнаешь! — Алька плюхнулась на лавку рядом с чугунными Бегемотом и Коровьевым.

— О! Знакомые все лица! Этот парень мне очень напоминает Саньку из отдела тестирования, — Серега покосился на бронзового Коровьева. — Вылитый!

Алька захохотала: так комично Серега разглядывал статую, оценивая ее то в профиль, то в анфас.

— Ты еще не устал?

— Не, я люблю пешие прогулки! Пожалуй, здесь мне их даже не хватает. Знаешь, в детстве мы с пацанами часто ходили в походы. Иногда просто с пачкой сосисок и кульком яблок. Иногда собирали рюкзак и уходили на несколько дней. Когда нам было лет по пятнадцать, ушли в горы в мае. Тут в мае люди в футболках ходят, а у нас еще снег может лежать. Мы хотели подняться по склону к озеру и там переночевать, но, пока шли, Юрка, сосед мой, свалился в какую-то лужу, и у него развалились кроссовки. Он ими так хвастался перед походом! Предки на центральном рынке купили. Фирма! А они раз намокли и все. Прямо реально на части! Подошва отдельно, верь отдельно. А под ногами снег! Мы его же шнурками ему подошву к ногам привязали, но идти-то дальше невозможно. Пришлось разворачиваться и пиликать домой. Он потом две недели больной валялся.

— У меня таких историй нет, — Алька с грустью улыбнулась. — Я — москвичка. С подругами мы ходили в кафе и в музеи, а с классом выезжали на экскурсии в Петербург. Пока был жив папа, мы зимой катались на лыжах. Но потом... Мама лыжи не любит.

— Сочувствую.

— Чему?

— Ну, у тебя умер папа.

— Это было давно, — отмахнулась Аля.

— Ну и что. Похоже, ты до сих пор переживаешь.

Аля обернулась и внимательно посмотрела на своего спутника. Губы сами собой сжались, а брови поднялись домиком. Ей действительно до сих пор было больно. Она редко позволяла себе об этом думать, но без папы жизнь стала совсем другой.

Сергей молча и очень аккуратно взял ее за руку. Посмотрел ей в глаза. «Можно?» — спросил он взглядом. «Можно!» — ответила она, опуская глаза, и отвернулась.

Они свернули с Малой Бронной в какой-то из переулков и пошли в сторону Большой Никитской.

— А ты знал, что полет Маргариты на метле — это излюбленный маршрут прогулок Булгакова с его тогда еще любовницей, а потом женой?

— Ты все знаешь про Булгакова? — Сергею, похоже, надоело.

— Нет! — Алька уловила раздраженные интонации и смущенно улыбнулась. — Просто наша учительница литературы была его фанаткой и каждое внеклассное занятие водила на экскурсии по булгаковским местам.

— В его квартиру не пойдем! — картинно округлив глаза, заявил Сергей.

— Не пойдем! — Алька засмеялась. — К тому же, она не тут. Отсюда ближе к Арбату. Прогуляемся?

— Ага. А что ты знаешь про Арбат? Ну, кроме песен Окуджавы.

— Песен Окуджавы я как раз и не знаю.

— Ну, значит, и мне будет, что тебе рассказать, — Сергей крепче взял ее за руку. Они сцепили замком пальцы, это вышло как-то само собой и очень естественно. И Алька совсем не чувствовала себя школьницей или, как там говорят, «по-дурачки». Нет. Ей было просто приятно чувствовать свою руку в его руке. И идти рядом. И слушать его рассказы о старом барде. Просто приятно.

Аля стояла на большом валуне лицом к рыжему морю. Резкие порывы ветра пронизывали до косточек, и она обхватила себя руками, поеживаясь. Штормило. Волны с силой разбивались о камни, и холодные брызги летели Але на ноги.

Крики странных птиц заставили ее поднять голову и посмотреть на светло-коричневое небо — оно было сплошь затянуто облаками, отчего казалось почти шоколадным. Очень яркие, красно-лиловые кожистые твари, похожие чем-то на чаек, кружили прямо над камнем, где стояла Аля, и противно клокотали. Стало не по себе. Опустила лицо и уткнулась взглядом в чужие ярко-зеленые глаза. Это было так неожиданно и пугающе, что Алька резко отпрянула и чуть не упала.

Удержалась на камне, размахивая руками и хватая ртом воздух. Та, вторая, внимательно смотрела на нее, слегка наклонив голову набок.

— Кто ты? — спросила Алька пришелицу. Хотя кто еще тут был пришельцем?

Странная девушка ответила не сразу. Казалось, вопрос заставил ее задуматься.

— Я — Тринити.

Очень содержательный ответ. Алька вспомнила любимый папин анекдот про Шерлока Холмса и программистов. О том, что их ответы абсолютно точные и абсолютно бесполезные.

Беспокойные ржавые волны накатывались на скалы, разбиваясь на тысячи брызг. Капли попадали Але на одежду, оставляя красноватые разводы. Сам собой вспомнился предыдущий сон:

— Ты сказала, что это кровь? — девушка взмахнула рукой в сторону моря.

Вопрос озадачил пришелицу. Она опять выдержала паузу, подбирая слова:

— Если бы я была тобою, то это была бы кровь?

— Если бы... Что? Что это вообще значит.

— Из этого, — Тринити присела на камне и зачерпнула горсть жидкости, — Впервые сделали нас, биониклов, — опять пауза и долгий изучающий взгляд на Алю. — Я — бионикл.

Алька нахмурилась. Биониклы? Сделали? Это вообще как?

— А ты... ты живая?

Тринити долго и отрешенно смотрела в сторону Али, но москвичка понимала — Тринити ее не видит. Было похоже, что бионикл перебирает в голове миллионы критериев и вероятностей. Ее лоб прорезала такая неуместная и оттого неестественная морщинка. Губы сжались в напряженную линию. Наконец, ее взгляд сфокусировался на Але:

— Живая? — переспросила Тринити, — Похоже, уже да.

Бионикл медленно подняла руку к щеке. Коснулась себя пальцами, а потом медленно потянулась к Алиному лицу. Волна ужаса охватила Алю. Даже дыхание перехватило. Ей хотелось закричать, но из горла вырывались только жалкие хрипы. Тринити еле ощутимо дотронулась до Али, но ту как будто током ударило. Она вздрогнула всем телом и... проснулась.

Аля распахнула глаза и первое, что увидела: замахнувшаяся над ней ладонь:

— Аля, Аля, — мама со всей силы лупила ее по щекам. — Аля, проснись, Аля.

Щека горела и даже болела. Добавки совсем не хотелось.

— Стой, стой, — торопливо прокричала Аля, — Я не сплю, не сплю... — мама так и осталась с занесенной над Алей рукой. Выдохнула, села на кровати, наконец опустила руки.

— Ты так кричала, стонала... Я тебя трясла, брызгала водой — ничего не помогало.

Аля провела рукой по мокрой подушке. Ей казалось, что этот сон длился пару минут.

— Аля, — утомленным голосом проговорила мать, — я прошу тебя, сходи к Андрею Евгеньевичу, я волнуюсь за тебя.

— Мам, я ему позвоню, — девушка накрыла ладонью руку матери.

— Точно? — Лидия Андреевна была похожа на капризного маленького ребенка, которому обещают карусель.

— Точно, — Аля приобняла мать. У той вырвался вздох облегчения. Она свято верила, что психиатр решит эту проблему. Алке бы ее уверенность.

* * *

Утро субботы выдалось необычайно суетливым. Аля работала два через два, и ее выходные нечасто попадали на субботу или воскресенье.

Сегодня был такой вот редкий день. Аля пообещала Сергею пикник. Это была ее идея — приезжие часто не видят красот Москвы за тоннелями подземки и каменными джунглями спальных районов. Но ведь Москва это и парки, и мосты над каналами, и соловьи в зарослях сирени, и закаты над озером.

Хотя сегодня закатов не получится. Аля пригласила Сергея в одну из парковых зон — позавтракать у пруда. По этому поводу девушка с шести часов суетилась на кухне: заворачивала в лаваш рубленую курицу с капустой и помидором, заваривала зеленый чай с медом и имбирем. С ее точки зрения, это был лучший напиток для теплого летнего дня.

Мама, поджав губы, взирала на Алькины сборы с любимой табуретки в углу кухни.

— На пикник собралась? — откуда-то из угла в сторону плиты наплывала грозовая туча. Мама хмурилась.

— Да, с подругами из кафе, — Аля старалась быть максимально невозмутимой. Ну подумаешь, не с подругами, а с другом. И не из кафе, а... Да и зачем маме все это знать?

— А ты Андрею Евгеньевичу позвонила? — по туче пробежали искорки.

— Мам, ну что беспокоить человека в выходные, в понедельник позвоню, — Аля приобняла мать и улыбнулась.

— Ты абсолютно несерьезно относишься к своему здоровью! — Лидие Андреевне хотелось добавить "и к моему", но она промолчала. Не время.

— Мам, я отлично себя чувствую. Правда. Я же взрослая девочка. Я вполне могу сама о себе позаботиться. — Алька щебетала, словно пташка. Ее сегодняшнее настроение не могла испортить даже надвигающаяся гроза.

— Не знаю, не знаю... — мама смотрела, как Аля пакует две чашки, две тарелки, два набора столовых приборов. Интуиция подсказывала ей, что свою дочь, свою собственность, необходимо защищать.

— Ой, мам. Все ты знаешь, — Аля опустила свернутые бутерброды в рюкзак.

— Хочешь сказать, что ты вполне самостоятельная и готова бросить пожилую мать в одиночестве? — нелогично, но очень уверенно перевела тему Лидия Андреевна.

Дело запахло корвалолом. Аля знала все мамины спектакли наизусть, поэтому быстро сгребла в рюкзак пластиковые чашки и тарелки, подхватила термос, чмокнув маму и протараторив что-то вроде «люблю-тебя-мамочка-честно-честно», вылетела из квартиры. Мама же пошла за телефоном.

Алькины разговоры о самостоятельности беспокоили ее все больше. С этим нужно было что-то делать. Лидия Андреевна не вчера родилась и понимала, что пикник у дочери, скорее всего, не с подругами. Или не только с подругами. Пожалуй, пора было пускать в ход тяжелую артиллерию.

Удобно расположившись в кресле у журнального столика, Алина мама набрала знакомый номер, и спустя три гудка бодрым и почти радостным голосом пропела:

— Андрюшенька, дорогой, здравствуй.

Пожалуйста, если вам понравилась книга, добавьте ее в библиотеку

Тринити уже второй день пыталась снять интоксикацию у девочки-борха. Процесс выздоровления шел очень тяжело и осложнялся эмоциональным состоянием пациентки. Она почти ни с кем не разговаривала, большую часть времени лежала, отвернувшись к стене иногда тихо постанывая.

Химический ожог тела составлял девяносто семь процентов. Она была почти при смерти. Хорошо, что степень ожога была невысока: кожа пострадала вся, но не сильно.

В медкарте было указано, что девочка сделала это сама. Причину никто не выяснил. Тринити считала, что этому нужно уделить особое внимание, поэтому во время обхода пошла к ней в самом конце:

— Доброе утро, — Тринити широко улыбнулась.

Девочка-борх фыркнула и отвернулась.

— Как ты себя чувствуешь? — прописанные алгоритмы предписывали проявлять внимание, участие и дружелюбием и бионикл изо всех сил старалась это делать.

— Ты что, припадочная? Что скалишься, как больная?

Лицо Тринити тут же выровнялось. Бионикл отметила, что слова борха относительно ее улыбки надо будет обязательно обдумать и проанализировать. Так же она сохранила в памяти несколько новых для себя мимических масок, но сейчас важнее, что она получила ответную реакцию.

— Больной у нас являешься ты, — Тринити открыла карту, — Ты нанесла себе химический ожог. Скажи, зачем?

— Я хотела убрать эти уродские волосы! Что непонятного? — девочка кричала, из глаз ее лились слезы. Тринити казалось, что эти слезы не от физической боли, хотя это было бы самым логичным.

— Убрать волосы? Но ты же борх?! — Тринити совершенно не понимала.

— Вот именно! Борх! Я — борх, а он — отера!

— Он? — кажется, Тринити услышала что-то важное.

— Я просто хотела быть красивой для него! — в голосе девочки смешались нежность, сожаление, благоговение... Тринити подумала, что голосом можно выразить не меньше, чем лицом, и сделала себе пометку обдумать это и потренировать интонации. Однако сейчас нужно было понять, что же случилось у девочки.

— Я не понимаю, в чем проблема. Смешанные браки очень распространены, — Тринити озвучила вложенную в нее идею: расы равны, смешанные браки распространены. При желании можно даже зачать ребенка. Искусственно, конечно, но можно...

— Распространены? Между кем и кем они распространены? Вирфы и отеры еще уживаются друг с другом, а мы... Знаешь, как он называет борхов? «Мохнатые зверушки». Он смеялся надо мной! Я для него — мохнатая зверушка, — последнее девушка произнесла уже рыдая. Слезы было не остановить — она уткнулась в подушку и завывала тем воем, который так напугал и удивил Тринити пару дней назад.

— Смеялся? — Тринити выбрала из всего монолога единственное, что смогла однозначно проанализировать, — Но смех — это же хорошо.

— Да что ты понимаешь, ты, искусственный кусок мяса! — девчушка зашлась рыданиями, отвернулась к стене.

Тринити ошарашенно сидела и смотрела на нее. Смех — это не всегда хорошо? Борхи — зверушки для отер? Биониклы — искусственные куски мяса?

Поступившая информация ломала все загруженные в нее стереотипы. Бионикл медленно поднялась и вышла из палаты. Надо добавить в назначения транквилизаторы и поднять вопрос о переводе пациента в стационар психиатрии.

* * *

Вечером, перед регенерацией Тринити спросила у голубовласого борха:

— Профессор, разве я — кусок мяса?

— Нет, Тринити, что ты. Ты — сложный бионический конструкт, — профессор не обратил внимания на вопрос, выставлял нужные ему параметры на регенерационной капсуле.

— Бионическое, с точки зрения биологии — это клетки мяса, кожи, сухожилий... мясо.

Что-то в тоне бионикла заставило профессора все же обратить на нее внимание. Он замер на секунду. Нахмурился, перевел взгляд на свою подопечную.

— Нет, конечно. Ты не только мясо.

— А что еще?

— Ты — это еще и загруженная в тебя информация.

— Значит, информация делает из мяса человека?

Профессор не был готов к таким вопросам. Он долго и задумчиво смотрел на бионикла:

— Нет, не только информация, но, пожалуй, это мы с тобой обсудим завтра, после регенерации. — голос профессора был сладким, успокаивающим. Тринити подумала, что именно таким голосом ей следует в будущем говорить с новой пациенткой.

Бионикл кивнула и молча улеглась в капсулу. На следующее утро она не помнила ни этого разговора, ни подробностей общения с пациенткой. Девочку — борха перевели в другое отделение, и ничто не отвлекало больше Тринити от привычного режима функционирования. Только вот какая-то недосказанность все время ей мешала. Она иногда задумывалась, глядя на общение детей разных рас или разглядывая своих коллег-биониклов. Как будто пыталась что-то вспомнить. Что-то очень важное для нее. Что-то, что постоянно ускользало.

* * *

Аля сидела на деревянном шезлонге, обхватив колени. Сергей раскинулся на покрывале у ее ног. Нежаркое московское солнышко ласкало своими лучами их лица, шелест листвы и щебет птиц перекрывался гомоном с детских площадок, легкий ветерок с воды обдувал, принося нежную прохладу. Где-то недалеко лаяли собаки и покрикивали их хозяева. Почти идеальное утро. Ребята держали в руках стаканы с чаем и наслаждались погодой и обществом друг друга.

— Ты как моя бабушка, — Серега по кошачьи шурился и явно наслаждался напитком.

— В смысле? Старая и ворчливая? — картинно возмутилась Аля.

— Нет, конечно! — Сергей опять покраснел, и Аля засмеялась. — И бабушка у меня совсем не ворчливая. Она, кстати, тоже Аля. Алевтина.

— Ну, я — Алла, — девушка пожала плечами

— Я знаю. Когда я говорил, что ты — как она, я имел в виду чай. Она тоже их любит. У нее разных трав — целый чулан. Утром надо пить шиповник с имбирем, а вечером — иван-чай или чабрец! И так на все случаи жизни. Рецептов — сотни две.

— Хотела бы я тоже такую кладовку, — произнесла Аля мечтательно.

— Да, у нее хорошо. Кстати, Юрка через три дома от нее участок купил. Строиться будет, — в голосе парня явно чувствовалась тоска.

— Ты скучаешь? — участливо спросила москвичка.

Сергей молчал. Продолжила Алька:

— Кажется, тебе вообще Москва не нравится, — это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Ну, вот здесь и сейчас мне нравится! — Сергей шутливо приподнял стакан чая, как будто произносил тост. Аля улыбнулась, а он продолжил уже не таким бодрым тоном, — Понимаешь, казалось, что Москва — это город больших возможностей, но чем дольше я тут живу, тем лучше понимаю, что не все эти возможности мне нужны. А то, что я люблю и умею делать, я могу делать из любой точки планеты. Вопрос в том, чтобы найти заказчика.

— Эх, — грустно протянула Алька, — Как это здорово, понимать, что тебе действительно нужно. У меня с этим проблемы.

Сергей сел на покрывале и внимательно посмотрел на свою подругу. Она уже поставила стакан и откинулась на спинку шезлонга, прикрыв глаза. Волосы разметались в беспорядке, одна из прядок упала на лицо. Парень аккуратно потянулся, чтобы убрать волосы с ее лица, но стоило ему коснуться Алиной щеки, она подпрыгнула, как ужаленная.

— Прости, я не хотел, я просто, волосы... — Сергей был явно смущен.

— Нет, ничего, — Алька смутилась, потом взяла его руку в свою, успокаивая. — Все хорошо, ты ни при чем.

— Ты так вздрогнула, — Сергей сделал пасс рукой в воздухе, пытаясь что-то объяснить жестами. Слов ему не хватало.

— Да, это просто... от неожиданности, — Аля замялась.

Сергей с волнением всматривался в лицо девушки. Она так боится прикосновений? Отчего?

— Точно? Все нормально? — теперь уже он держал ее руки в своих.

— Точно... Я просто...

Але вдруг захотелось ему все объяснить, все рассказать... Ей показалось, что он не отмахнется, не станет шутить, не пошлет ее к психиатру.

— Понимаешь, мне иногда снятся странные сны. — Сергей по-прежнему внимательно на нее смотрел. — Там целый мир. Чужой, не наш. И... Только не говори, что это отражение моих дневных переживаний, или что мне надо к врачу за сновидениями!

— Не скажу, — Сергей видел, что она сильно нервничает. То, что она говорит — серьезно для нее, а значит и для него. — Про врачей и сновидения я вообще ничего не могу сказать — совсем не моя тема. Ну а по поводу того, что сны — это отражение твоей жизни... В жизни случается всякое, и мы часто вешаем ярлык «невозможно» на то, что не можем объяснить. Ты ж помнишь, я — с Алтая. У нас там до сих пор всерьез к шаманам ходят. Те накурятся благовоний и что-то предсказывают. И ты знаешь, интересные иногда предсказания выходят. У нас есть один шаман такой. Нестарый, кстати, еще мужик. Слепой, умеет впадать в транс и так людей ищет. И находит. Моей бабушки соседи сына своего искали. Подросток из дома сбежал. Так шаман рассказал, где ребенок, с кем ушел и что сказать надо, чтоб домой вернулся... После таких историй начинаешь верить, что есть что-то за пределами того мира, который можно пощупать. Ну так что за сны?

* * *

Лидия Андреевна в молодости была очень видной женщиной. Работала секретарем у большого начальника, и поддержание эффектной внешности считала частью своих должностных обязанностей. Годы добавили ей складок в разных местах и убавили огня в глазах, но, в общем и целом, потенциал еще был! И она это прекрасно понимала: тонкий шарфик на шее, ресторан с правильно выбранным освещением и сложный, но неброский макияж делали из нее почти ровесницу Андрею Евгеньевичу.

Они сидели друг напротив друга — молодящаяся фам фаталь и красивый, подтянутый мужчина со стальным взглядом. Модная стрижка, ухоженные руки, будто небрежно расстегнутый ворот рубахи — все выдавало в нем человека состоятельного и внимательного к себе. Он медленно потягивал кофе, пристально наблюдая за собеседницей из-под полуприкрытых век цепким, профессиональным взглядом, а она, чуть-чуть жеманничая, щебетала:

— Мне кажется, это все потеря отца. Ей не хватает опоры. Представляешь, у нее совершенно не складываются отношения с ровесниками! Она же творческая натура. Ей нужен кто-то, кто готов поддерживать, успокаивать, иногда даже опекать, — Лидия Андреевна послала многозначительный взгляд собеседнику. — Современные мальчишки так поздно взрослеют.

Андрей Евгеньевич молчал, давая выговориться старой знакомой. Ее замысел был наивен и прозрачен, и не надо было быть опытным психиатром, чтобы догадаться, к чему его склоняют. Закоренелый холостяк, благополучно доживший в одиночестве до тридцати семи лет, он действительно уже иногда задумывался о женитьбе. Это придало бы ему солидности, статуса, продолжение рода, опять-таки. Молодая жена, творческая личность. Нет, «творческая личность» не подходило Андрею Евгеньевичу. Начинаящая писательница, вот это звучит лучше. Начинаящая писательница, хорошо образованная, потомственная москвичка, здорова, что немаловажно.

Андрей Евгеньевич задумался почти всерьез, но молчал. Хотел выслушать Лидию Андреевну до конца. Чем еще его поманят?

— Конечно, мы не богаты. Покойный муж мне почти ничего не оставил.

Это была наглая ложь. Лидия Андреевна исправно получала дивиденды с капиталов мужа, что позволяло ей не работать в последние, предпенсионные годы. Но об этом же никому не надо знать, правда? Даже Аля искренне считала, что они на грани нищеты, и она обязана работать.

Андрей Евгеньевич отметил едва заметное движение подбородком, отведенный взгляд, и, хотя и не считал себя опытным физиогномистом, чуть улыбнулся: «Врет, старая пересказчица!»

— Но зато девушка не избалована! — Лидия Андреевна продолжала гнуть свою линию. — Она мила и заботлива. Всегда обнимет, поцелует. А какой она заваривает чай! У нее на каждый случай в жизни есть свой сбор: чабрец, мята, иван-чай. Весь шкаф в ее баночках!

Андрей Евгеньевич улыбнулся, в этот раз открыто.

— Лидочка Андреевна, если ваша дочь хоть немного унаследовала вашей красоты и обаяния, то ей не

понадобятся ни приданое, ни рекомендации. Вы говорили по телефону, что у нее какие-то проблемы со сном?

— Ох, да. Я уверена, это невроз. Наверное, ей надо что-нибудь попить. Она еще стала такой строптивой. В ваших аптечках нет ничего такого, чтобы девочка снова стала послушной? — Лидия Андреевна состроила максимально невинные глазки: пойди, пойми — серьезно она говорит или шутит.

— В наших аптечках чего только нет, — недобро усмехнулся Андрей Евгеньевич.

— Я так и думала, — Лидия Андреевна довольно улыбнулась. — Она обещала позвонить тебе в понедельник.

— В понедельник? Это удачно. Возможно, в понедельник вечером я даже смогу с ней встретиться.

— Было бы замечательно! — Лидия Андреевна кивнула.

— Ну, на этом и остановимся, — Андрей Евгеньевич улыбнулся своей очаровательной акульей улыбкой и попросил счет.

* * *

— Говоришь, она дотронулась до твоей щеки, и это был как удар током?

Алька кивнула. Вид у нее был так себе. Вся эта история, облеченная в слова, выглядела по-дурацки. И талант писателя не помог. Аля очень смущалась и боялась выглядеть мнительной истеричкой в глазах друга. Но Сергей не смеялся, не пытался сменить тему, а всерьез обдумывал ее рассказ.

— А мама, значит, не могла тебя добудиться?

— Да, она меня и водой поливала, и звала, и трясла. Только пощечина помогла.

Аля приложила руку к щеке. Сергей положил ладонь поверх ее руки и большим пальцем пощекотал кончик ее носа, как котенку. Девушка от неожиданности растерялась и чуть отпрянула. В этот момент она была похожа на удивленного ребенка — простая и наивная, даже рот чуть приоткрылся. Серега широко и добродушно ей улыбнулся. Алька рассмеялась и соскользнула с шезлонга к нему на колени. Молодой человек заботливо обнял ее, прижал к груди и поцеловал в макушку. Альке стало так тепло и уютно, она замерла в его объятиях, боясь спугнуть мгновение, даже дышать перестала. Сергей погладил ее по волосам, прижался ее к себе, и чуть покачиваясь, наверное, чтобы успокоить, принялся рассуждать:

— Сами собой сны с продолжением — не редкость. Странно то, что ты не могла проснуться. Это действительно может проявляться какая-то травма, даже из глубокого детства, а может, — Сергей округлил глаза и изменил голос, — Кто-то из другого мира пытается передать тебе послание.

Алька рассмеялась и поудобнее устроилась в его руках. Сергей продолжал:

— На самом деле, ничего нельзя сбрасывать со счетов. Знаешь что? — он чуть отстранился и посмотрел Альке в глаза. — Я обещаю тебе поискать информацию об этом, а ты, — он нахмурил брови и стал похож на молодого учителя из старого советского фильма, — А ты пообещай мне, что сегодня пораньше ляжешь спать!

Аля приложила ладонь к виску, вроде как честь по-военному отдавала:

— Торжественно клянусь!

— Эх ты, — Серега нахлобучил на нее свою бейсболку, — К пустой голове руку не прикладывают!

Девушка снова смеялась, а Сергей довольно улыбался. Откуда-то из далекого прошлого Але вспомнилась фраза: «Выходить замуж надо за того мужчину, который умеет тебя рассмешить». Она уже не помнила, была ли это цитата или любимая присказка кого-то из родственников, но сейчас была с этим полностью согласна: жизнь — сложная штука. Много на пути будет неприятностей. И некоторые будут очень трудно преодолеть, если только не посмеяться над ними. Вместе.

Чай закончился, но расставаться не хотелось. Сергей с Алей встали с покрывала. Решили немного прогуляться по парку. Аля поправила одежду и вернула Сергею его бейсболку — встала на цыпочки и очень аккуратно надела головной убор на друга. А он смотрел ей в глаза, и у нее почему-то мурашки по спине пошли от этого взгляда. Только впервые не захотелось убегать от этих мурашек. Наоборот — хотелось большего. Серега положил руки ей на талию и медленно притянул возлюбленную к себе и очень нежно, едва касаясь губами кожи, поцеловал. Лоб, щеку и, наконец-то, губы.

— Нет! И еще раз нет! Мы не можем отправлять биониклов в жерло вулкана!

Борх с ярко-голубыми волосами, что выдавало его весьма почтенный возраст, провел морщинистой рукой по высокому вспотевшему лбу и, тяжело опираясь на подлокотник кресла, с усилием встал.

— Я еще раз повторяю, мы можем выстроить организм, устойчивый к радиации, мы можем задать ген, формирующий жабры и создать выдерживающий высокое давление скелет, но мы не можем сделать огнеупорного бионикла!

— Послушайте, профессор, — вирф, настолько молодой, что еще невозможно было определить его пол, резко поднялся со своего места. — Если вам не хватает средств на исследования, мы выделим еще! Мы выделим столько, сколько скажете. Да, Создатель меня побери! — молодой оратор в сердцах взмахнул руками, — Лично я душу продам любому желающему, чтобы найти способ опустить туда бионикла!

— Вот в душе-то все и дело, — тихо, ни к кому не обращаясь, прошептал голубовласый профессор. — Вы можете себе представить, как будет выглядеть бионикл, устойчивый к сверхвысоким температурам? Каково ему будет в социуме? Как он будет чувствовать себя в этом мире? Что будет твориться у него в душе? Он же всегда будет одинок и несчастен!

— О чем вы, профессор? — в разговор вступила красивая зрелая отера. Ее гладкая лиловая кожа была сплошь покрыта тончайшим серебристым рисунком. Даже абсолютно лысая голова. Черные, лишённые зрачков глаза необъяснимым образом передавали ее настроение, а также показывали ум и рассудительность. В этом зале она одна заинтересовалась бормотанием старика. — Разве мы не выстраиваем просто конструктор? Как киборгов в прошлом? Мне всегда казалось, что биониклы отличаются от киборгов лишь тем, что собраны не из механических деталей, а из биологических элементов. Это же машины. Разве нет?

— У нас недостаточно данных, — профессор снова взялся за свои светлеющие с каждым циклом волосы.

Отерам, не имеющим ни единого волоска на теле, до сих пор было удивительно видеть такой тип растительности на разумном существе. Собственно говоря, именно этот казус послужил поводом для начала войны. Тогда, более трехсот циклов назад три мира слились в один, и три расы оказались перед выбором: уживаться друг с другом, или уничтожить. Изначальный выбор был совсем не гуманным. Отеры и вирфы совершенно искренне считали борхов животными. Более низкой, неразвитой расой. К счастью, это было давно. Сейчас бывшие враги считались равными. По крайней мере, в законах и декларациях.

— При запуске проекта, — продолжал борх, — у комиссии по этике не было никакой информации о поведении биониклов в социуме. Сейчас, когда мы уже более восемнадцати циклов используем биониклов в самых разных областях, у нас есть результаты наблюдений.

— Вы хотите сказать, что биониклы могут чувствовать? — энергичная молодая особь вирфа с неопределенным полем прервала профессора резким взмахом руки. — Так сделайте их бесчувственными! — его выбор был прост. Никакого морального сложного выбора.

— Я сейчас говорю не про обоняние или осязание, — профессор вел себя так, будто объяснял сложную работу нерадивым студентам: ходил из угла в угол, ерошил голубые волосы, вглядываясь в глаза слушателей, медленно проговаривал простые истины, — Я не об осязании, понимаете? Его мы можем убрать. Но как вы уберете душевные страдания того, кого специально делают бесформенным уродом, обрекая на одиночество и неприязнь?

— Душевные страдания? — в зале повисла напряженная тишина. — Я правильно понимаю, — опять говорила отера, — Вы предполагаете наличие... эмоций и личности у биониклов?! Они страдают?

Профессор сел назад в свое кресло. Положил морщинистые руки на подлокотники и уставился на собственный кончик носа.

— Есть основания предполагать, что в социуме у них развиваются зачатки личности. Да.

Выпалив это, голубовласый ученый, откинулся на спинку и прикрыл глаза. В зале было тихо. Если бы в этом мире были мухи, их полет абсолютно точно было бы слышно. Профессор уже был в том возрасте, когда любое противостояние давалось ему нелегко. Больше всего он мечтал сейчас уединиться в своей лаборатории и пересмотреть данные о работе эмоциональных центров биониклов. Он был прав и хотел физически держать

доказательства своей правоты в руках.

После долгой паузы заговорила отера. Она обращалась к вирфу:

— Предлагаю вам профинансировать теоретические, — она сделала акцент на этом слове, — разработки по созданию организмов, устойчивым к сверхвысоким температурам, мы же апеллируем к комитету по этике для сбора дополнительной информации и возможного пересмотра данных по статусу биониклов. На этом сессию предлагаю считать закрытой.

Зал наполнился зеленоватым светом, и отовсюду послышалось шуршание и шепот. Помимо троих участников дискуссии, там присутствовало не менее полутора десятков особей разных рас. Кто-то из них вел записи, кто-то попросту был наблюдателем, но все они, независимо от своего статуса, были поражены услышанным. Зачатки личности у биониклов? Это ломало всю систему социальных отношений у жителей этого мира. Столь важная информация не должна ни в коем случае покинуть этих стен. До окончательной проверки и вынесения вердикта комиссией по этике.

Зал продолжал шуршать, профессор же, уворачиваясь от желающих поговорить, выскользнул за двери и медленно, опираясь о стены, пошел к себе в научный блок.

Тишину в его лаборатории нарушало лишь равномерное жужжание бионической капсулы. Борх заглянул внутрь через прозрачную часть купола: в ярко-оранжевой жидкости покачивалось тело молодого бионикла. Профессор приложил ладонь к сенсору и отдал нужные команды. Капсула будто вздохнула, слила жидкость и раскрылась. Тринити открыла глаза и села, как на кровати.

— Как отдохнула? — голос профессора был приветлив, почти нежен.

— Все системы в норме, профессор. А вот вы выглядите не очень, — Тринити свесила ноги из капсулы, накинула тонкую белую сорочку и легким прыжком встала. — Было сложное слушание?

— Да уж, с официалами разговаривать непросто, — профессор вздохнул и тяжело сел в рабочее кресло.

Тринити склонилась над ним, положила руку ему на плечо и тепло улыбнулась:

— Профессор, хотите, сделаю вам отвар крыжицы? С капелькой патиса, как вы любите?

— Будет здорово, Тринити.

Бионикл развернулась и ушла в кухонный блок. Профессор смотрел ей в след и думал об этих милых проявлениях заботы. Что из них есть часть заложенной программы детского медикуса, а что — проявления личности? А может, нет никакой личности, и он ошибается? А если есть, но комиссия по этике предпочтет этого не заметить? Борх потянулся к мониторам и вывел на них результаты исследований. Однако, услышав возню бионикла за спиной, тут же скрыл их. Пару мгновений спустя он почувствовал теплую ладонь на плече. Тринити подошла совсем неслышно. Она поставила перед ним чашку с ароматным отваром и посмотрела на профессора.

— Все образуется, — Тринити чуть сжала плечо старика, — рано или поздно, все образуется.

— Конечно, моя дорогая, — профессор положил ладонь поверх ее руки и участливо похлопал, — конечно.

— Не, ты от ответа-то не увиливай! — вопила Верка возмущенным голосом по ту сторону экрана. — То, что он добрый и умный, я еще в прошлый раз поняла. Лучше расскажи, как он целуется?

— Ах, Вера, — Аля с томным придыханием откинулась на кровати, оставив подруге созерцать лишь свои колени.

— Так, вижу, хорошо целуется, — Верка куда-то шла: дрожащий экран телефона выхватывал то бурную зелень, то яркую одежду. На заднем плане звучали клаксоны машин и эмоциональные выкрики.

— Тебе бы все об одном. А он, между прочим, — Аля села на кровати, — ценный специалист в своем отделе.

— Ну, видать, не только в своем отделе, но и вообще... специалист, — Вере нравилось подначивать скромную подругу.

— Да ты все об этом! — Алька даже покраснела.

— С моей точки зрения, это, — Вера выделила универсальный эвфемизм, — Тебе ой как нужно! Поэтому, — она сменила тон, — поэтому, подруга, я за тебя очень рада. Кажется, наконец-то попался вменяемый парень. А то вечно, с легкой руки твоей мамы, какие-то... — Вера не стала продолжать, но ее мнение было и так понятно по сморщенному носу и презрительному фырканью.

— Кстати! — Аля будто что-то вспомнила. — Он серьезно отнесся к моим снам! В отличие от всех вас. Даже рассказал, что у них там на Алтае есть какой-то шаман, который путешествует в трансе по параллельным мирам. Ну, он не то, что в это сильно верит, а просто говорил, что может быть всякое.

— Алька, — Вера эмоционально взмахнула руками. — Ты что, забыла, что я на Бали? Здесь этих шаманов, ведуний, колдуний, как собак нерезаных! Нужен шаман — будет тебе шаман!

— Да причем тут это, я разве шамана просила? Я тебе говорю, что человек не стал смеяться или отмахиваться. Или, как мама, — Аля подняла к потолку глаза, взмахнув руками, — Чуть не насильно отправлять меня к врачам.

— Кстати, как отнеслась твоя мама? — Верка сменила тон с шутливого на серьезный.

— Я ей ничего не говорила, — Аля понизила голос, почти переходя на шепот — Она пристала ко мне, как банный лист, со своим Андреем Евгеньевичем, — Аля переменялась в лице при воспоминании о навязанном ей психиатре. — Завтра буду ему звонить.

— Зачем? — Вера, казалось, была не столько удивлена, сколько взволнована.

— Ну, мама считает, что это у меня невроз, и мне пора пить таблетки, — Аля качала головой, передразнивая мамину мимику и интонации. Вера почему-то не засмеялась. Наоборот — сделалась необычайно серьезной.

— Аль, — подруга замолчала.

— Что?

— Ты меня прости, но твоя мама — та еще штучка.

— Да это я и без тебя знаю!

— Аль, ты никаких таблеток не пей, ладно? Согласись, сходи купи, но только не пей.

— Вер, ты что? Думаешь мама меня... — Аля была как будто удивлена и даже чуточку возмущена.

— Аля, я ничего не думаю, но только ты таблеток не пей! И вообще, потихоньку расскажи маме о своем Сергее. Что он у тебя положительный, перспективный. Плохо, что он не москвич.

— Вер, разве можно быть такой меркантильной? — Аля возмутилась замечанию подруги.

— Нельзя. Но твою маму в меркантильности еще пойдешь переплюнь, — подруга была совершенно серьезна и взволнована. — Ты позвонишь мне после встречи с психиатром?

— Позвоню. — девушка покорно кивнула монитору.

— Аль, я волнуюсь.

— Вер, ну ты чего? В конце концов, я же тоже взрослая девочка, — такая опека Алю немного утомляла и забавляла.

— Да, моя хорошая, — подруга поняла, что перегибает палку, нежно придвинулась к монитору, вытянув губки трубочкой. — Иди обниму.

— Я так по тебе скучаю, — Аля тоже уткнулась носом в монитор.

— Эх, ну... Москва — не мой город! Но обещаю, как-нибудь приеду.

Аля молча улыбнулась. Слышала она эти обещания уже не раз.

— Пока, Альченок? — Вера помахала рукой в монитор.

— Пока, Верчонок, — Аля повторила жест и отключила видеосвязь.

Аля встала из-за монитора обеспокоенной. Неужели Вера права? Да нет, не может быть. Мама у нее, конечно, специфическая, но она ей все-таки мама. Она ее любит. Любит же?

Девушка ушла на кухню, к своим любимым и привычным баночкам и коробочкам. Навела себе чашку

травяного отвара с мятой и, вдыхая аромат трав, погрузилась в воспоминания. Детство Али прошло в любви и заботе: вот она упала, разбила коленку, и папа поднимает ее, целует, зажимает большой теплой ладонью ее царапины, вытирает слезы. Никаких тебе упреков, что колготки порвала. Только поддержка. Вот она маленькая плывет на папиной спине. Вокруг волны и брызги, ей весело, она хохочет. И абсолютно уверена, что они плывут далеко и все моря им по плечу. Вот она, шатаясь, катится на двухколесном велосипеде, а папа бежит сзади и держит велосипед за багажник. Аля знает, что, если что — папа поддержит, и сама не замечает, как он отстает и останавливается. А вот она получает двойку за контрольную, и папа щелкает ее по носу и говорит, что она через год и не вспомнит про эту двойку. А чтобы их больше не было, надо выучить урок. Потом, а сейчас они пойдут в парк есть мороженое.

Аля смотрела в окно: на еще голубом небе собирались плотные серые тучи. Вдали гроыхало: кажется, будет дождь. Папа любил дождь. Папа. Девушка запахла на груди кофту, обхватила себя руками и стала смотреть в окно, забыв про свой чай. Все приятное в ее жизни связано с папой... А мама? После смерти отца отношения с мамой были тяжелыми и натянутыми. Молодая вдова то и дело впадала в истерики, всех во всем обвиняла. Альке доставалось больше всего, но она все терпела и списывала все на боль от утраты. К слову, ее утратой мама не интересовалась. А чем вообще в ее жизни мама интересовалась? Аля вспомнила это презрительное хмыканье, когда она сообщила о выборе института. А то, как мама отваживала всех кавалеров, упорно подсовывая ей сыновей каких-то подруг. Или то, что мама не работала, ссылаясь на здоровье, но считала, что Аля должна ее содержать. Со своей скромной зарплаты Аля оплачивала все расходы на питание и коммунальные услуги. А может, Вера не так уж и не права?

На оконное стекло упали первые крупные капли. Следом еще.

А любит ли ее мама? Или просто использует, как годами использовала папу?

Аля всерьез задумалась. Правду же говорят, что иногда со стороны виднее. Пожалуй, она послушает совета Веры. Не стоит доверяться маминим знакомым. Она сходит к этому врачу, как обещала, но постарается с ним сильно не откровенничать.

Дождь за окном усилился, смывая грязь с листьев и с дорог... Чай давно остыл, а Аля все стояла и смотрела в окно, слушала стук капель по стеклу. Сейчас, глядя на мутные потоки воды, она увидела то, чего не замечала раньше.

Пожалуйста, подписывайтесь на автора и добавляйте книгу в библиотеку, если она вам нравится.

Аля шла по переулкам, сверяясь с адресом в телефоне. Смена выдалась тяжёлой: ноги еле несли, глаза уже с трудом различали буквы и символы, а голова гудела от людских голосов. Сейчас бы отправиться в постель, вытянуться, укрыться одеялом с головой, но, по иронии судьбы и по настоянию матери, Аля шла в контору Андрея Евгеньевича разбираться с бессонницей. Вспоминался старый анекдот: больница — это место, где тебя будят в два часа ночи, чтобы дать снотворное.

Как и договаривались, она позвонила Андрею Евгеньевичу во время обеденного перерыва. Если честно, хотела позвонить после смены, но мама замучила сообщениями.

Андрей Евгеньевич ее звонку, обрадовался и настоял на встрече именно вечером после работы. Он привел кучу аргументов: дескать, и откладывать такие вещи нельзя, и он всю оставшуюся неделю, скорее всего, будет занят, и кабинет у него тут в центре совсем рядом. Последним гвоздем было: «Ну что же я скажу вашей маме? Она так просила!»

Объясняться с мамой совсем не хотелось, и Аля, несмотря на дикую усталость, поплелась на Трубную.

Она ждала, что это будет что-то вроде кабинета в поликлинике — плакаты на стенах, склянки в шкафу и врач в белом халате, однако попала в обстановку гораздо более уютную. Можно даже сказать, интимную. Мягкий, приглушенный свет, диван с накинутым на него пледом, легкий цветочный аромат и фоновая музыка а-ля «звуки природы».

Андрей Евгеньевич улыбнулся, увидев, с каким удивлением Аля озирается по сторонам.

— Это же частный кабинет, Аленька, — он усадил ее на диван, подсунув под спину подушки, — мне нужно, чтобы людям было хорошо, удобно. Чтобы они не боялись и не нервничали.

Врач протянул ей чашку чая:

— Вот, мама сказала, что ты любишь чай. Я — не мастер заваривать, это просто зеленый с жасмином.

Аля продолжала оглядываться, вдыхая аромат чая. Он был какой-то странный, но она списала это на дешевизну сорта. Чего ждать от чая из пакетика?

Андрей Евгеньевич устроился в кресле напротив и участливым тоном спросил:

— Ну, что там у тебя? Рассказывай.

— Да ничего особенного, — Аля по-детски пожалала плечами, — просто сны странные. Встаю по ночам. А мама нервничает.

— Ну, мама же не спроста нервничает. Она говорит, ты кричишь во сне, иногда тебя не добудиться.

Аля опять молча передернула плечами, отвела взгляд и отстранилась. Андрей Евгеньевич заметил это и решил зайти с другой стороны:

— А где ты работаешь, Аль? — врач достал блокнот и карандаш.

— Я в кафе работаю, официант-кассир, — он же и так должен был это знать. Мама наверняка сказала.

— Здорово, тебе нравится? — казалось, ему действительно интересно.

— Да не особо, но платят нормально, — Аля в который раз пожалала плечами. Дескать, а кому сейчас легко.

— Тебе же пришлось бросить учебу, да? — теперь голос полный сочувствия.

— Нет. Я окончила институт.

— Напомни, какой? — надо же, прям записывает.

— Литинститут, — Аля гордилась своим образованием.

— Любишь читать? — психиатр улыбнулся.

— Хотела писать, — тут Андрей Евгеньевич отложил свой карандаш и посмотрел ей прямо в глаза.

— То есть, ты забросила свои мечты и занимаешься не тем, чем хочешь.

— Получается так, — Гордость в голосе растворилась, Аля говорила почти шепотом.

Психиатр хмыкнул, что-то отметил в блокноте и снова поднял на нее глаза:

— Прости, что спрашиваю, а что у тебя с личной жизнью?

— Да ничего, — Аля почему-то густо покраснела.

«Тема деликатная, — подумал Андрей Евгеньевич. — То ли краснеет оттого, что врет, то ли и правда "ничего"».

— Нет, я имею в виду, что все в порядке, — выпалила Аля, — просто вот сейчас никого нет, но меня все устраивает. У меня работы сейчас много, мне не до того.

Андрей Евгеньевич многозначительно угукнул.

— И вообще, вы знаете, у мамы здоровье слабое. Какие могут быть сейчас мужчины, когда ей то скорую надо вызвать, то в аптеку ночью бежать.

— Аля, а вам нравится жить с мамой?

— Ну да, — чуть было не сказала «все ж так живут».

— У вас с ней хорошие, ровные отношения, вы заботитесь друг о друге, она уважает ваше мнение и прислушивается к вашим решениям?

Аля вспомнила свои вчерашние размышления на кухне. Мама? Уважает? Точно нет. Вслух говорить ничего не стала, но, глаза ее выдали, потому что Андрей Евгеньевич снова что-то промышчал себе под нос и что-то записал в блокнот. Потом вдруг отложил его, закинул ногу на ногу и сделал неопределенный жест рукой, с зажатым в ней блокнотом:

— Аля, а у вас много друзей? На работе, например.

— Нет, на работе у меня с коллегами отношения скорее товарищеские. У меня есть близкая подруга детства. Но она сейчас путешествует.

— То есть, рядом никого близкого нет.

— Нет! То есть, есть. То есть... — Аля замялась и побледнела, — нет.

Андрей Евгеньевич придвинулся к ней чуть ближе и накрыл ее руку ладонью. Она почувствовала запах его парфюма: тяжелый, с нотками сандала, смешанный с ароматом дорогих сигарет. Психиатр наклонился к ней так, что их лица почти соприкасались. Она отчетливо видела его гладкое, хорошо выбритое лицо, густые волосы, светло-карие глаза. Аля не могла не признать, что рядом с ней очень привлекательный мужчина. Похоже, это легко читалось на ее лице, потому что Андрей Евгеньевич, насладившись произведенным впечатлением, очень тихим, но приятным грудным голосом произнес:

— Аля, если вам надо, вы всегда можете приехать поговорить со мной. Или позвонить. Да даже написать. Я сейчас говорю с вами не как врач, а как, — он замялся и сделал небольшую паузу, — как друг, готовый вас поддержать.

Аля еле заметно кивнула и выдернула свою руку из-под его ладони. Психиатр сразу считал этот сигнал и выпрямился в кресле. Весь налет интимности мгновенно рассеялся, и перед ней снова сидел просто врач.

— Я сейчас вам выпишу таблетки, — неестественно бодрым голосом произнес Андрей Евгеньевич. — Хотя, — он сделал почти театральную паузу, — зачем вы будете их покупать, я вам дам!

Андрей Евгеньевич открыл сейф в углу шкафа и достал какой-то пузырек без этикетки.

— Это легкий антидепрессант. Принимать по одной таблетке три раза в день после еды. Он поможет вам расслабиться и нормально спать. Ну, а через пару недель приема — снова ко мне. Еще раз поговорим, — Андрей Евгеньевич улыбался обворожительной улыбкой голодного крокодила.

Аля еле слышно пробормотала слова благодарности, и, слегка кивнув, вышла из кабинета.

Вот так живешь себе, особо не горюешь, а, оказывается, вся твоя жизнь — дерьмо собачье. В горле встал комок. Перед глазами все поплыло от наворачившихся слез. Ни мужа, ни родных, ни друзей. Аля присела на какую-то лавку у дороги и достала телефон. Очень хотелось поделиться своими эмоциями с Веркой, она даже стала набирать сообщение, но тут в голове эхом прозвучал голос: «То есть, рядом никого близкого нет?»

* * *

А действительно, насколько близка ей Вера? Когда они виделись в последний раз? С кем ее подруга общается в реале? Какие поступки совершает? Как ведет себя? Ничего этого Аля не знала.

Они последний раз виделись года три с половиной назад. Верка тогда приезжала в Москву на Новогодние каникулы. Помнится, она жутко поругалась с очередным Алиным ухажером. Парень был действительно. сильно так себе. Маме нравился. Больше никому. Подруги считали его жлобом, Верка попросту уродом. Аля и сама не могла бы объяснить, почему согласилась с ним встречаться. Факт оставался фактом, Верка, хоть и повела себя не красиво, оказалась права. Но тогда, после той вечеринки, они расстались плохо. И в реальности больше не виделись. Мирились уже он лайн. Але в душу закрались сомнения, а что если все — не то, чем кажется. Ведь в камеру ноутбука можно наговорить все что угодно. На расстоянии так легко обмануть.

Руки сами собой упали на колени, зажатый в них телефон чуть не скатился на асфальт. Аля в последнюю секунду вышла из оцепенения и подхватила его уже в полете. В этот момент он зазвонил, и Алька на автомате

приняла звонок.

Звонила Вера, как будто почувствовала, что Аля думает о ней. Аля усмехнулась: если б она видела, кто звонит, то сбросила бы.

— Але, Алька? Ты где сейчас? Ты можешь говорить? Ты наш разговор помнишь, ну про шаманов, ведуний, гадалок, так вот... — Вера вдруг поняла, что Аля до сих пор не сказала ни слова: — Аля? Аля, что у тебя происходит, — на телефоне появился запрос видеосвязи. — Аля, ты где?

— Я... Я у Андрея Евгеньевича была, — девушка включила видеосвязь и взяла телефон так чтобы, ее было видно в камеру.

Вера нахмурилась. Брови сошлись в одну линию, а глаза вдруг стали очень темными.

— И?

— Знаешь, получается, что в моей жизни нет ничего хорошего. Ни работы, ни семьи, ни друзей, — Алька, сама того не желая, начала реветь.

— Так, стоп, стоп, как это нет работы? — судя по интонациям, подруга была искренне возмущена.

— Ну, я же мечтала не в кофейне работать, а книги писать. А я... Вера, я и кофе-то не люблю, — Аля отчаянно взмахнула рукой и дала волю слезам.

— Аля, ты вынуждена оплачивать квартиру и еду для себя и мамы. И радоваться надо, что ты можешь это делать. Твоя работа вполне позволяет писать книгу в свободное время. Ты этого не делаешь, но это другой вопрос. Дело точно не в твоей работе! Знаешь, сколько по Москве таких, кто либо сидит на шее у родителей, либо еле сводит концы с концами? Ты не дворы метешь и не полы в подъездах моешь, ты в теплом уютном кафе. Да, не бог весть какая работа, но она есть! И она дает тебе средства к существованию. Что там этот мозгоправ дальше осудил? — Верка рвалась в бой. Она готова была раздавить нахала, расстроившего Альку, всеми своими сорока тремя килограммами.

— Семью... С мамой отношения у меня плохие, своей семьи нет...

— Мама у тебя действительно не подарок, хотя и странно, что этот товарищ ее осуждает. Он же вроде как ее друг? — Вера в мониторе прищурилась, оценивая обстановку.

— Ага, друг, — Аля и сама не понимала, как так вышло, что вроде и друг, а...

— Ну и как это он и дружит с ней, и косточки ей перемывает? Что за подход? — Вера озвучила Алины сомнения.

— Да он не перемывает, он говорит, что у меня с ней нет теплых взаимоотношений.

В кабинете все звучало так логично. Почему же этот разговор не выдерживает критики при обсуждении?

— Ну, нет, и что? Но вполне мирно живете. А своя семья... Ты про Сергея им не говорила?

— Нет. Да и что о нем говорить, — Аля взмахнула рукой, как от мухи отмахиваясь. — Так, пару раз поцеловались.

— Вот и не говори, ни маме, ни этому. Как можно дольше не говори. Ох, не нравится мне все это. Аля, психиатры должны в людей любовь к жизни вселять, а этот как будто специально у тебя почву из-под ног выбивает. Неспроста это. Что-то он задумал. Ты к нему еще пойдешь?

— Ну, он сказал, что я могу звонить, писать и приезжать, когда хочу поговорить, а вообще заехать к нему через пару недель приема таблеток.

— Каких таблеток?!

— Не знаю, на пузырьке нет этикетки. Сказал, легкий антидепрессант, — Аля полезла в сумочку за пузырьком.

— Алька, не смей пить! — кажется, у Веры со стола что-то упало, но она даже не обернулась в порыве чувств. — Ни одной таблетки. Слышишь меня? Вообще их выкини. Нет. Стоп, не выкидывай, — Вера задумалась. — Делай вид, что пьешь. На кухне ими потряси, чтобы мама видела. А сама смывай по три таблетки в унитаз каждый вечер.

Аля шмыгала носом.

— Аля, вспомни наш разговор! Мы же как раз об этом говорили!

— Хорошо.

— Что?

— Хорошо... Не буду пить, — Аля вспомнила разговор с подругой накануне. — Да, Вер. Ты права. Что-то я не к месту расклеилась. Я не буду их пить. А ты чего звонила то?

— Гадалку я тебе нашла, — сообщила Вера таким тоном, как будто они обсуждали прошлогодний снег. — Ты ж хотела шамана.

— Да не хотела я! Ну ладно, нашла, так нашла, — Алька улыбнулась. — Кому звонить?

— Никому. В среду, в одиннадцать по Москве я к ней приеду и тебе позвоню. Вот, хотела попросить, чтобы ты была дома. Ни в какой парк со своим незначительным Сергеем не сбежала.

— Не сбегу, — Алька уже смеялась. — Он же работает.

— Ну мало ли. Он же у тебя такой незначительный и предсказуемый, — Верка явно иронизировала.

Аля усмехнулась, вспоминая, как Сергей, с тех пор как они начали встречаться, по пять раз на дню прибегал к ней то кофе купить, то цветок подарить. И находил же время!

— Все, ку-ку, Альчонок. Пошла я спать, у нас тут уже полночь. А ты будь умницей. И не вешай нос.

Аля послала воздушный поцелуй подруге и отключила связь. Действительно, разве станет не близкая подруга звонить ей чуть ли не каждый день. Искать для нее гадалку, пусть и в шутку.

А отношения? Сергей покорила и ее, и всю кофейню нежными букетами по утрам. Он стал покупать столько кофе, что она не выдержала и однажды предложила ему чай! Теперь на работе у нее под стойкой всегда термос с чабрецом и мятой — по касе пробивает американо, а в стаканчике — любимый напиток. Исключительно для Сергея. Он — классный, и у них отличные отношения. Да и работа у нее нормальная. Ребята, кстати, все к ее ухажеру относятся по-доброму. Никаких грубых шуток или злословий.

Аля покрутила в руках пузырек с таблетками. Хороший врач Андрей Евгеньевич. Всего за час беседы полностью разрушил ее жизнь в ее глазах. Вот только зачем? Аля тяжело поднялась с лавки, спрятала таблетки и телефон в сумочку и медленно пошла к метро. Зачем?

— Слушай, я волнуюсь, — Сергей выглядел ошарашенным и действительно взволнованным.

Он пригласил ее пообедать вместе. У нее — выходной, у него — обеденный перерыв. Почему нет? Приятный летний полдень, красивое кафе в центре и близкий человек рядом, что может быть лучше?

Они сидели на летней веранде, когда раздался звонок от мамы. Та очень настойчиво интересовалась, приняла ли Аля таблетки, как она себя чувствует и почему вообще уехала из дома. К сожалению, из-за громкости динамика Сергей слышал почти весь разговор. Пришлось в общих чертах рассказать ему о визите к психиатру. Только в общих. Но и этого хватило, чтобы молодой человек заволновался.

— Какие-то неопознанные таблетки, такой настойчивый контроль приема. Это же не так делается, Аль. Есть у меня знакомый, — Серега поднял манжет кофты и показал кожаный браслет с очень необычным тиснением. — Художник, браслеты делает. Творческая личность и все такое. Он, пока искал себя, тоже к психиатру с депрессией попал. Его в стационар клали, чтобы подобрать лечение. Понимаешь, назначают, смотрят реакцию. Если надо — корректируют. А тут... какой-то неопознанный пузырек и целая лекция от мамы, что ты должна принимать их чуть ли не с ее руки.

Аля хмурилась, поглаживая браслет на руке Сергея. Он привлек ее внимание на первом же свидании. Сергей перехватил ее взгляд:

— Нравится? Возьми! Это защитные символы земли и воды. Тебе сейчас нужнее, — кожаный шнурок затянулся вокруг Алиного запястья. Сначала Алька подумала, что это будет еще один подарок ее фарфоровой балерине, но как-то очень гармонично это украшение смотрелось у нее на руке. «Пока не на работе — поношу», — девушка любовалась рисунком и поудобнее устраивала полоску коричневой кожи на руке.

Из мыслей о браслете ее выдернуло тепло ладони Сергея. Он взял ее руку в свою.

— Аль, может, мы не настолько близки, чтобы я знал все. Ты мне скажи. Если это не мое дело...

— Да нет! Нет!

Аля всплеснула руками, резко провела по волосам, поставила локти на стол и сжала пальцами виски. Накопившееся напряжение последних дней готово было выплеснуться в бурю эмоций. Она с трудом сдерживала слезы.

— Нет. Ничего такого в моей жизни нет. У меня никогда не было нужды обращаться к психиатрам, и, насколько я знаю, у моих родственников тоже. Я и сама не понимаю, что сейчас происходит. Мама начинает просто терроризировать меня, когда я ухожу из дома — требует доклада: куда, к кому, надолго ли. Знаешь, она от меня всегда всех мужчин отваживала. Если я приводила кого-то домой познакомиться, то... — Аля многозначительно взмахнула рукой. — Я тебя поэтому с ней и не знакомлю. Но при этом она постоянно меня упрекает, что я еще не замужем.

— Наверное, она по-своему заботится о тебе, — Сергей растерялся и не знал, что еще сказать. Пытался как-то успокоить.

— Знаешь, я не уверена в этом. Я тут вспоминала свое детство. Папа меня любил. Это точно. А мама... Я уже не знаю.

— Слушай, — Сергей откинулся на спинку стула и слегка прищурился. — А может, тебе пожить от нее отдельно? Хотя бы пару недель?

Аля смотрела на него непонимающим взглядом.

— Я приглашаю тебя с собой в отпуск. А что? Походим по горам, травы твои любимые пособираем... Нет! Ты не подумай, я не предлагаю ничего такого, — Серега вдруг покраснел так, как умел только он, а Алька рассмеялась. Как ей нравилась эта его особенность!

— Совсем ничего? — спросила она игривым тоном.

— Не, ну, если хочешь, — Серега откинулся на стуле и приглашающе на нее посмотрел, а Аля снова рассмеялась.

— Может, и хочу.

— Это значит «да»?

— В смысле?

— Ты согласна? Едем?

— Я? Согласна? — Аля удивленно посмотрела на Сергея. Когда это она успела согласиться? А, с другой стороны, почему бы и нет? Что ее сдерживает? Мама? Работа? — Знаешь, а «да». Я согласна!

Аля старалась не думать о сказанном, чтобы не отказаться, а Сергей расплылся в абсолютно детской улыбке.

— Я тогда узнаю, есть ли еще билеты! — Сергей уже открывал приложение в смартфоне.

— Ну ладно. Узнавай! А... Когда точно ты едешь?

— Через выходные на пятницу в ночь купил билет. Так. диктуй паспортные данные.

— О!

— Что?

— Так скоро...

Сергей снова улыбнулся:

— Не успеешь передумать!

— Андрюшенька, я стараюсь, как могу! — Лидия Андреевна закатывала глаза, прижимая трубку к уху. — Я понимаю, что ты сделал свое дело, а я должна контролировать. Понимаю. Утром, кажется, выпила, а вот в обед ушла.

Психиатр на том конце провода злился. Он приложил столько усилий: создал обстановку, подготовил клиента... Не зря же Алю насторожил вкус чая. Неделя, всего неделя непрерывного приема выданного им препарата, и Аля была бы само послушание. А там уже создаем видимость ухаживаний, подставляем сильное плечо, и девушка готова.

Андрей Евгеньевич был не из тех, кто отказывается от задуманного. Поэтому сейчас он злился оттого, что его союзница и автор идеи не могла дать ему четких данных: принимал пациент препарат или нет.

— То и значит, ушла! Да, я помню наш разговор, что лучше бы ей быть под присмотром, но я же не могу держать ее насильно дома. У нее выходной. Вот она и вышла. В выходной.

Лидии Андреевне все казалось простым и логичным. И вообще, она не понимала, почему должна контролировать Алю. Это же сложно. Лидия Андреевна и так много сделала. В конце концов, кто этому неблагодарному дочь на блюдечке поднес? Она! Кто ему выдал все потайные девичьи тайны? Она! А он еще и злится. Стоп, кажется, она знает, как все поправить.

— А давайте я устрою домашнее застолье! Она будет у себя дома, спокойная, расслабленная. Выпьем по бокалу, а потом я улизну к соседке.

Лидии Андреевне идея казалась блестящей.

— Поверьте, все получится. У меня есть опыт в таких делах. Да хоть завтра! Хорошо-хорошо, если вы считаете, что она должна хоть немного попить эти таблетки, то давайте на следующей неделе. Сейчас посмотрю ее график. Ну, например, в пятницу. Да? Отлично! Я приготовлю что-нибудь необычненькое!

Лидия Андреевна была собой довольна. Время есть. Она успеет все придумать и приготовить.

Аля помнила, что обещала Вере быть в одиннадцать дома. Честно помнила. И на самом деле хотела остаться у ноутбука с чашечкой чая.

Но мама, заметив специально выставленный пузырек с таблетками, начала вдруг рассыпаться в похвалах отечественной психиатрии в целом и Андрею Евгеньевичу в частности. Нахваливать невиданную щедрость своего старинного друга и поражаться чудесным достижениям современной фармпромышленности.

Все это звучало настолько неестественно, настолько натянуто и фальшиво, что Аля, подхватив чашку, попробовала закрыться у себя.

Но не тут-то было! Мама тут же нашла повод зайти к ней в комнату и между делом продолжила разговор. Теперь она рассуждала о том, что она не вечная, и кто же будет об Але заботиться, когда... На этом моменте Лидия Андреевна эмоционально вздохнула, вытерла почти настоящие слезы и продолжила. Вот она, Лидия Андреевна, не вечна, а молодость так коротка. Аля и оглянуться не успеет, как...

«В покое она меня не оставит», — подумала Аля, попытавшись улыбнуться маме, но крепко стиснутые зубы не добавили улыбке искренности.

Мама, заметив Алино раздражение, с восторженно-хвалебного тона перешла на обвинения и упреки. И ничего-то Аля не ценит, и заботы о себе не видит.

Мамины щеки уже окрасились ярким румянцем, а глаза лихорадочно заблестели. Выхода нет. Придется уйти из дома.

Кажется, Аля впервые в жизни не стала ничего выдумывать. Она молча, прямо при маме оделась, собрала рюкзак и, не отвечая ни на какие вопросы, направилась к выходу. Лидия Андреевна бросилась ей наперерез:

— Почему ты так себя ведешь? — мама тяжело дышала, ее голос дрожал от негодования.

— Как? — Аля, напротив, была абсолютно спокойна. Она как будто наблюдала весь этот разговор со стороны. Ни одно мамино высказывание ее не трогало.

— Ты игнорируешь меня!

— Что ты, мама. Я все утро тебя слушаю, — Аля продолжала обуваться.

— Тогда почему ты так себя ведешь? — Лидия Андреевна почти перешла на визг.

— Как? — Альку стал забавлять этот разговор.

— Ты уходишь!

— А почему я не могу уйти, мама? — Лидия Андреевна хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Алька выпрямилась и смотрела ей прямо в глаза. — Так почему, мама?

Ответа не было. Аля обошла ее и вышла из квартиры.

Наверное, она должна была плакать или дрожать от негодования, но нет — на душе было удивительно спокойно. Мамины слова не достигли цели — ни капли не задело ее. Аля чувствовала, что перестала жить по странному, навязанному ей сценарию, и наконец-то сама принимала решения. Только вот слегка щемило в груди: ей было грустно. Ведь с каждым днем становилось все яснее, что мама ведет какую-то игру, и Али среди выигравших не будет. Она чувствовала себя скорее разменной монетой. Что ж, может, действительно, временная разлука пойдет на пользу.

О! А вот и занятие себе придумала. Надо бы сходить в спортивный, купить кое-чего для поездки. Аля посмотрела на часы: до звонка Веры еще почти час. Она успеет добраться до ближайшего торгового центра, а там и вай-фай хороший. Аля вздохнула, приосанилась и направилась к метро.

* * *

— Ну, ты готова к колдовству и ворожбе? — Вера понизила голос и растянула гласные на манер средневекового привидения.

— Готова, готова.

Аля устроилась на маленьком диванчике в глухом углу торгового центра. Вокруг были только ювелирные бутики и какая-то супер-дорогая косметика. Тут и в выходные-то народу немного, а в будни так вообще никого. Девушка подключила к телефону наушники, скинула туфли, подобрала под себя ноги и с улыбкой посмотрела в экран телефона.

— Че эт ты не дома? — недаром же Вера была фотографом. Сразу заметила обстановку вокруг подруги. Но Але не хотелось пересказывать утренние события. И как можно более непринужденным голосом она выдала:

— Решила прикупить кое-что к отпуску!

— К отпуску?

— Ага. Еду на Алтай.

— Ого! Так. Сейчас сеанс черно-белой магии, а потом не смей вешать трубку! Я хочу знать подробности!

Губы Али растянулись в довольной улыбке, но на экране появилась темнокожая женщина с пестрым платком на голове, и Алька попыталась сделать серьезное выражение лица. Почти получилось. Секунды на две. Потом женщина сама улыбнулась Альке настолько обезоруживающе, что та улыбнулась в ответ. Женщина захохотала и что-то стала говорить Вере, бурно жестикулируя. Вера кивала и поддакивала.

— Аля, — Вера повернулась в монитор, — это Ваян. Она умеет видеть линии судеб.

— Угу, — Аля старалась быть серьезной, но выходило с трудом.

— Так, не ржать! — скомандовала Вера. — Сейчас попробуешь очистить свое сознание и настроиться на Ваян.

— Как настроиться?

— Ну как, как будто ты — приемник.

— Ты это серьезно? — Аля не выдержала и захохотала.

Ну что ж, по крайней мере, это гадание добавило ей хорошего настроения и пару лет жизни, если верить знаменитой поговорке.

— Так, ладно. Я дала Ваян твой браслет. Ну, точнее, мой, но из тех, что сплела ты.

Аля увидела в руках у балийки браслет из когда-то разноцветных ниток. В каком классе она его сплела? В шестом? Седьмом? И Верка до сих пор его хранит?! И эта скотина Андрей Евгеньевич уверял ее, что она никому не нужна! Аля помрачнела.

Ваян перебирала в руках браслет, как четки, и вглядывалась в лицо девушки. Балийка сдвинула брови в одну линию, прищурилась и что-то затараторила на ломаном английском, повернувшись к Вере.

— Говорит, что нить твоей судьбы тесно переплетена еще с двумя судьбами, — переводила ей подруга.

— Одну нить ты уже встретила, — продолжала Ваян. — Мужчина.

— Который? — усмехнулась Аля.

— Их двое около тебя, — вполне серьезно продолжала Ваян с помощью Веры, — оба на тебе жениться хотят. Выберешь правильного — счастлива будешь. Будешь жить в любви и достатке. Выберешь неправильного — погибнешь.

— О как! — лицо Али вытянулось. — А как выбрать?

— Слушай свое сердце, — балийка водила пальцем у монитора, как будто хотела подсказать Але, где ее

сердце. — Слушай себя, а не других.

Аля подумала, что даже знает, кто эти «другие». Точнее, «другая».

— Ладно, с мужчинами разберемся, а что со снами?

Ваян нахмурилась и замолчала. Долго молчала. Прокрутила браслет в руках раз пять. Наконец, повернулась к Вере. Она была обеспокоена и как будто смущена:

— Вторая нить, с которой ты связана — не в этом мире.

— В смысле? — Алька опешила. — Мертвец что ли?

— Нет-нет, — балийка испуганно замотала головой. — Живой, живой!

— А как так? — Аля ничего не понимала.

Балийка затараторила, активно размахивая руками. Вера хмурилась. Казалось, она не понимает, как перевести то, что ей пытается объяснить темнокожая гадалка. Наконец, Вера заговорила.

— Она говорит, — Вера с недоверием покосилась на гадалку, — она говорит, что эта нить судьбы не из нашего мира. Что эти сны — это не сны вовсе. Она тут что-то распиналась про множество миров, злых и добрых духов. Муть какая-то. В общем, если переводить дословно, получается, что ты должна эту нить привести в наш мир.

— Ребенка, что ли, родить?

Вера перевела. Гадалка отрицательно качала головой.

— Нет, говорит, — продолжила Вера с сомнением в голосе. — Дети, говорит, это другое. Именно приведешь дух в наш мир, и это будет правильно. Ну, она так говорит.

— Вот как.

— Ой, да не бери в голову, — Вера не стеснялась гадалки. Та вряд ли говорила по-русски. — Самое ценное, что она сказала — слушай себя, а не других! Вот.

— Она еще что-то хочет мне сказать?

Вера перевела вопрос.

— Угу, говорит — не бойся верить в чудо.

— Угу. И в Деда Мороза, — Аля была полна скепсиса.

— Я сейчас от нее выйду и тебе позвоню.

Аля закрыла видеочат и вздохнула. Ну что за муть. Привести в этот мир дух. Этого ей еще не хватало, спустила ноги с кресла и обулась. А чего она ждала? И вообще, она собралась кроссовки себе покупать.

Разнообразие моделей спортивной обуви отвлекло Алю настолько, что она и забыла об обещании Веры перезвонить. Вздрогнула, когда раздался звонок.

— Слушай, не бери в голову, — начала Вера без дополнительных приветствий. — Эти гадалки все такие: общие обтекаемые фразы, ясно, что ничего не ясно, а итог один — предсказание сбудется на пятьдесят процентов.

— Это как?

— Ну как! Или сбудется, или не сбудется. — подруга декламировала стары анекдот таким бодрым голосом, что Алька снова заливисто расхохоталась.

— Ты чего там делаешь? — Вера, как и все женщины, была любопытна. И она четко видела, что Аля в магазине.

— Кроссовки выбираю! — Альке хотелось подразнить подругу кокетливым тоном и недосказанностью.

— Так-так! А ну рассказывай!

— А что рассказывать? Визит к психиатру однозначно пошел мне на пользу! — Аля усмехнулась. — Сергей предложил мне поехать с ним в отпуск, и я решила, что у меня нет причин отказываться! Уезжаем в следующую пятницу.

— Алька! Вот это поворот! — Верка опешила.

— Не, ну а что? Что меня держит? — рассуждала вслух москвичка — Работа? Даже если меня в отпуск не отпустят, уволюсь, потом найду новую. Мама? С ней вообще давно надо было разъехаться! А провести пару недель с Сергеем в Алтайских горах — это ли не прекрасно!

Вера ошарашенно молчала, поражаясь переменам в суждениях подруги, а Аля уверенно продолжала:

— Вон и твоя гадалка сказала слушать себя. Вот я и слушаю.

— Аля... — Вера была поражена, — Аля, ты такая молодец! Единственное что, не пропадай! Выходи на связь почаще, оставь мне все координаты: адрес, телефон Сергея и вообще... Чтобы я знала, куда бежать и кому звонить, если ты мне не отвечаешь.

— Хорошо, — Аля улыбнулась.

Разумная предосторожность. Вера тоже присылала ей все свои отправные данные между перелетами. Если подруга больше недели не выходила на связь, Аля должна была начать поиски. К счастью, такого пока не случилось.

— Я тебе все пришлю. Сергей мне купит билет, и я вышлю тебе данные. Ну и все остальное. Вот посмотри как тебе? — Алька сделала запрос на видеосвязь и сунула под камеру красные кроссовки.

— Класс! Аля, они хороши уже только тем, что они не серые и не коричневые!

— Вот ты коза! — Алька наигранно возмущилась, а Верка заливисто рассмеялась:

— Люблю тебя, подруга. Померяй, чтобы ноге было удобно. Если ты собралась много ходить, то думать надо в первую очередь об этом.

— Да. Пошла мерить. — теперь-то уже можно было вернуться кобычному дружескому тону.

— Давай. — Вера помахала ей рукой и тепло улыбнулась, — Обнимаю крепко. До связи.

Бывают иногда дни, когда кажется, что горы свернешь. Причем, мизинцем левой ноги. Не глядя. Алька ждала именно такого дня. Долго ждала. Настолько долго, насколько ей позволяли купленные на ближайшую пятницу билеты. Она дважды заходила в кабинет менеджера и дважды малодушно избегала разговора. Ее отпуск был записан сентябрь — почти все остальные работники кофейни были студентами и слезно просили отпуска именно летом, чтобы отдохнуть и от учебы, и от работы. Але вроде как было все равно. Вот и ставили ей самые неудобные и невыгодные даты.

Все решилось максимально просто и неудачно для Али: одна из сотрудниц заболела. Менеджер Юля вышла в зал кофейни, в котором в этот час никого не было:

— Девочки, Стася заболела. Кто в пятницу может выйти?

— Я не могу, — выпалила Катерина, Алина сменщица. — У меня пересдача зачета. Никак сессию не закрою.

Алька точно знала, что никакого зачета у Катьки в пятницу нет, но по сути это ситуацию не меняло.

— А я тоже не могу, — еле слышно проговорила Аля и почему-то густо покраснела, — я в пятницу уезжаю.

— А кого мне ставить? — Юля была настолько озабочена разваливающимся графиком, что не придавала значения Алиному откровению. — Сейчас переделаю график на ближайшую неделю, но пятницу мне прикрывать некем. Аля, может, ты отложишь свою поездку?

— Нет, я не могу, я и билеты уже купила.

— Аль, я бы тебе премию выписала, — продолжала уговаривать менеджер. Она привыкла, что именно Аля всегда прикрывала все дыры в графике.

— Нет, ты не понимаешь, я совсем уезжаю. Я пыталась тебе сказать, но не получилось.

— В смысле «совсем»? — менеджер опешила. График и так трещал по швам, а тут еще это.

— Я уезжаю на Алтай на две недели. Если вы меня не отпускаете в отпуск, то я тогда увольняюсь. Вот, — выпалила Аля и, как подкошенная, села на стул.

— Во дела. Это, вообще, как? А как насчет двух недель отработки? Куда хоть едешь?

— С родителями жениха знакомиться.

Волшебное слово «жених» за доли секунды все изменило: глаза девушек заблестели так, будто это им предстояло вскоре надеть пышное белое платье, щеки покрылись легким румянцем предвкушения, а губы сами собой растянулись в улыбках.

— А, этого? Что цветы сюда каждое утро таскает? — Юля отложила талмуд с графиками и присела за стойку. — Прикольный парень.

— А отнекивалась-то! «Не мой, не мой», — передразнила ее Катька.

Следующие пятнадцать минут девчонки вспоминали, кто первый заметил, что этот белобрысый только к Альке и ходит, а кто сказал, что у них это серьезно, когда на стойке цветы стали появляться и, кажется, уже никто не помнил ни про две недели отработки, ни про заболевшего сотрудника. Женщины на работе, конечно, те еще язвы, но любовь к помолвке, свадьбе, пышным платьям и прочей атрибутике у них затмевает все. В конце разговора Юля захлопнула свой журнал и бодрым голосом выпалила, что отпуск она ей, конечно, не перенесет, но за свой счет отпустит. Все же Аля была на хорошем счету в кофейне.

* * *

Аля возвращалась с работы почти в десять. Еще было светло, и она смело топала от метро к дому, разговаривая при этом по телефону. Звонил Сергей. В обед Аля написала ему в мессенджере, что с работой все уладилась, но позвонить и поговорить времени не было. Поэтому она сейчас взхлеб ему рассказывала:

— За свой счет отпустили. Я, если честно, вообще думала, что придется увольняться. Лето — жаркая пора в кофейнях. Но обошлось. Две недели у нас есть. Я даже уже кроссовки купила!

Аля уже протягивала руку к подъездной двери, когда сзади ее окликнули:

— Алла Витальевна?

— Да, — Аля отвлеклась от телефонного разговора. — А вы?

— А я — Светлана из сто пятнадцатой квартиры. Я организую собрание собственников жилья.

Аля попрощалась с Сергеем и отбила звонок.

— Всеми вопросами по квартире занимается мама, она должна быть дома.

— Как мама? У меня в бумагах указан единственный собственник — Берко Алла Витальевна.

— Это какая-то ошибка.

— Не думаю. Мне нужно лично уведомить собственников о дате и месте проведения собрания. Возьмите листовку и распишитесь вот тут, пожалуйста. Если вам некогда посещать подобные мероприятия, вы можете выписать доверенность маме, — Светлана собрала в кучу подписные листы, вежливо попрощалась и упорхнула вылавливать остальных собственников.

Аля зашла в квартиру слегка ошарашенная. Мама встретила ее каким-то монологом с кухни. Алька не вслушивалась, она села на банкетку в прихожей и уставилась в бумажку с данными о собрании. Один собственник. Тут Альку осенило: это же можно легко проверить! Она зашла в мамину спальню, где хранились все документы, и достала копии платежей за свет, воду и прочие услуги. Берко Алла Витальевна, везде только ее имя.

— Что ты делаешь в моей спальне? — мама, наконец, обратила внимание, что ей не отвечают, и вышла с кухни. Увидев, что делает Аля, Лидия Андреевна буквально задохнулась от возмущения: — Почему ты роешься в моих вещах?!

— На кого записана квартира, мама?

— Аля проигнорировала оба вопроса матери.

— Ты не ответила, почему ты роешься в моих шкафах!

— Я смотрю документы на квартиру. Разве я не могу этого сделать? На кого записана квартира?

— Ты никогда не интересовалась бумагами! Сроду ни одной платежки не потрудились оплатить! А тут роешься в них. Что все это значит?

— Мне вручили уведомление о собрании собственников. Мне. Как единственному собственнику этой квартиры.

— Кто вручил? Что за собрание? Опять какие-то шарлатаны в управление домом лезут. Аля, нужно немедленно позвонить в управляющую. А, нет, сейчас уже поздно. Завтра утром пойду туда сама и...

— Мама!

— Что ты кричишь?

— Мама, на кого записана квартира?

Лидия Андреевна побледнела, замолчала и медленно осела на кровать.

— Ну, на тебя, — она не говорила, она кричала. Сидя на кровати, схватившись за сердце, кричала. — На тебя! Что довольна? Довела мать... — последнее было сказано уже в сторону, жалостливым тоном.

Но Аля не хотела сейчас играть в игру «сердечный приступ», она не отступала:

— Мама, почему ты мне никогда об этом не говорила?

— А что бы это изменило? Выгнала бы мать из дома? Так вот не выйдет! Я тут прописана!

В Лидии Андреевне проснулась какая-то первозданная ярость. И ненависть. Ненависть к мужу, который оформил недвижимость таким образом, ненависть к дочери, от которой она, получается, всю жизнь зависела. Но Аля смотрела на нее без злости, только с непониманием.

— А что это изменило бы для тебя, мама?

Лидия Андреевна молча смотрела на дочь. Глаза навывкате, щеки пунцовые, дыхание сбито. Казалось, она готова к бою, только вот воевать не с кем. Аля не собиралась устраивать сцен, она просто хотела понять.

* * *

Не получив никаких объяснений, Алька ушла в свою комнату. Она сидела в кресле, поджав под себя ноги, а за дверью бушевала мать. До нее доносились обрывки фраз: «неблагодарная», «всю жизнь на тебя положила», «кого же я вырастила». Потом мама принялась колотить в дверь, спрашивая, выпила ли Аля таблетки. Аля вышла из комнаты и протянула матери пузырек:

— На, пересчитай!

Лидия Андреевна действительно взяла, было, лекарство, но, поймав Алин взгляд, передумала. Гордо вздернула подбородок:

— Вся в отца! — сейчас это звучало, как ругательство.

— Спасибо за комплимент, — Аля развернулась и спокойно ушла к себе. Больше в этот вечер она от матери ни слова не слышала.

Весь следующий день Аля потратила на то, чтобы найти документы. Конечно, первым делом девушка попыталась просмотреть то, что хранилось дома. Но мать ушла рано утром, прихватив с собой или перепрятав папку из шкафа.

Аля обыскала шкафы с постельным бельем, заглянула в кровать и в диван, перетрясла все книги и фотоальбомы. Бесмысленно. Все, что ей удалось найти — это одна старая фотография и пропавшие месяца три назад наушники.

Она вздохнула и пошла на кухню. Искать документы там было бы, конечно, глупо. Просто Альке хотелось выпить чаю.

Привычным жестом открыла новости в телефоне. Прочитала ленту, немного подумала и, решив проверить честность поисковика, который обещал найти все, ввела в строку поиска «где лежат документы на квартиру».

Как ни смешно, поиск тут же выдал Але волшебную аббревиатуру ЕГРН. Она читала статью за статьей. Куда обращаться, как восстанавливать, список правоустанавливающих документов. Вероятно, квартиру она получила по наследству. Аля плохо помнила события после смерти папы. Ездили к нотариусу, что-то подписывали. Ей было очень тяжело все понять, а мама не объясняла.

Стоп. Нотариус! Аля даже помнила, к кому они обращались. Точнее, не именно нотариуса, а адрес конторы. Посмотрела на часы. Еще полно времени.

Бросила недопитый чай и побежала одеваться. Схватила одно из своих любимых безразмерных платьев, подержала в руках и вернула на полку. В конце концов, надо кроссовки разносить! Аля натянула джинсы, рубашку и достала красные кроссовки. Посмотрела на себя в зеркало, закатала у рубашки рукава и надела Серегин браслет. Вышла из комнаты, тут же вернулась и забрала у балерины еще две фенечки. Красная отлично сочетается с кроссовками, а черная ей просто всегда нравилась!

* * *

Аля отсидела в очереди почти три часа. Ей казалось, что четыре человека в коридоре — это минут на сорок. Как же она ошиблась!

В кабинет зашла за пятнадцать минут до официального окончания рабочего времени. Полная женщина за огромным столом терла глаза, сняв очки.

— Извините, я надеюсь, я ненадолго.

Нотариус только хмыкнула. Все думают, что управятся за десять минут.

Аля продолжала:

— Вы меня вряд ли помните, но шесть лет назад у вас вступали в наследство за Берко Виталием Викторовичем. Можно найти копию завещания?

Нотариус внимательно изучила Алин паспорт, потом саму Алю, потом включила компьютер и стала что-то в нем искать.

— А. Это странное дело.

— Там должно быть завещание на квартиру.

— Нет. Здесь ничего про квартиру нет. Я могу вам выдать копию завещания. А что, ваша мать все же решила его оспорить? Так она сроки пропустила, пять лет прошло.

— Нет, не оспорить.

— Ну и правильно, составлено грамотно. Вряд ли у нее что-то получилось бы, — жужжал принтер, один за другим выдавая листы. Нотариус заверила их подписью и печатью и протянула Але.

Папино завещание. Бумага была еще теплой, и Аля держала ее с каким-то трепетом, не решаясь прочитать. Нотариус не вытерпела:

— Ну что вам там не понятно? У вашего отца были активы в ценных бумагах. Все, в том числе и прибыль, завещано вам. Мать имела право снимать дивиденды до вашего совершеннолетия либо позже, по доверенности от вас. Владелица же активов — вы.

— Я? — Аля не верила своим ушам.

— Вы. Ваша мать только прибылью распоряжаться могла до ваших восемнадцати.

Аля считала, что они с матерью почти нищие, а тут... Вот почему мама не спешила менять квартиру: в этом просто не было необходимости. Но почему, почему она ей ничего не сказала? И квартира...

— А квартира?

— Что квартира?

— Как мне досталась квартира?

— Не знаю, — нотариус сдержанно улыбнулась, — Не по завещанию. Скорее всего, она изначально была оформлена на вас. Так делают. Закон разрешает. Обратитесь в ЕГРН.

— Да, да. Спасибо, — Аля встала и собралась уходить.

— Алла Витальевна? — нотариус сняла очки и смотрела на нее почти по-матерински. — Судя по вашей реакции, вы удивлены. Если вам понадобится юридическая консультация, заходите. Или звоните. Я постараюсь помочь, — женщина протянула ей визитку.

Аля коротко кивнула головой и, забыв попрощаться, вышла.

Аля сидела у монитора и молчала. Вера тоже молчала. Подруги выглядели ошарашенными. Вера вышла из оцепенения первой:

— Получается, ты богачка?

Москвичка кивнула.

— Серёге не говори! — голос у Веры был взволнованный.

Аля раздраженно отмахнулась.

— Чего отмахиваешься, пусть ему потом будет приятный сюрприз. Сейчас не говори.

— Вера, ты о таких вещах думаешь?

— А о чем я еще должна думать?

— Ну, например, как теперь себя вести с матерью! Она же обманывала меня! Все время обманывала! Подсовывала какие-то бумаги на подпись! Как я еще на нее квартиру не переписала.

— Ну, купля-продажа квартир — тот еще гемор. Так просто не осилишь.

— Вера!

— Что?

— Зачем она так?

— Аль. А как ты думаешь?

— Не знаю... — Аля правда не знала. И не понимала, как теперь быть.

— Аль, скорее всего она просто боялась оказаться на улице без средств к существованию. Кем она работала? Секретарша. Всегда одета с иголочки, выглядела на миллион, но только выглядела. Ты меня прости, но у нее ж идеей всей жизни было — захомутать богатого мужика! Вот и захомутала. А твой отец совсем не дурак оказался. Видимо, под конец супружеской жизни он что-то узнал... Неспроста же он с ней так.

— Ладно. Потом об этом подумаю. Сейчас сил нет, — Аля устало потерла лоб. — Знаешь, я эту поездку с Сергеем до сегодняшнего дня воспринимала, как шутку, как игру. А сейчас... Сейчас это вроде как единственный выход для меня. Просто не могу тут больше оставаться.

Вера почему-то стала тереть глаза.

— Алька, я первый раз в жизни жалею, что я не в Москве.

— Ты что, плачешь?

— Не обращай внимания. Ты права насчет Сергея. Получится у тебя с ним что или не получится, сейчас тебе нужна пауза, и, если тебе с ним хорошо, поезжай с ним. Все правильно. Все так, как надо. У меня контракт закончится, я к тебе приеду. А то скоро родной город забуду.

— Вер...

— Что?

— Мне так тебя не хватает.

Вера улыбнулась сквозь слезы:

— А ты фенечки носи. Как будто я держу тебя за руки.

— Буду, — Алька тоже заплакала.

* * *

Страусы не прячут голову в песок. Людям просто показалось: голова у птички маленькая, песчаные барханы высокие. Но Аля сейчас готова была спрятать не только голову, но и все остальное. Сама себя обзывала страусихой, но что-то выяснять, доказывать, отстаивать свои права не было сил. Копию завещания она спрятала поглубже в стол: об этом она подумает завтра. Или послезавтра. Аля совершенно не представляла, что делать со свалившимся на нее наследством и как вести себя с матерью. Поэтому она взяла на работе три смены подряд: вторник, среду и четверг. Менеджер наскоро перекраивала график из-за заболевшего сотрудника, и Аля, которая чувствовала себя виноватой, соглашалась на все.

Сергей ждал окончания ее смены на летней веранде. Он видел, что Аля не в своей тарелке последние дни, и, несмотря на то, что она трижды его заверила, что это не из-за поездки, ругал себя за излишнюю поспешность. Ну

подумаешь, полтора месяца по Москве погуляли, разве это достаточный срок, чтобы узнать друг друга. Хотя Серега вот не нервничал, но он-то еще полгода до этого в кофейне на нее любовался! К лету

Аля ему была уже почти как родная. Парень не знал, что и думать. Старался быть приветливым и спокойным.

Он немного удивился, когда Аля предложила провести вместе вечер: она редко назначала свидания после смены. Но раз девушка просит!

Гулять она будет не в состоянии — целый день за стойкой стоит, но можно сходить в кино или покататься на речном трамвайчике.

Аля выбрала трамвайчик.

Старенький теплоход медленно вез их по Москве-реке. Храм Христа Спасителя, памятник Петру Первому. Парк Горького. Удивительно зеленые берега, старинные фасады, обращенные к реке, красивые мосты. Молодые люди любовались городом, Аля что-то рассказывала, перекрикивая шум мотора. Он иногда смеялся, а иногда просто внимательно слушал.

Вечерело, ветер с воды становился все прохладнее. Аля обхватила себя руками. Сергей заметил это и обнял ее, укутав в свою куртку. Девушка замерла, согрелась и расслабилась. Прижалась к Сергею всем телом, потерлась носом о плечо:

— Как с тобой тепло, — проговорила она, имея в виду, конечно, совсем не одежду.

— Угу, куртка хорошая, непродуваемая, — он понимал, о чем она, но эта дурацкая стеснительность! — В горах без такой никуда.

— Да? А обычная ветровка не пойдет?

— Насколько обычная? — Серега насторожился.

Только сейчас ему пришло в голову, что коренная москвичка плохо представляет, в чем идут в горы.

— Ну, плащевка. Ветровка такая, типа пиджака.

— Угу, а что еще ты с собой берешь?

— Ну, джинсы и вот, — Аля вытянула ноги в новых красных кроссовках. — Кроссовки купила.

Видимо, мысли Сергея тут же отразились на его лице.

— Что, совсем не подходит? — Аля была по-настоящему расстроена.

— Нет, почему, цвет хороший, — Серега достал телефон и посмотрел время. — Восемь сорок. Торговые центры до десяти. Погнались, успеем!

Они сошли у гостиницы Украина и помчались в ближайший торговый центр. Наверное, будь побольше времени в запасе, стоило бы поехать в крупный спортивный магазин, но сейчас и так сойдет.

— Нам нужны трекинговые ботинки, — сходу заявил Сергей консультанту, — и влагоотводящие носки. Можно не термо. Вообще, какая у вас линейка влагоотводящего белья? Давайте еще футболку. Пару. На девушку, — пощупал ткань, — и на меня давайте.

Аля широко раскрытыми глазами смотрела, как Сергей взвешивает в руке разные модели ботинок, проверяет прочность носка и шнуровку на голеностопе.

— На, вот эти меряй, — подсунул он ей что-то громадное коричневого цвета, — лучше сразу на этот носок. Норм? Дай зашнурую. Пройдись по залу. Да не снимай так быстро, походи, пошли вон куртки посмотрим.

— Слушай, почему они так дорого стоят?

— Ну... мембранные технологии, специальные пропитки. Можно и просто ветровку взять, но я бы, конечно, взял что-то из этой линейки. Может, эту синюю?

— Давай лучше оранжевую!

— Отлично! Любой спасатель тебе скажет «спасибо»!

— Спасатель?

— Я пошутил.

«Угу, — подумала Аля, — в каждой шутке есть доля шутки».

— Слушай, а давай еще и штаны возьмем? В джинсах можно идти, но если уйдем с ночевкой, то влагонепроницаемые штаны ой как пригодятся! Ну давай, — Сергей не показывал Але ценник, но она понимала, что они уже набрали на половину ее зарплаты. — Я себе возьму! — он явно решил ее приободрить. — Вот эти синие. А тебе можно такие же зеленые. С оранжевым классно смотреться будут.

Вышли они из магазина увешанные пакетами, как с рождественских распродаж. Ботинки, влагоотводящее белье, куртка, флисовая поддева (в августе? зачем? но Сергей сказал — надо!), спортивные брюки, легкий рюкзак на тридцать литров (цена хорошая, а рюкзак всегда пригодится) и смешная косынка-бандана (ну красиво же!). Где-то в глубине пакетов еще валялись термос, бутылка для воды и пара зип-пакетов для документов и телефона.

Серега был доволен, как мальчишка, которого запустили в магазин с игрушками! А Аля смущалась — ей

казалось, что они едут ненадолго. Неужели это все нужно?

О том, чтобы нести это все домой самой, не могло быть и речи. Сергей поехал с ней. Уставшие после работы и покупок, в метро они молчали, просто сидели обнявшись.

Сергея хотел довести ее до квартиры, но Але было неудобно, да и страшно: не хотела она Сергея матери показывать.

— Не надо меня провожать до дома! Тут близко дворами, а ты заблудишься.

— Я? Заблужусь? Ты не хочешь, чтобы я знал, где ты живешь? Так и скажи.

— Да не в этом дело! Просто...

— В квартиру не пойду, не волнуйся, я помню эти ужасные истории про маму, от которой ты, собственно, и уезжаешь.

Аля насупилась. Сергей понял, что сболтнул лишнего:

— Слушай, не бывает худа без добра. Детям и родителям надо разъезжаться. Это естественно. Вы с мамой вынуждены жить вместе, отсюда и все проблемы. Но если бы их не было, этих проблем, ты бы не согласилась поехать со мной, — преувеличенно бодрым тоном заявил парень.

— Да? А что из этого худо, а что — добро? — Аля была настроена скептически. Сергей ведь не знал всей глубины ее проблем.

— А вот через пару дней и узнаем! — его оптимизму не было предела.

Прощаясь у подъезда, он поцеловал ее нежным и долгим поцелуем. Отступил на шаг назад. Але так не хотелось с ним расставаться, это легко читалось на ее лице. Сергей рассмеялся и по-детски чмокнул ее в лоб:

— Завтра увидимся!

— Да, завтра. Я принесу тебе чай!

— С липой?

— С липой и ромашкой!

Сергея рассмеялся и еще раз нежно поцеловал ее. Хотел сказать что-то большее, но промолчал.

— До завтра, малыш.

— До завтра.

Мама открыла дверь прежде, чем Аля успела достать ключи.

— Кто это был у подъезда?! Совсем уже стыд потеряла, как девка уличная, стоишь у всех на виду! Что это за пакеты? Я тебя спрашиваю!

Аля просто не могла вставить ни слова, даже если хотела бы. Она была ошарашена, огорошена такой встречей. Мама редко бывала с ней ласкова, но такой брани Аля от нее тоже никогда не слышала.

Лидия Андреевна продолжала кричать на дочь, не давая той даже разуться. Аля несколько раз открыла рот, чтобы ответить, но это было бессмысленно. Мамин поток ругательств не предусматривал пауз или встречных реплик.

— Шлюха, пришла домой в полночь! Ты что себе позволяешь? Ты о чем вообще думаешь? — и тут мама совершила грубую стратегическую ошибку: — Мужик у себя ночевать не оставил? Что, безквартирный? Нормального не нашла?

Все, что говорила мама, было настолько неуместно и неправильно, что Аля, опешившая было вначале, сейчас просто закипала от злости. Она сжала кулаки и, чеканя каждое слово, проговорила:

— Дай мне войти в мою квартиру.

Мама отшатнулась и, кажется, даже осела. Она вдыхала воздух рывками и хлопала ртом, как рыба, но не произнесла больше ни звука. Аля быстрым движением скинула кроссовки и, подхватив пакеты, прошла в свою комнату.

Долго, очень долго стояла Аля, прижавшись спиной к двери и прислушиваясь. Мама не раз в ее присутствии хваталась за сердце, и никто не мог сказать, где заканчивалась правда и начинался спектакль.

Аля боялась. Боялась, что сейчас маме станет и правда плохо, или что ей будет не плохо, но она мастерски сыграет приступ, и Аля останется у ее постели и никуда не поедет. Постепенно страх отступал. Она слышала сквозь дверь, что мама сходила на кухню, потом ушла в свою комнату, чуть позже вышла в туалет. Значит, никакого приступа нет. Шаги ровные, обычные. Скорую тоже не вызывает. Поездка? Мама о ней ничего не знает. Значит, и не будет ей препятствовать.

Аля аккуратно, как можно тише, развернула пакеты и развесила вещи в шкафу. Конечно, обновки будут замечены, но вряд ли мама отличит обычную ветровку от спортивного снаряжения. Спросит — Аля скажет, что к осени гардероб обновила.

Девушка вздохнула и посмотрела на часы. Спать оставалось совсем мало — к восьми ей надо на работу. Последний день в Москве, и уезжаем.

* * *

Четверг Лидия Андреевна начала со звонка своему старому знакомому, своей последней надежде, своей палочке выручалочке. Еле дождавшись девяти часов утра, набрала номер Андрея Евгеньевича.

— Слушаю вас, Лидочка Андреевна, — психиатр был в хорошем настроении, никаких превратностей от судьбы не ждал и счел, что ему звонят, чтобы уточнить его кулинарные предпочтения. Завтра ведь вместе обедают.

— Ах, Андрюшенька!..

Лидия Андреевна долго выбирала, что из происходящего стоит рассказать врачу. О квартире говорить не стоит, ни к чему это. Про таинственного поклонника тоже лучше не упоминать. Особых чувств Андрей Евгеньевич к Але не испытывает, захочет ли преодолевать трудности? А ей, Лидии Андреевне, очень нужна была спокойная и покладистая дочь. Переехала бы она к состоятельному мужу, а Лидочка так и жила бы в своем гнездышке, продолжая получать дивиденды с бумаг.

— Андрюшенька, я так переживаю насчет завтрашнего вечера.

Андрей Евгеньевич сразу оценил интонации старинной подруги, услышал нотки нервозности, прикинул, насколько они искренние, и слегка заволиновался:

— Что вас беспокоит, Лидочка Андреевна?

— Аля, — Лидия Андреевна старалась быть аккуратной, — Алечка так изменилась за последние дни. Может

ли быть, что ваше лекарство как-то не так на нее подействовало?

— Как не так? Как она себя ведет?

— Она стала такая нервная, раздражительная.

Андрей Евгеньевич подсунул Але легкий нейролептик с седативным эффектом. При длительном приеме препарат угнетал определенные зоны в головном мозге, делая пациента более покладистым и стоворчивым.

— Раздражительная? А сколько она спит?

— Мне кажется, она спит меньше, чем раньше. Я часто ее вижу на кухне уже в шесть утра. И возвращается домой поздно. Вчера вот пришла почти в полночь.

— В полночь? Где же она была?

— На работе! У них там кто-то заболел, так она взяла себе чуть ли не две полных смены. Все пытается побольше заработать, девочка моя.

Активная, не спит, раздражительная. Да она просто не пьет эти таблетки! Никто просто не смог бы бодрствовать по восемнадцать часов и больше, принимая этот препарат. Но Лидии Андреевне об этом говорить не стоит. Завтра посмотрим, как ведет себя Аля. Может, ей еще чем-то, кхм, помочь.

— Вы не волнуйтесь, Лидочка Андреевна, — психиатр успокаивал Алину мать, перебирая пузырьки с таблетками в своем шкафу, — она, наверное, просто на работе устает, поэтому и раздражительная. Давайте дождемся завтрашнего дня.

— Ах, я так волнуюсь!

Лидия Андреевна с трудом сдерживалась. Втайне она считала, что все ее проблемы могло бы решить лишение Али дееспособности. Она — мать, значит, опекун. Будет распоряжаться всем имуществом. Но она также понимала, что это будет очень дорого стоить. А отдавать что-либо из имеющегося Лидия Андреевна была не готова. Может, Андрей Евгеньевич все же справится с Алиной строптивостью?

— Мне все сложнее с ней. Я на вас очень надеюсь.

— Сделаю все, что смогу, — заверил собеседницу Андрей Евгеньевич, выбрав, наконец, один из пузырьков.

— Тогда до завтра, — Лидия Андреевна положила трубку и прикинула, все ли смогла передать? Наверное, все. Они с Андреем всегда понимали друг друга с полуслова.

* * *

Але давно не снились эти сны. В суете она уже успела позабыть о них. Все как-то отошло на второй план. Поэтому Аля даже немного удивилась, обнаружив себя в фиолетовом лесу. Она стояла около какого-то низкорослого растения — то ли молодое дерево, то ли куст. Растение курлыкало. Тихо, мелодично. Аля подошла поближе, наклонилась. Между листьев мелькнуло что-то розовое. Аля раздвинула ветви, чтобы рассмотреть.

— Что ты делаешь? Не трогай! — закричали у нее за спиной. — Бежим!

Рыжеволосая незнакомка, уже снившаяся ей то в воде, то на берегу, схватила ее за руку и помчалась со всех ног. Аля не поняла, в чем дело — розовый шарик был такой милый, пушистый. Может, они не от него бегут? Она огляделась по сторонам, пропустив пару корней под ногами. Упала, больно ударила коленку.

— Быстрее, быстрее, — рыжая девушка опять подхватила ее и потащила за собой. — Давай еще немного, из леса они не выходят.

Нога нестерпимо болела, Аля не могла на нее наступать, опиралась на рыжеволосую, а та тащила ее, тащила изо всех сил. Курлыкание, привлекая Алю, то отдалялось, то наоборот как будто окружало. Рыжая девица испуганно озиралась по сторонам, но тащила Алю за собой с отчаянным упорством.

— Вон уже берег, еще немного, терпи, — она говорила отрывисто, сквозь стиснутые зубы, чувствовалось, что ее силы на исходе. Она уже тоже начала спотыкаться, один раз чуть не упала, ободрала об ветки ладонь.

Но вот листва действительно расступилась, и беглянки выкатились на скалистый берег. Несколько шагов, подальше от листвы, и девушки упали на омываемые ржавым морем чернильные камни: Аля — на спину, Тринити рядом на четвереньки. Обе прерывисто дышали. В глазах Али застыл вопрос.

— Это были р'гханы. — попробовала объяснить рыжая.

— Кто?

— Р'гханы. Они хищные. Кусают, — девушка сделала щелкающее движение ладонью. — Едят.

— Хищники? А выглядят так мило. Пушистые.

— Это не пух, это, — рыжая изобразила руками шар, который сдувался и надувался, — это мембрана. Когда

они наедаются, мембрана растягивается и они — гладкие. Они тогда спят. Долго спят. Ты нашла голодного. Повезло, что был один.

Аля вздрогнула. Она очень живо себе представила эдаких сухопутных пираний, которые нападают стаей и за пару минут съедают человека до костей. Так это было или нет, Але выяснять не хотелось. Она посмотрела на почти отдышавшуюся рыжую:

— Я забыла, как тебя зовут.

— Тринити. Значит, ты помнишь все сны?

— А у тебя это тоже сны?

Возникла пауза. Девушки молча, оценивающе смотрели друг на друга. Первой опомнилась Тринити.

— Дай посмотрю твою ногу, — рыжая закатала Алину штанину и стала ощупывать коленку. — Похоже на растяжение. Хорошо, если растяжение, а не разрыв связок. Сейчас.

Тринити обхватила Алину ногу двумя ладонями и закрыла глаза. Сначала Але казалось, что ничего не происходит. Потом стало отчетливо ощущаться тепло. Не обычное тепло человеческого тела, а намного сильнее. Потом ногу стало слегка покалывать, и внезапно колено пронзил разряд тока. Аля вскрикнула и подскочила, скорее от неожиданности, чем от боли.

— Что это было?

— Биоток. При правильно заданном направлении биоток может восстановить целостность клеток, правильную работу органов и мышц. Изначально в нас встраивали эту способность для срочной реанимации, но потом стало ясно, что это может помогать и в других ситуациях.

Тринити еще что-то рассказывала, но ее речь изобиловала терминами и незнакомыми гортанными словами, которым, видимо, не было аналогов в Алиной реальности, а значит, ее сознание их не понимало. Тринити заметила, что Аля нахмурилась и напряглась.

— Не понимаешь?

— Не понимаю.

— Тогда скажу просто: я могу немного лечить руками. Не все, но могу. Вот коленку твою поправила, — Аля опустила глаза на ногу. Опухоль стала спадать. — Видишь, уже лучше. Один день немного поболит и все.

— Ты врач?

— Детский медикус, — Тринити почему-то использовала устаревшее слово. Видимо, понятие «врач» не совсем соответствовало тому, чем она занимается.

— А что значит «встраивали»? Кто и что в вас встраивал?

Тринити молчала. Она слегка склонила голову набок, рассматривая Алю.

— Я не была рождена, — наконец заговорила Тринити. — Меня построили. Нас таких много. Нас строят для определенных задач. Для тяжелых работ, для полетов вне атмосферы, для защиты населения. Я — медикус.

— То есть ты — робот?

— Бионикл.

— Живой робот?

— Да, — Тринити почему-то засмеялась. — Живой робот. Я создана искусственно, но из живых материй.

— Ух ты, чудовище Франкенштейна! — Аля оперлась на руки и встала.

— Кто?

— А, не бери в голову. Был такой персонаж. Но ему не повезло, он очень страдал. Его потом убили.

Тринити помрачнела и отвернулась.

— Как ты сказала? Чудовище? Франкен...

— Чудовище Франкенштейна, — Аля наклонилась над водой, чтобы сполоснуть руки и умыться.

— Страдал и убили. Это про меня.

— Почему?

— Меня убьют. Потому что я страдаю.

Аля, ошарашенная таким ответом, резко повернулась на камнях.

— Что?!!

Но ноги заскользили, она потеряла равновесие и упала в воду. Чертыхнулась, встряхнула головой и... открыла глаза в своей спальне.

Вот блин! Что значит убьют, почему страдает? Как? Как это возможно? Аля рывком села в постели и вскрикнула: от резкого движения заболела коленка.

Тринити открыла глаза. Контуры капсулы, такие же знакомые изнутри, как и снаружи. В ушах еще стоял звук спускаемой бионической жидкости, сквозь купол лился мягкий свет. Ночной режим. Значит, ей еще рано вставать. Капсула активировалась, считав ее показатели: пульс, давление, движение зрачка. Машину не обманешь — Тринити вышла из состояния регенерации.

У биониклов не существовало понятия сна. Они погружались в капсулу раз в сутки на шесть часов для регенерации: обновлялись клетки их тела, снималась и систематизировалась накопленная за день информация, при необходимости дополнялись встроенные навыки. Те, у кого не было пищеварительной системы, кормились также с помощью капсулы. Это был не сон, а техническое обслуживание. Именно поэтому Тринити долго не могла понять, что с ней происходит. Почему вместо мягкого бессознательного состояния она вдруг стала видеть сны: странную девушку и себя на берегу океана.

Бионикл никогда не видела океан, но знала, что это именно он. В нее были встроены знания о флоре и фауне ее мира. Часто, погружая руки в дезинфицирующий раствор, Тринити представляла, что плещется в открытых водах, а слушая шум спускаемой воды в капсуле, думала о морском прибое.

Тринити не помнила, когда она з-а-х-о-т-е-л-а увидеть океан. Ей казалось, что она хотела этого всегда. Но Тринити хорошо помнила, когда увидела его: в седьмой день после поворота зеленого солнца.

В этот день в отделение привезли девочку. Маленькая, едва вышедшая из младенчества тоненькая отера с фиолетовой, уже начавшей розоветь кожей. Тринити была детским медиком со встроенным блоком имитации эмоций. Считалось, что это помогает завоевать доверие детей. Но девочка была без сознания — имитировать эмоции не для кого, а Тринити смотрела на нее, цепenea от ужаса и отчаяния. На счету была каждая секунда, но бионикл не могла пошевелиться — что-то внутри Тринити рвалось наружу, доставляя ей невыносимую, почти физическую боль. Медик хорошо помнила свои ощущения, она даже сморщилась и задержала дыхание. Ей было ж-а-л-ь маленькую пациентку.

Это состояние длилось несколько мгновений. Тринити отчетливо помнила, что ее сознание зафиксировало эту боль, как неисправность и сбой настроек. Но это был не единственный сбой.

В каждого медика встроены стандартный блок диагностики и реанимации. Четкая последовательность процедур, которая давала положительный результат в девяноста шести и семи десятых процентах. Хрупкая девочка с розовеющей кожей попала в те самые три целых три десятых процента. Она никак не хотела оживать. Бионикл запустила поддержку всех систем, выровняла все параметры, но ничего не помогало: до смерти мозга оставались секунды. И тогда Тринити нарушила алгоритм.

Она потом не смогла объяснить, почему закричала. Она закричала и ударила девочку в область сердца, послав сильнейший электромагнитный импульс.

Разряды такой силы были запрещены: считалось, что это может разрушить нейронные связи. Все фиолетовое тельце вздрогнуло и... маленькое сердце стало биться. Реанимация удалась.

Тринити отстранили в ту же минуту. Ее сразу же погрузили в капсулу для снятия ошибок. И именно в это мгновение вместо шума биотической жидкости она услышала прибой, а вместо привычного провала в темноту — увидела океан.

* * *

Голубовласый профессор мешал в плошке кашу: сероватую безвкусную жижу, богатую белками и углеводами. Биологически Тринити была чем-то средним между всеми тремя расами: гладкая кожа на теле, как у отер и вирфов, но волосы на голове, как у борхов. Явное наличие половой принадлежности, но не ярко выраженные вторичные половые признаки — вечный подросток: то ли девушка, то ли юноша. Считалось, что такой образ помогает детям доверять ей: в ней есть что-то общее со всеми расами и в то же время она отличается ото всех. Однако все расы в этом мире, несмотря на массу различий, питались перорально. А значит, и биониклы были сделаны так же. Основное питание она получала все же в капсуле, но чтобы пищеварительная система работала без сбоев, два раза в день ей выдавали кашу. Ложка профессора делала, кажется, сотый круг по тарелке. Тринити терпеливо ждала. Наконец, старик поднял на нее взгляд:

— Ты опять видела сны, Тринити? — спросил он, не оборачиваясь.

Бионикл молчала. Опустила глаза в пол и молчала. Она испытывала странную смесь чувств в эти моменты.

Это была гордость, смешанная со стыдом и щедро приправленная горечью. Горечью, потому что она знала, чем все закончится. Тринити не обманывала себя, этого она не умела. Сгорбленная спина профессора, его вечно отведенный в сторону взгляд лучше всяких отчетов рисовали ей перспективы. Биониклы не признаны личностями. Она такая одна. Никто больше. Потенциально могут? Да, наверное, могут. Но сейчас комитету нужно создать бионикла, способного выносить сверхвысокое давление и сверхвысокие температуры одновременно. Не время разбираться с чувствами маленького медикуса.

Официального вердикта не было, но Тринити знала, что ее судьба решена. Профессор вынес данные об аномалиях, происходивших с ней, на всеобщее обсуждение. Но комитету не нужен бионикл, умеющий страдать и любить. Все данные кропотливо соберут и засекретят, а она... она, скорее всего, будет уничтожена. Медикус знала, что профессор пытался восстановить настройки после того, первого случая. У него ничего не вышло. Она уже не поддается перестроению. Она — окончательно испорченный конструктор.

— Ты опять видела океан? — профессор все же подошел к ней. Он грустно улыбался.

— Я спасла девушку. Она живая, настоящая и живая, — Тринити помолчала. — И я для нее живая.

— Это был сон, — профессор погладил ее по рыжим волосам. — Просто сон.

Тринити молча улыбнулась.

Все утро пятницы Аля не выходила из своей комнаты. Около шести она выскользнула в кухню, заварила себе зеленый чай с жасмином и имбирем и снова скрылась у себя, уже с чашкой. Завтракать полноценно не хотелось: она сильно волновалась из-за предстоящего отъезда, да и странный сон, то и дело напоминавший о себе болью в колене, не добавлял спокойствия.

Аля достала рюкзак, который купил ей Сергей, и маленький чемодан. В рюкзак уложила обувь, белье, свитер, пару любимых трикотажных платьев, джинсы. В чемодан начала складывать косметику, фен, документы... Потом постояла, подумала и убрала чемодан назад в кровать: косметика вполне поместилась в боковой карман рюкзака, фен решила оставить дома, а документы и вовсе заняли один пластиковый конверт.

Ей всегда казалось, что у нее много вещей. А вот так уезжаешь на две недели и... и почти ничего с собой не берешь. Але стало смешно и отчего-то легко на душе. Широко улыбаясь, она сняла с книжной полки фарфоровую балерину. Все браслеты, что та бережно хранила несколько лет, перекочевали на Алькины руки. Все-все. Даже те, которые, казалось, плохо сочетаются между собой. Оглядела запястья, засмеялась, сделала селфи и отправила Вере.

Подруга не заставила себя ждать и тут же ответила кучей смеющихся и восторженных смайлов. Аля накинула новую оранжевую куртку и сделала еще одно фото для подруги.

Вера не выдержала и позвонила:

— Алька, шикарно выглядишь!

— Спасибо, дорогая, — Аля говорила почти шепотом.

— Чего шепчешь? — подруга тоже перешла на шепот.

— От мамы шифруюсь.

— А... — Вера стала задумчивой. — Ты ей сказала, что знаешь про наследство?

— Нет, Вер. Я решила, что пусть все останется как есть. Приеду — пройду по всем инстанциям, соберу правоустанавливающие документы, но... Она же моя мать. Она имеет право жить в этой квартире. Ценные бумаги и документы... С этим сложнее, но... Потом разберусь. Думаю, что дивиденды я все же заберу себе и... Уйду с работы — никогда не любила варить кофе. Устроюсь в какую-нибудь редакцию, попробую дописать роман! Если там денег много — с тобой в тропики съезжу! Давно мечтала.

— Алька, — у Веры не было слов, — Алька, я люблю тебя! Ты такая классная!

— Да ладно, обычная.

— Ну пусть обычная, — у Верки в глазах стояли слезы. — Все равно очень хорошая.

— Ладно, давай, — Але стало неудобно. — Мне выходить пора. Мы с Сергеем в два часа встречаемся.

Вера оценивающим взглядом посмотрела на Алю. Подобранные в хвост волосы открывали длинную шею и красивые скулы. Чуть подчеркнутые карандашом большие глаза, оранжевая куртка, удивительно подходившая Але, темно-серая футболка, украшенная ярким шейным платком. Как изменилась подруга за каких-то пару месяцев! Кто бы мог подумать?! И это — «серая мышка» Аля? Да нет, вы ошиблись!

— Какая же ты красивая, — восхищенно выдохнула Верка. — Повезло, блин, этому Сергею!

— Еще неизвестно, кому с кем повезло! — рассмеялась Аля. — Все, целую подруга. Позвоню, как приземлимся.

Девушки обменялись воздушными поцелуями, Аля закрыла ноутбук, подумала и сунула его с собой в рюкзак. Пригодится!

Вот теперь точно все. Оглянулась, резко выдохнула, скинула рюкзак на плечо и вышла из комнаты.

* * *

Лидия Андреевна весь день сутилась на кухне. Она умела и любила готовить. Особенно хорошо у нее выходили блюда «с изюминкой». Лидия Андреевна никогда не заменяла базилик петрушкой, а льняное масло подсолнечным. Может быть, поэтому ее блюда отличались изысканным вкусом, да и подать она умела не хуже, чем в ресторане. Поэтому званые обеды были ее своеобразным звездным часом. Она это знала и похвалы в свой адрес любила.

Андрея Евгеньевича ждали к трем, поэтому уже в девять Лидия Андреевна начала подготавливать мясо: бог знает где она раздобыла оленину и сейчас любовно натирала ее специями и солью, попутно растапливая мед для маринада.

На первое Лидия Андреевна задумала приготовить легкий сырный крем-суп с брокколи. В состав входил

чеснок, но Лидия Андреевна задумалась о цели всего этого мероприятия и чеснок из рецепта предусмотрительно убрала.

Основным блюдом она подавала запеченную оленину с гранатовым соусом. Немного меда с пряностями и в маринаде, и в соусе добавляли пикантности. Лидия Андреевна приготовила веточку тимьяна и розмарина, розовый кайенский перец, с сомнением посмотрела на чеснок, но здесь решила его оставить.

Гарниром Алина мать решила подать спаржу — она великолепно оттеняла вкус дичи и не перегружала желудок. Со спаржей хорошо сочетался салат с вялеными помидорами, оливками и моцареллой. Лидия Андреевна немного подумала и добавила к закускам запеченное яблоко — кислинка хорошо подойдет и к спарже, и к мясу, а с мёдом будет еще и десерт.

Довольная своим выбором хозяйка поставила охладиться дорогое красное вино, хотя втайне надеялась, что Андрей Евгеньевич принесет свое в подарок, и приступила к разбору овощей.

До прихода гостя осталось меньше часа. Она как раз собралась ошпарить спаржу, как раздался хлопок двери: из своей комнаты вышла Аля. Лидия Андреевна очень переживала по поводу событий предыдущих дней и, если честно, предпочла бы, чтобы Аля сидела в своей комнате до прихода Андрея Евгеньевича. А то вот сейчас объясняйся с ней, уговаривай. Чего доброго, девчонка еще сбежать задумает. Но раз уж дочь вышла, надо попробовать сделать хорошую мину при плохой игре. Лидия Андреевна откашлялась, натужно улыбнулась и закричала с кухни:

— Алечка, доченька, доброе утро. Я не успела тебя предупредить, — продолжала она выплывая в коридор, — у нас сегодня го...сти.

Лидия Андреевна готова была увидеть все, что угодно, но только не полностью экипированную Алю, надевающую кроссовки.

— Я тоже не успела тебя предупредить, мам. Я уезжаю. На две недели.

— Но как? А как же? — женщина беспомощно водила руками, думая и об оленине, и о приглашенном мужчине, и о квартире, и ценных бумагах. — А как же все это?

— Все это? Ну, съедите с гостями. Или ты о чем?

— Нет! — Лидия Андреевна побагровела. — Нет! Ты никуда не поедешь!

Аля молчала. Зашнуровывала кроссовки, стиснув зубы, и старалась не смотреть на мать. Лидия Андреевна, не дождавшись никакого ответа, бросилась к входной двери:

— Ни-ку-да, — чеканила она, закрывая замки. — Я сказала, никуда ты не поедешь! Ты со своим этим собралась?

— Его зовут Сергей, — внутри у Али все сжалось, в висках застучало, спина покрылась испариной, но она лишь крепче стиснула зубы.

— Плевать, как его зовут! — Лидия Андреевна уперлась руками в стенки коридора, прижавшись спиной к двери. — Нашла себе какую-то лимиту! Тут стараешься, нормального мужчину ей подыскиваешь, а она!!! Да он заграбастает твою квартиру и все! Поминай, как звали!

Аля в упор смотрела на мать:

— Как ты?

— Что как я? — Лидия Андреевна опешила.

— Заграбастала все мое имущество — и квартиру, и дивиденды от ценных бумаг. Думала, я никогда не узнаю?

Лидия Андреевна картинно ахнула и схватилась за сердце.

— Отойди, — Аля приложила дикие усилия, чтобы ее голос не дрожал.

— Что?! — от возмущения Алина мать даже забыла о своем «инфаркте». — Ты вот так уйдешь? Бросишь мать?

Аля вскинула рюкзак на плечо, отодвинула мать в сторону и вышла на лестничную площадку:

— Конечно, уйду, — она нажала кнопку лифта.

— Ты... — мать задыхалась от негодования, — Ты дрянь неблагодарная! Дура! Подстилка! Вернешься домой — я тебе устрою!

Але стало так грустно, что почти смешно. Голос от этого вышел удивительно бодрым и уверенным:

— И тебе всего хорошего, мамочка! — с улыбкой сказала она и отвернулась к лифту.

Створки с шелестом открылись. Внутри стоял Андрей Евгеньевич с букетом цветов и бутылкой вина. Судя по выражению лица, он слышал все, что говорилось на площадке.

— О! Вы как раз вовремя, — Аля протянула выходящему Андрею Евгеньевичу безмянный пузырек с лекарством. — Ваши таблетки. Тут они вам, похоже, пригодятся.

Она посмотрела на Лидию Андреевну, хватющую ртом воздух, и зашла в лифт. Андрей Евгеньевич проводил ее восторженным взглядом. Похоже, он ее сильно недооценил.

Пожалуйста, пишите комментарии.
Автору очень важно знать ваше мнение.

Часть 2 Пролог

— Слушай ветер.

Двое стояли на берегу озера: мужчина с обветренной кожей и угловатый подросток с закрытыми глазами. Мужчина приобнимал мальчишку за плечи и шептал ему:

— Слушай ветер, идущий с горы. Он несет в себе шорох камней, дыханье земли, шелест травы.

Мальчишка старался. Зажмурившись, пытался уловить каждое слово своего учителя и каждый вздох скал.

— Вслушивайся. Вслушивайся до тех пор, пока этот шепот не превратится в песню. Длинную тихую песню с ритмом твоего сердца.

Мужчина убрал руки с плеч мальчика, отступил на полшага назад, но не спускал с него страстный немигающий взгляд.

— Ты почувствуешь. Обязательно почувствуешь. Когда шелест и шорох сольются в единое, когда твои губы будут сами петь песнь озера, а крики птиц разрывать сознание, тогда...

Мужчина слегка подтолкнул мальчика ближе к воде. Тот постоял пару мгновений, после опустил в воду пальцы.

Вот он. Поток. Струится легко и свободно. Губы мальчишки поют песнь. Он слегка раскачивается в такт ветру, сердце его бьется в одном ритме с дыханием земли, и он поймал ее, эту нить. Это непередаваемое ощущение — нити жизни в руках. Она приятно щекочет, скручивается, струится вдаль, завязывается узелками: играет.

Мужчина видит, что все получилось:

— Чувствуешь ее? Ухватись покрепче и ныряй.

Мальчик делает шаг.

Вечно ледяная вода мириадами игл впивается в лицо, в руки. Обжигающий холод. Из груди рвется крик, но не боли, а радости. Свобода, экстаз, предвкушение. Нет. Это не то. Нет слов, чтобы это объяснить.

Холод превращает лицо в маску, почти невозможно двигаться. Воздух маленькими пузырьками уходит из легких. Тело камнем идет ко дну. Сейчас. Сейчас оно придет. Вот. Падение прекращается. Песнь ветра превращается в тихий долгий звон. Мальчишка не достиг дна, но остановился. Он растворяется. Сейчас он все и ничто, нигде и везде. Он там, где надо. И тут, наконец, он открывает глаза...

Теплый, мягкий свет. Он приглашает к себе. Немного даже манит. Хочется укутаться в него, слиться с его сиянием, впитать его лучи. Приветствую его, говорю «спасибо», объясняю, зачем я здесь. Свет меняется, проход открыт.

Не колеблюсь ни секунды. Ныряю и отдаюсь его власти. Несколько мгновений просто наслаждаюсь. Потом собираю волю в кулак и прохожу вперед, глубже. На границе света меня встречают Хранители. В нашем мире это просто огромные глыбы с едва намеченными чертами лица и конечностями. Недвижимы, как камни. Отец говорит, что в нашем мире есть такие памятники. Почему-то принято их называть «Каменные бабы». Ну что ж, вероятно, я не первый, кто их видит. А может, раньше граница между мирами была тоньше, и Хранители встречались чаще, в том числе и на этой стороне? Они не открывают мне своих тайн. Я почтительно киваю им и прохожу мимо. Сегодня мне нужно уйти вглубь.

Пролетаю сквозь толщу воздуха. Я так называю этот слой. Как если бы влетал на Землю из космоса и преодолевал верхние слои атмосферы. Но тут в межмирье все не то, чем кажется. Вокруг меня то и дело всплывают лица. Духи. Наверное, это и не воздух вовсе, а мир духов, окружающий мир людей. Не всегда они хотят быть увиденными, вот и кажется, что летишь через прозрачную массу. А на самом деле...

Ближе к тверди встречаются те, кого я называю заблудшими. Они когда-то были людьми и еще помнят об этом. Им уже не место в нашем мире, но они никак не найдут свой путь, или не хотят по нему идти, и у них хватает сил болтаться вот так, между мирами. Мне иногда хочется попробовать помочь кому-то из них. Я же вижу пути живых людей. Почему бы не попробовать помочь мертвым. Но я тут всегда с определенной целью. И межмирье ждет, что я буду делать свое дело. Вероятно, у него свои планы на заблудших.

Сегодня я ищу мальчика. Восемь лет. Пропал из дома. Ушел гулять в компании. Все вернулись домой, а он — нет. Уже третий день — нет. У меня в руках деревянная лошадка. Он выточил ее сам. Точнее, там, в своем мире я взял в руки сделанную им игрушку. Здесь я вижу лишь сгусток энергии. Голубой комок, переливающийся то сизым, то фиолетовым. Это как запах для ищейки. По сути, я и есть ищейка.

Спускаюсь ниже, в поселок, где он жил. Пролетаю над улицами. В одном из домов отблески сизого перламутра. Это его дом. Мальчика там нет, но повсюду его следы. Всматриваюсь в улицы вокруг дома. Вот шалаш, где они играют с мальчишками. Вот полянка, где прячут свои взрослые секреты от родителей.

Перламутр рассеивается, смешивается с другими следами. Его все труднее вычленять. Где же ты, малец? Куда тебя занесло? Чуть поднимаюсь, смотрю как бы сверху. А это вот что?

В стороне от их поселка снова появляется его след. Но в нем отчетливые красные нотки. Красным часто видится страх. Но тот ли это след? Присмотрелся к комочку энергии в своей руке. Сравнил с тем, что видел. Да, точно он. Мальчишка где? Иду по следу. Какое-то строение. Стены, камень, пол. Ему холодно. Он замерз, голоден и ему больно, но это все мелочи по сравнению с тем ужасом, который он испытывает. Первобытный, животный, нечеловеческий. Малыш на грани помешательства от страха. Он боится не то что кричать, просто открыть рот.

Он не может отсюда уйти. Почему? Вот. Привязь. Веревка? Нет. Металл. Цепь. Ребенок прикован. Времени мало. Кажется, счет идет даже не на часы. На минуты. Быстрее, посмотрим, надо найти зацепки.

Здание. Пустое. Жизни в нем нет и не было. Четыре этажа. Нет, три и подвал. Ребенок на самом верху. Поднимаюсь выше: рядом такие же. Еще два по три и одно пятиэтажное. Какой-то заброшенный цех. Завод. Да, похоже. Заброшенное предприятие. Оглядываюсь: справа — лес. Не густой. Так, пролесок. Потом дорога. Широкая. Большая. Слева — поле. Какая-то железная жила идет через поле. Пути. Железнодорожные пути. Непосредственно к заводу. Все. Хватит.

Возвращение в себя всегда тяжелое. Наверное, как рождение. Только что ты парил, только что был самой Вселенной, и вот толчок, и ты в теле. В своем теле. Каждый раз это больно.

Стиснул зубы, оттолкнулся ногами, поплыл наверх. Вынырнул и почувствовал дикое жжение в легких и звон в ушах. То ли от недостатка кислорода, то ли отголоски той боли. Закружилась голова, свело ноги. Чьи-то знакомые руки подхватили меня. Папа.

— Как я не люблю, когда ты надолго ныряешь, — в короткой фразе отца чувствовалось беспокойство, смешанное с досадой.

Не отвечаю. Незачем. Отец гребет к берегу. Несколько привычных, отточенных движений, и лодка утыкается носом в сушу. Еще не успел сойти на берег, но уже слышу измученный рыданиями женский голос:

— Ну же, вы нашли его? Говорите!

— Нашел. Мальчик не сам потерялся. Его похитили. Он находится в заброшенном здании. Промзона. Три трехэтажных здания с глубокими подвалами и одно пятиэтажное. По одну сторону от завода — пролесок и шоссе,

по другую — поле с железной дорогой. Пути подведены прямо к заводу. Ребенок во втором по счету трехэтажном здании на самом верху. Он прикован цепью. Надо спешить. Времени очень мало.

Уже знакомый женский голос истерично закричал. Вмешался осипший мужской голос:

— Унесите ее. Вы слышали? Зброшенная промзона с подведенными путями. Где это может быть? Шоссе, пролесок.

— Луговцы?!

— Похоже. Выезжаем! Звони координаторам, пусть вышлют наряд.

Разговоры отдалялись и стихали где-то за спиной. Я свою задачу выполнил. Вышел из лодки, снял гидрокостюм, надел любимый свитер и мягкие штаны.

Уже можно было идти домой, но я все еще сидел на камне. Пальцы перебирали выбоины и трещинки. Такие знакомые и такие привычные. Указательный палец шел привычным маршрутом по часовой стрелке. Считал неровности: первая, просто полукруглый бугорок, вторая — еще острый пик, похожий на гребень горы...

— Что ты мерзнешь? Пойдем, — это отец.

Он знает. Знает, что вся моя жизнь там. Что если бы было можно, я бы не вынырнул. Знает и боится.

Отец накидывает мне на плечи одеяло. Я поднимаюсь. Слева слышу людей. Они здесь, еще на озере. Не ушли. Зашептались. Шорох, сдавленный выдох облегчения. Я очень много раз слышал похожий набор звуков. Еще до того, как кто-то в толпе прокричал: «Нашли! Живой!» — я уже знал, что ребенка спасли, успели. Улыбаюсь им сдержанной улыбкой. Но мне, по сути, это не важно. Если бы они знали, если бы они только знали.

Один из мужчин несмело подходит ко мне:

— Шаман, мы... это... мы вам должны.

Какие они все разные. Кто-то, лишь придя в дом, кидается мне в ноги, снимая с себя последнюю рубашу. Кто-то «покупает услугу» — ждут результата и только после говорят об оплате. Бывают и такие, кто об оплате вообще не говорит: раз сам не прошу, значит, ничего и не надо. В чем-то они правы. Мне ничего от них не надо. Поворачиваю лицо на звук голоса:

— Обратитесь с этим к отцу.

Отец рядом. Когда приходят просители, он всегда старается быть рядом.

— Сейчас, я сына в дом провожу и подойду к вам.

Он знает, что они его дождутся. В их голосах облегчение, счастье, почтение. Они дождутся. И отец идет следом за мной в дом, хотя мне не нужна его помощь. Мне все равно. Единственное, чего сейчас хочу — это горячего чая и тишины.

* * *

Двое мужчин провожали взглядами отца и сына. Один курил. Второй, видимо, тоже хотел прикурить, но забылся и просто жевал сигарету.

— Станный он, этот ваш Шаман, — проговорил тот, что забыл закурить.

— А каким же ему еще быть? Он же Шаман! — второй, явно местный, был спокоен и как будто даже весел.

— А откуда он вообще взялся? Внешность у него не нашенькая.

— Эт ты прав. Не местный он. Приехали они. Давно, уже лет двадцать-двадцать пять.

— Вот интересно, откуда они берутся.

— Да какая разница. Помог тебе, и радуйся.

— Просто интересно.

Куривший пожал плечами, а другой бросил изжеванную сигарету, сплюнул и пошел к машинам. Мужчина не любил оставаться в долгу: нужно еще рассчитаться с этим странным молодым человеком. Точнее, с его отцом.

Отец Шамана, Петр Свиридов, был простым советским инженером. Звезд с неба не хватало. Разве что только одну, маленькую звездочку. Жену.

Молоденькая актриса — Леночка Мещёрская, без роду, без племени, зато с очаровательнейшими глазами, искренне считала себя звездой.

Вчерашняя выпускница театрального училища едва получала шестьдесят рублей в месяц, чего с трудом хватало на кефир, дорогу до театра и французскую помаду. Маститые режиссеры не спешили падать в обморок от одного взмаха ее пушистых ресниц. Даже от двух взмахов. Поэтому, недолго поколебавшись, Леночка приняла ухаживания простого неотесанного инженера с зарплатой сто семьдесят рублей.

Быть возлюбленной старшего, а потом и главного инженера Свиридова оказалось на удивление легко и удобно: богемной жизни не мешало, подарки покупал, восхищенно и, что самое главное, молча любовался ею.

Все изменилось, когда Леночка вдруг стала плохо чувствовать себя по утрам. Сначала она подумала, что это последствия давешнего разбора новой пьесы, закончившегося за полночь. Но когда тошнота повторилась и на другой день, и на третий, Леночка побежала к гинекологу. Та подтвердила наихудшие ее опасения, практически убив запретом на аборт в связи с низкой свертываемостью крови.

Молодой актрисе ничего не оставалось, как прийти с новостью к инженеру. Счастливый Свиридов немедленно женился, и тут проявились самые негативные черты его характера: он всячески пытался контролировать досуг молодой жены, запрещал ей спиртное и сигареты и, что самое ужасное, возмущался, когда репетиции затягивались. По его мнению, это была недопустимая нагрузка для его беременной супруги.

Леночка сопротивлялась вполсилы. Почти уже смирилась с тем, что на лето ее увезут в деревню и совсем отказалась от вечерних посиделок с друзьями, как вдруг, словно гром среди ясного неба — роль в кино. Еще до беременности она проходила пробы, и вот пришел ответ! Ей предложили главную отрицательную героиню! Это же шанс! Понимаете, шанс! Она произведет фурор! Потуже затянув пояс, Леночка прибежала к режиссеру подписывать согласие.

Съемки были напряженными. Все были удивлены изменившимся Леночкиным положением. Особенно режиссер. Но он все же решил не менять утвержденный состав и снять все общие планы до того, как ее фигура изменится. Все шло неплохо. Пару эпизодов даже можно было назвать блестящими. Впереди были съемки главной сцены в Таллине. Первая Леночкина заграникомандировка, первая роль в кино, как вдруг... Грипп. Тяжелый, с температурой.

Петр сопротивлялся, как мог.

— Ты не поедешь! Ты больна! Тебе нужен постельный режим. Ты понимаешь, что такое грипп? Ты беременна! Подумай о ребенке, в конце концов!

— Ребенок? А обо мне ты подумал? Я — актриса! Ты слышишь, я — актриса!

— Милая, я ни в коем разе не отрицаю...

— Ты даже не понимаешь, что эта роль значит для меня!

— Конечно, понимаю.

— Не понимаешь! Это шанс, это... это... такую роль дают раз в жизни!!!

— Но ты больна!

— Это просто простуда.

— Какая простуда, ты температуришь пятый день! Тебе нужен постельный режим!

— Мне нужен парикмахер! И, и... Куда ты дел мой зеленый пиджак?

— Так нельзя!

— Если мне нужно выбирать между ролью матери и ролью в кино, то я выбираю кино!

Петр замолчал, опустил руки, отвернулся.

— Обещай мне хотя бы, что любую свободную минуту ты будешь лежать. И пей лекарства.

— Обещаю. Конечно, обещаю.

Съемки закончились в срок. Также в срок Леночка разрешилась от беременности. Мальчик. Леночка придумала красивое имя — Елисей. Крепенький, здоровенький малыш. Только уже на третий день врачи заметили, что ребенок не реагирует на изменения света. Проверили зрачок, посмотрели глазное дно. Слепой.

Это было хуже, чем приговор. Это была сразу попытка, причем пожизненная. Для Леночки, конечно. Ее даже не интересовала реакция критиков на ее роль. Она раздраженно откидывала газеты с рецензиями и остервенело бегала по врачам. Те только пожимали плечами: нарушение при формировании нейронных связей. Осложнение от гриппа, перенесенного на раннем сроке. Ей даже не предлагали никакого лечения.

Отец-инженер совершенно по-земному рассудил, что его сыну нужно помочь адаптироваться в этом мире. Он

же никогда и не видел, значит, чувства утраты у него не будет. Задача родителя — сделать дом максимально удобным для человека, видящего только кончиками пальцев. Тактильные игрушки, поручни вдоль стен, определяющие маршруты в квартире (веревка — на кухню, одножильный провод в ванную, двухжильный — в туалет), книги с рельефными картинками, которые делал знакомый на заказ, и азбука Брайля повсюду.

Петр иногда завязывал глаза и пытался сходить на кухню налить воды или в коридор, чтобы найти свои сандалии. По итогам этих экспериментов в доме появлялись новые крепления, маяки, переставлялись полки. Отец учил ребенка жить.

Мать же искала возможность вернуть ему зрение. С той же одержимостью, с которой когда-то доказывала мужу, что непременно должна сниматься, она кричала врачам, что они должны, просто обязаны найти лечение. Видимо, в эти моменты Леночка была настолько фанатичной и страстной, что кто-то из младшего медицинского персонала тихонько посоветовал ей бабу. Недалеко, в Тверской области. И берет недорого. Так в жизни семьи Свиридовых началась эпоха целителей.

Леночка похудела, осунулась. На лице остались только огромные глаза, горящие нездоровым огнем. Для полноты образа она повязала на голову бессменный темный платок. По всему было видно, что у человека трагедия. Все ее сослуживцы по театру глубоко ей сочувствовали и отводили взгляд. За спиной, конечно, рассуждали о том, что неспроста это ей, ой, неспроста. А она гордо несла свое горе.

Впрочем, это действительно было ее горе. Только ее. Отец и сын вполне успешно учились жить в этом мире, и у них получалось. Лисенок развивался соответственно возрасту, благодаря стараниям отца вполне успешно социализировался и даже пошел в детский сад для детей с проблемами со зрением. Петр нашел и такой. Поэтому каждый новый целитель воспринимался ими как вынужденная, неприятная поездка.

Когда Леночка принесла новость о том, что есть на Алтае Шаман, дома случился грандиозный скандал. Лис, готовившийся к Новогодней Елке, плакал навзрыд и ехать отказывался. Петр кричал, что Леночке хватит издеваться над ним, над ребенком и, конечно же, над собой. Леночка, как заведенная, повторяла, что это шанс, слышите, это шанс!

Ей уступили с условием, что это будет последний раз. Ну и, конечно же, ребенку надо дать спокойно встретить Новый Год. Собрались в поездку в феврале.

Абсолютно московские Петр и Леночка были не готовы к алтайским морозам. В Москве уже случались оттепели, а там...

Пробирались к дому Шамана четыре дня. Дороги были перекрыты из-за вьюги, местные отказывались идти проводниками и смотрели на приезжих, как на ненормальных. Особенно если с ними пыталась договориться Леночка.

Казалось, она ослепла вместе с сыном. Им бы развернуться, переждать морозы, или вообще уехать домой. Но нет. Хрупкая женщина с изможденным лицом уверенно шла вперед. Позже Елисей будет ее за это благодарить. Мысленно. Но сейчас и Петр, и Лисенок мечтали только об одном — быстрее вернуться в привычный им мир.

Кто-то из мужиков все же взялся проводить Свиридовых к Шаману. Идти пешком надо было девять километров. Лисенку нашли санки. Не бесплатно, но и на том спасибо. Взрослым купили валенки.

На исходе светового дня пришли к полузаброшенной деревне на берегу лесного озера. Жители её промышляли сбором трав да псеками. Многие, кто побогаче, приезжали сюда только летом. А постоянно в деревушке жили только два десятка семей и Шаман. Его здесь уважали, почитали за святого. Верили в силу его рук и слов.

Проводник, назвавшийся просто Михалычем, несмотря на мороз, оказался словоохотливым. Пространно рассказывал об исцеленных детях, вызванных в засуху дождях, мудрых советах от духов... Вот ему, проводнику, то есть, Шаман жену в семью вернуть помог. А то чуть не сбежала, двоих детей на него оставила — и в город.

— Вам, вижу, тоже помощь нужна, — переводя дыхание, сказал Михалыч и оглянулся почему-то на Леночку, а не на ребенка. — Почти пришли. Вона избушка.

На краю деревни, ближе всех к лесу стоял низенький, будто вросший в землю бревенчатый дом. Если бы не струйка дыма над печной трубой, можно было бы подумать, что домик заброшен — настолько ветхим он казался.

Петр весь путь тащил Лисенка по сугробам и был готов остановиться где угодно. Лишь бы отдохнуть и согреться.

Изнутри избушка оказалась вовсе не ветхой. Дощатые полы, устланные толстыми шкурами. Что-то домотканое по стенам. Петр подозревал, что все эти коврики и вышивки Шаман развесил, чтобы щели заткнуть, но выглядело это удивительно гармонично. В сочетании с пронизывающим все вокруг непонятым ароматом то ли хвои, то ли древесины, атмосфера казалась хоть и специфической, но очень уютной.

А самое главное, посреди избы топилась печь. Обычная русская печь, тепло от которой разливалось по всему дому, заставляя путников млеть от наслаждения.

— Ребенка на печь сажайте, — вместо приветствия проговорил вынырнувший откуда-то из глубины дома мужик.

Стариком его назвать язык не поворачивался. Крепкий мужичок лет пятидесяти. Черные волосы, усы, жидкая борода. Одет он был в теплые трикотажные штаны и самую обычную тельняшку. Только обувь — кожаные тапки ручной работы — да расшитый затейливым узором жилет отличали его от обычного деревенского жителя!

— Ребенка, говорю, на печь. Отогревайте, — повторил Шаман. — И сами раздевайтесь.

Петр посадил Лисенка на лавку у печи и принялся разматывать опоясывающий ребенка шарф. Леночка смущенно топталась у входа. Проводник по-свойски скинул валенки, снял тулуп, повесил у печки.

— Раздевайтесь, раздевайтесь, — подхватил слова Шамана проводник. — Раздетыми быстрее согреетесь.

Он уже растирал руки, держа их над печкой, а Шаман ставил кастрюлю с водой на огонь.

— Мы вот, — начала Леночка, расстегивая дубленку, — с ребенком приехали.

— Вижу, что с ребенком, — Шаман даже не обернулся. — Сначала согрейтесь, чаю выпейте. Пельменей сейчас сварю. Вы ж шли часа два, наверное.

— Почти три, — уточнил проводник, — мальчонку-то по сугробам везли.

— Ты сегодня тут переночуй, — обратился к нему Шаман. — Метель собирается. Ночью уляжется, завтра утречком пойдешь.

— А как же мы тут разместимся? — всполошилась Леночка.

— Разместимся, — сухо ответил Шаман, — вам тут жить, так что привыкайте.

— В смысле «жить»? — Петр удивленно посмотрел на жену.

Та пожала плечами, ничего, мол, не знаю. Шаман промолчал и отвернулся к огню.

Поговорить о деле за обедом не вышло. Проводник рассказывал Шаману новости из большого мира, то и дело вставляя в рассказ чьи-то имена и личные истории:

— А у Паренковых корова-то сдохла, не растелилась. Илья давай на жену орать, дескать, ты виновата, ветеринара с города не вызвала, а она на него — кто ж за ветеринаром поедет, когда ты пьяный валяешься! Деньги пропил, все хозяйство на меня бросил, корова два дня мучилась! Ну, тот развернулся да пошел, тушу разделал и куда-то сбыл. Кто уж у него холодное мясо взял, не знаю. Небось, городским в треть цены сплавил. Деньги получил и в запой ушел. Неделю его жинка дома не видала. Вернулся, а она шмотки его собрала, чумодан ему выставила. Все, говорит. Иди, где шлялся. Он к ней и так, и эдак. И ластился, и поколотить лез. Она, не будь дура, милицию вызвала. Так и выгнала. Все. Развелись.

— Я ей в том году еще говорил уходить от него. Им обоим порознь лучше. Но, видать, ей надо было намучиться. Так уйти не могла.

Петр и Леночка в этот разговор вклиниться не могли и не считали нужным. Переглядывались да помалкивали. У Леночки взгляд был возбужденный: она ждала чуда. Петр же смотрел на неё с укором, дескать, куда ты нас завезла и, самое главное, зачем.

После обеда Шаман стал заваривать чай. Обдал кипятком большой глиняный чайник, размял в руках что-то похожее на обычный черный чай, но сильно пахнущее то ли медом, то ли карамелью. Посмотрел внимательным взглядом на Лисенка и ему в чашку бросил щепотку чего-то из другого мешочка.

Петр всполошился:

— Что вы завариваете ребенку?

Леночка успокоительным жестом положила свою ладонь поверх его руки.

— Не дергайся, — Шаман, казалось, был раздражен вопросом Петра, — шиповник мальчонке бросаю. Витаминку. Сейчас просто чай пьем. О вашей просьбе будем говорить позже.

Петр, успокоившись, сел. Леночка многозначительно на него посмотрела. Все вернулись к своим чашкам. Вкус чая был слегка горьковатым, но приятным. Со сладким послевкусием. После тяжелого перехода по морозу и сытного обеда он казался чем-то волшебным, обволакивающим, успокаивающим. Свиридов сам не заметил, как задремал прямо на стуле. Лисенок тоже посапывал, уткнувшись в бок отцу. Леночка не спала, но выглядела спокойной и расслабленной.

— Постели своим мужчинам на печке, — Шаман махнул рукой в сторону сундука, стоявшего в углу комнаты. — Там все найдешь. Постели и возвращайся. Поговорим.

Петр проснулся необычайно отдохнувшим. Кажется, так он не выспался лет пять или шесть. Нет, пять. С тех пор, как Лис родился. Мужчина потянулся, повернулся на бок. Мальчика рядом с ним не было.

Приподнялся на локте, оглядел избу. Пусто.

В животе что-то ухнуло и завязалось узлом. Петр откинул одеяло и спрыгнул с печи. Обулся в валенки и выбежал во двор, на ходу натягивая куртку поверх майки.

Весь двор был покрыт следами. Петр растерялся, остановился, взгляделся: вот прошли к поленнице, дрова взяли, вот у отхожего места топтались.

Петр выглянул за ворота. Одинокий след в сторону деревни — ушел утром проводник. А вот сбивчивые женские следы, а рядом ровные мужские. В сторону озера. Детских следов нет, они явно несли ребенка на руках. Петр рванул к воде.

Леночка стояла на берегу, укутавшись в дубленку, и не отрываясь смотрела на прорубь в озере. В руках она сжимала Лисенкину шубку, рядом на снегу валялась одежда Шамана. Мужчины с ребенком нигде не было.

Петра сначала окатило волной холода, затем бросило в жар. Волосы встали дыбом. Не помня себя, падая в сугробах, он побежал к жене.

— Где он?!

Леночка обернулась и побледнела.

— Убью, сволочь! Куда ребенка дели?

— Петя, Петенька, успокойся, все хорошо, — Леночка выставила перед собой руки в защитном жесте. Таким мужа она никогда не видела. — Так было надо, понимаешь. Надо.

— Кому надо? Тебе?! Чтоб ты по праву черный платок носила? А то образ недостаточно скорбный?

— Что ты такое говоришь?

— Где Лисенок? Убью скотов! — кричал Петр, озираясь.

Леночка онемела. Она стояла бледная, с вытаращенными глазами и как рыба открывала и закрывала рот. Сколько ярости, оказывается, в ее муже. Он подходил ближе, она пятилась. В этот самый момент послышался всплеск воды. В проруби всплыл Шаман с ребенком на руках. Позабыв обо всем на свете, Петр рванул к ребенку и выхватил его у Шамана.

— Папа, папа, я видел, — Лис тарачился на него широко открытыми глазами. — Я видел, видел! — выкрикнул еще раз и провалился в беспамятство.

Ошарашенный Петр оглядел беспомощным взглядом Шамана, жену и, воя как зверь, рванул бегом в избушку.

* * *

Лисенка лихорадило. Градусника в избе Шамана не было, но Петр и без него чувствовал, что у ребенка сильнейший жар. Он хотел увезти сына в город немедленно, но понял, что без проводника дорогу к городу не найдет. Пришлось смириться. Скрипя зубами от негодования, Петр принимал от Шамана теплое питье для сына.

Тот отпаивал ребенка травами и приговаривал:

— Ты не бойся, переохлаждения нет, мы его салом натёрли. Да и в воде он только минуту был.

Петр молчал.

— Ты пойми, — продолжал Шаман, упрямо обращаясь к его спине, — дар у него. Он не видит то, что видим все мы, а то, что мы все не видим, он видит. А это только в озере можно посмотреть.

— Да на черта мне все это ваше невидимое! — взорвался Петр. — Мне живой ребенок нужен!

— Будет, будет он живой, он не от холода в беспамятстве.

— А от чего же?

— От того, что видел. Он же тебе сказал: он видел.

Петр молча стиснул зубы. Мало ли, что мог видеть ребенок. Может, это были галлюцинации от гипоксии, может, еще что. Он не хотел этого знать.

— Мы потому тебе ничего и не сказали, — Леночка тихонько подошла к Петру, — ты бы не дал...

— Я запрещаю тебе подходить к нему! — он вскочил на ноги, и жена отшатнулась, отпрянула. — Слышишь? Запрещаю! Тебе нового образа захотелось? актри-и-иса. Мало тебе поводов глубокую скорбь разыгрывать? Не наигралась? Он живой ребенок! Он в садике в представлении участвовал! Зайчиком был! У него все в порядке! Не ему, тебе нужны были все эти целители, свой грех замаливать!

— Что? Ты что?.. — рыдания душили Леночку.

— Заткнись! Не хочу больше ни слова от тебя слышать! Как только он очнется, мы возвращаемся в город, и я подаю на развод.

Леночка упала на стул и разрыдалась. К ней подошел Шаман, протянул чашку с каким-то отваром:

— Плачь, плачь, прощайся. Все равно тебе с ними не жить. Оплакивай.

Лиса лихорадило весь день. К вечеру жар как будто спал, и ребенок уснул обычным детским сном. Наутро от лихорадки и беспамятства не осталось и следа. Мальчик проснулся и огласил избу радостным:

— Я видел!

Все трое взрослых тут же подскочили к печи. Первым спросил Шаман:

— Расскажи, что?

— Там были звезды! Много! И они соединены между собой, как в сеточку, а если потянешь, то звезда приближается, и там рассмотреть можно, как будто люди, и деревья, и небо... Папа, а сегодня какое небо?

— Голубое, сынок.

— Папа, я теперь знаю, что такое «голубое».

Петр запнулся, пытаясь проглотить ком, вставший в горле. Леночка навзрыд плакала. Шаман молчал и улыбался.

Мальчику подали завтрак. Чай с шиповником, хлеб с маслом, сыр домашний. Он ел и рассказывал:

— А там разные листики. Вот я же пробовал деревья ручками. На деревьях листики. Я думаю, что я видел деревья с листиками. Только они разные. В одной звездочке одни, а в другой звездочке другие... А еще если совсем близко подлететь, то слышно ветер. А ветер, он как музыка. Как будто кто-то на дудочке играет. Правда-правда. Когда внизу ветер слушаешь, то он не так звучит, а когда на звездочку снаружи смотришь, то он как музыка.

Петр, слушая подробности, сильнее хмурился. Леночка напротив, расплывалась в блаженной улыбке. Шаман же был серьезен. Казалось, пытался запомнить.

— Ну все, хватит, — Петр поднялся. — Найдите проводника в деревне. Мы уезжаем.

— Ты понимаешь, дар у него, — тихо проговорил Шаман. — Ему тут быть надо.

— Не несите чушь! — повернулся к Леночке: — Собирайся.

— Я останусь, — еле слышно проговорила женщина.

Петр удивленно посмотрел на нее, как будто увидел первый раз.

— Ну, как хочешь.

— Нам все равно вместе не жить.

— А ты вернешься, — Шаман смотрел на него исподлобья, — я знаю, что ты вернешься. А сейчас езжай. Тебе так надо.

* * *

Петр уехал в тот же день. Леночка осталась. Лисенок ничего не спрашивал о матери, как будто все знал и понимал. Петр помалкивал. Ему было бы сложно объяснить пятилетнему малышу, что такое развод.

Первым делом в Москве Петр провел сына по всем врачам. Никаких признаков простудных заболеваний или воспалений у Лиса не было. Даже сделали энцефалограмму, чтобы проверить работу головного мозга. И она никаких отклонений не выявила.

Жизнь вроде пошла своим чередом. Петр подал на развод, и первое заседание уже прошло. Без Леночки. Оставалось еще два. Только вот Лис стал иногда странно себя вести. Он часто останавливался и поднимал лицо вверх:

— Ты говорил, звезды на небе, — спрашивал он отца, — а я видел их под водой.

— Это была галлюцинация, сын. Из-за недостатка воздуха. Тебе показалось.

— Но я же видел и листики, и небо...

В такие минуты Петр останавливался, брал сына за плечи и с практичностью инженера рассказывал про гипоксию, фантомные образы, галлюцинации и их наложение на верования и культурные традиции.

— Ты просто очень хотел увидеть листики, вот тебе и показалось, что ты их увидел. Наш мозг — очень хитрая штука, сын.

Лисенок не спорил, но Петр чувствовал, что мальчик с ним не согласен. «Поймет, — успокаивал себя отец. — Когда-нибудь поймет».

Однажды Петр посадил сына купаться и сел за чертежи — он все чаще брал работу на дом. Из размышлений

его выдернула необычная тишина. Неправильная. Не слышно было ни игры, ни плеска воды. Мужчина вбежал, почти влетел к сыну. Тот лежал на дне полной ванны и широко открытыми глазами смотрел в потолок.

Петр вырвал сына из воды, встряхнул, заставил вздохнуть.

— Ты что, Лисенок, ты что? Зачем?

— Я просто хотел снова увидеть звезды, папа...

* * *

В этот раз дорога к дому Шамана заняла намного меньше времени. Уже наступил июнь. Деревушку было не узнать: зелень покрывала все, включая избушки. Разнообразные цветы в палисадниках: полевые жарки и ландыши вперемешку со вполне культурными тюльпанами. Над цветами стоял гул многочисленных пчел. Петр вспомнил, что местные держат пасеки.

С крайнего двора вышла женщина:

— Вы, чай, за мёдом?

— Не, мы к Шаману.

— К Шаману? Так это тот дом, — женщина неопределенно махнула рукой в сторону леса.

— Мы знаем, — Петр поднял сумку, взял за руку сына и пошел к лесу.

— Если в доме нет — смотрите на озере, — крикнула вслед женщина.

— Мы знаем, — тихо повторил Петр, не оборачиваясь.

Пожалуйста, если вам понравилась книга, добавьте ее в библиотеку. Автора всегда рад комментариям.

Мать свою маленький Елисей так больше и не встретил. Она вернулась в Москву и действительно стала звездой. Режиссёров привлекала непостижимая глубина ее взгляда, нотка трагичности в смехе, бледность кожи в сочетании с темными платками, которые Леночка так любила изящно повязывать на красивые волосы.

Мужчины, обожающие чуть отстраненную загадочность, штабелями падали у ее ног. Говорят, не один маститый мэтр пытался покорить ее сердце, но ни у гуру кинематографа, ни у молодых красавцев-актеров ничего не вышло. В этот раз ее образ не был игрою. В этот раз это была она сама. Холодная, отстраненная, загадочная, трагичная.

Петр с сыном остались в избушке старого Шамана. Сложнее всего было наладить быт. Московский инженер с завидным упорством пытался соорудить насосы для воды, из старой ванны сделал бойлер и провел какое-то подобие канализации, чтобы был слив воды прямо из дома. Протянул поручни для Лисенка по дому и двору.

Петр и Шаман почти не общались. Часто «доброе утро» было единственной фразой, которую мужчины говорили друг другу за весь день. Отец занимался физическим развитием и обучением сына, а Шаман учил его истинному, как он выражался. Рассказывал ему верования и легенды.

Они часто и подолгу гуляли. Шаман вкладывал в руки Лисенка травы и цветы. Тот увлеченно изучал их форму, плотность. Растирал в руках и впитывал в себя запах.

Эта, говорил Шаман, давая ребенку что-то с мелкими листьями и горьковатым ароматом, чтобы спать хорошо. Она у ног горы растет, как камень почувствуешь под ногами, так и ищи.

А выше по телу горы пойдешь, вот эту встретишь — приятный аромат, мягкий лист и пушистый стебель — заваривать надо, когда голова болит. А эта — мягкий лист, мясистый стебель, резкий запах — в степях растет, от живота помогает.

Лисенок слушал, трогал, вдыхал аромат, жевал или слизывал сок с излома листа. Запоминал.

Когда прогулки утомляли мальчика, они усаживались на горячих камнях и разговаривали. Говорили о силе озера, о духах, Шаман рассказывал легенды, а Лис, повернув лицо туда, откуда веяло прохладой и доносился шум воды, слушал.

Одну из легенд он полюбил особенно. Часто просил учителя рассказать именно ее.

О богатыре Амыр-таке.

Был такой богатырь, первый силач, знатный охотник. Лучше всех в своем племени умел следы животных читать да дичь выжидать. Бывало, сутки на тропе ждет, пока стадо пройдет. И всегда возвращался с добычей. В самый голодный месяц его семья сыта была, никто в его племени от голода в мир духов не уходил.

Вот в один год совсем зверя мало было. Пошел Амыр-так на озеро. Рыбачить надумал. А рыбак он был плохой, кого и где ловить, не знал. Вот сел он на берегу и стал смотреть, будто, значит, зверя выслеживает. Час смотрит, два... Уж и солнце к закату, а Амыр-так все смотрит. И в тот миг, когда солнце позолотило воду, Амыр-так поднялся с камня своего и нырнул, словно сокровище увидел.

Долго семья ждала богатыря. Ночь прошла, не пришел Амыр-так. Уж завyla выпью мать, уж трижды вышел на дорогу и посмотрел на озеро отец. Нет Амыр-така.

Но только лишь рассвет снова окрасил воды золотом, появился Амыр-так на берегу. Богатую добычу принес с собой великий богатырь и охотник. Ни слова не сказал, откуда зверь, но ни один рот в его селении голодным не остался.

С тех пор Амыр-так все чаще ходил не в лес, но к озеру. Долго его не бывало. И день, и три, и неделю. В год, когда следом за матерью отправился в мир духов и его отец, Амыр-так ушел в озеро насовсем. Но местные до сих пор верят, что великий Амыр-так в том озере и живет. А в голодный год нужно лишь дань ему принести, и тогда великий богатырь накормит свой народ. Надо только дожждаться, когда солнце позолотит воды озера.

Лисенок слушал легенду молча, задумчиво. Однажды Шаман не выдержал:

— О чем думу думаешь, малыш?

— Получается, Амыр-так с других звезд дичь принес? Значит, можно в это озеро нырнуть, а в другом мире вынырнуть?

— Э-э, слушал ты, слушал, да главного не услышал!

— А что главное?

— А главное, что цель должна быть. Великая. Ему народ накормить надо было, вот озеро его и пустило в другой мир. А без цели нырнешь — только вымокнешь.

— Разве? Я же нырял с вами. Зимой. Без цели.

— Это у тебя цели не было. А у меня была.

Хотел Лис еще что-то спросить, но Шаман, кряхтя, поднялся с камней и пошел в сторону дома. Лисенку только и оставалось, что догонять учителя. Аккуратно, опираясь на посох, обдумывая каждый шаг.

* * *

Именно то, что без цели, без просьбы ничего не выходило, чуть было не стало причиной самой большой ошибки слепого мальчика. Когда его стали пускать самостоятельно в озеро, он брался помогать любому пришедшему. Не всматривался, не вдумывался. Старый Шаман ворчал, Петр откровенно ругался. А Лис просто хотел видеть.

Все изменилось в один день. Лису тогда едва исполнилось пятнадцать. Сублильный юноша, только открывший для себя тайны мужского и женского. Нервный, неровный, он все чаще убегал в горы. Один, без учителя. Пальцами изучал каменные трещины, прижимался к горе, слушал ее сердце. Что-то спрашивал у бесконечности, что-то предьявлял Мирозданию. Дождался ли он ответов — никто не знал, но руки его стали вдруг сильными, плечи раздались так, что все рубахи малы стали. Становился он мужчиной.

И вот на пороге его дома появилось чудовище. Не сказочное, а самое обыкновенное, с одной головой, двумя руками и двумя ногами, которых, впрочем Лис видеть не мог. Зато видел он непроницаемую, вязкую черноту внутри у посетителя. Монстр, без крупницы святого, живущий только по праву силы. Лис содрогнулся, а монстр не заметил.

— У меня жена пропала. Конкуренты украли. Не найду ее, — продекламировал монстр заготовленную речь. И совсем уж вымученно и неестественно добавил: — Переживаю.

Старый Шаман схватил было ученика за руку, сжал предплечье, но Лис уже кивнул и взял протянутую ему женскую вещицу. Ему важно было просто видеть.

Озеро открылось перед мальчишкой привычным блеском звезд. Золотая паутина Мироздания услужливо притянула ему родной мир поближе. Лис, предвкушая удовольствие погружения, напрягся, вытянулся струной и нырнул.

Он нашел нужную женщину быстро. Она была измучена, но в то же время рыдала от облегчения. Проводила рукой по остриженным волосам, терла себя по щекам, размазывая слезы, и говорила, говорила.

Она рассказывала, в каком аду жила, но спаслась, наконец-то спаслась. И плевать на деньги, плевать на положение в обществе, она свободна, правда свободна!

Лис потянулся и прикоснулся к ее душе, к ее памяти, к ее сущности. То, что он увидел там, заставило его вздрогнуть. От ужаса, от страха, от боли. От ее ужаса. Ее страха. Ее боли. Нет, не конкуренты. Его посетитель, его проситель годами измывался над ней. Унижал, избивал, вытворял с ней все, что его черной душе было угодно. Она вздрагивала от резких движений, подпрыгивала от простого хлопка двери, а мысли о добровольной близости с мужчиной и допустить не могла. И вот наконец-то свобода. Дух ее не был сломлен, она готовила план побега несколько месяцев. Достала поддельные документы, накопила наличности, изменила внешность: женщине ее уровня для этого достаточно было уродливо обкромсать и покрасить в дешевый цвет волосы, пренебречь макияжем и надеть джинсы с чем-то бесформенным сверху.

Конечно, ей помогли. Те, кто любил и жалел ее, кто ненавидел его. Сейчас все они и сама измученная женщина были под ударом.

Лис не принимал никакого решения — ответ был очевиден. Он вынырнул, выплыл на берег и встал напротив своего просителя с непроницаемым лицом:

— Я не увидел твоей жены в мире живых.

— Этого не может быть, — голос просителя звучал глухо, угрожающе. — Я все проверил. Тела не нашел.

— Я не увидел твоей жены в мире живых, — Лис старался сохранить спокойствие в голосе, но именно сейчас понял, кто перед ним. Этому чудовищу достаточно было бы ее тела. Собственно, эту участь он для своей женщины и приготовил. Затем и ищет.

Мужчина зарычал и двинулся было вперед. Петр бросился наперерез, Шаман подскочил в мгновение ока, но Лис остановил их обоих движением руки.

От удивления замерли все, даже посетитель.

— Дай мне руку.

Мужчина медленно и нехотя протянул Лису ладонь. Юноша взял его руку в свою и вложил в нее поднятый со дна озера камень.

— Слушай меня, человек, забравший сотню жизней, — посетитель встрепенулся, напрягся, но остался стоять с вытянутой рукой. — Слушай меня, в этом мире важно равновесие. Самое главное в этом мире — равновесие. Твоя жизнь любому покажется кошмаром, и любой сочтет тебя чудовищем, но ты нужен этому миру. Ты пришел ко мне. Ты пришел ко мне, сам не понимая, что за этим последует. Так получи же дар.

— Камень?

— Камень, — губы Лиса вздрогнули будто в улыбке, он продолжал держать за руку монстра, выискивая в его душе хоть что-то светлое. — Я не скажу тебе, что это священный камень. Нет. Самый обычный. Таких на дне озера сотни тысяч. И таких как ты — сотни тысяч. И каждому Мирозданию уготовило незавидную судьбу — быть перемолотым в песок. В тебе сосредоточено все самое мерзкое и грязное, что может быть в живом существе. Но ты пришел ко мне, и у тебя есть шанс изменить это. Так можно. Поверь, можно. Ты вот животных любишь. Людей всех ненавидишь, а животных по-настоящему любишь. В тебе есть то, что поможет тебе выплыть и держаться за мир. Ты можешь взрастить в себе светлое, а не быть просто камнем.

Посетитель стоял ошарашенный. Что-то в его душе поднималось из самых глубин, какой-то комок встал в горле и никак не хотел проглатываться. Ему казалось, что его тошнит, но не от съеденного, а от сделанного.

— Ты говоришь, что я важен был Мирозданию, что ему нужно равновесие. А если я уйду, кто-то другой значит... — мужчина не договорил.

— А может, ты пришел ко мне, потому что Мирозданию пытается добавить в эту реальность немного добра? Случайности не случайны.

Мальчишка наконец отпустил ладонь своего просителя. Тот стоял еще какое-то время с протянутой рукой и ошалело смотрел на камень в ней. Потом сжал его, до побелевших костяшек сжал, развернулся и, пошатываясь, ушел.

Три пары глаз были обращены ему вслед, и каждый думал о своем. Лис размышлял, достаточно ли высоко удалось ему вытянуть светлое начало. Удержится ли человек или все же пропадет и других за собой потянет.

Петра трясло от напряжения, он очень волновался за жизнь сына — страшный человек к ним приходил. Он подошел к Елисею и обнял его, прижав к груди.

Шаман же стоял, как обескровленный. Глаза подернуты пеленой слез, рот полуоткрыт. Он медленно подошел к своему ученику и положил руку ему на голову. Лис повернул лицо в его сторону, а Шаман проговорил срывающимся голосом:

— Ты понял, ты смог. Ты все узнал. Мне теперь пора уходить, а ты останешься. Теперь люди будут звать Шаманом тебя.

— Нет, учитель, как же...

— Если тебе будет нужен мой совет, — Шаман криво улыбнулся, — ты всегда сможешь со мной поговорить.

Если вам нравится этот роман, подписывайтесь на автора.

Лис еще несколько раз подсматривал за жизнью той женщины — заколка ведь так и осталась у него. Мироздание было не против. Женщина училась жить. Робко и несмело, методом проб и ошибок, но она жила. Как умела. Ее монстра рядом не было. Где он и что с ним, Лис не знал, но однажды, спустя почти полгода, на счет Петра пришла очень крупная сумма денег. В комментариях к переводу было написано «от не-камня». Лис обрадовался, как ребенок, и первым делом полетел покупать себе гидрокостюм: зимой мазаться салом каждый раз было крайне неудобно. Петр был против. Ему казалось, что эти деньги не стоит тратить, но чуть позже и он сдался. Они отремонтировали избушку и поставили во дворе гостевой домик для приезжающих, которых становилось все больше.

Лис, которого действительно теперь все стали звать Шаманом, теперь осторожничал. Нырять не для каждого, а прежде чем нырнуть, долго с человеком беседовал, изучал его. Некоторые жили около них неделями, некоторые — и больше. Часто к Лису приезжали те, кому и искать-то никого не надо было. Они просто, как мотыльки, слетались на огонь сильной личности, загадочного Шамана, человека, который, как они верили, одним движением может решить все их проблемы. Особенно много среди них было женщин, как молодых, так и в возрасте: молва путала возраст Шамана.

Когда в их доме появилась Татьяна, сперва Лис подумал, что она из таких. Нестарая еще женщина: русые, без проседи волосы, гладкое лицо, чуть полновата, но красива в своей женской полноте. Мягкие черты лица, ласковый взгляд светло-карих глаз, неброская одежда, руки без маникюра.

Лис не мог этого всего видеть, но чувствовал в ней женщину-мать. Ту, что будет опекать и заботиться, помогать и поддерживать. Если понадобится, то всю жизнь детям и семье посвятит, и в этом найдет свое счастье.

Она в дом не зашла. Присела на одной из лавок во дворе. Села спокойно и основательно, как отдыхают путники, вернувшиеся домой после дальней дороги.

Петр и Лис привыкли не беспокоить людей, если те не обращались сами. Сюда приходят с болью, с горем. И бывает, что не готов человек, разворачивается и уходит. Люди странные, жизнь еще более странная.

Женщина просидела на лавке до заката. Спокойно смотрела перед собой. Казалось, она уже все обдумала и решение приняла, теперь просто ждет неизбежного. Когда стало смеркаться, Петр позвал ее в дом — ночи были холодные. Отужинай, путница, чем Бог послал, а там решишь, говорить, что тебя сюда привело, или нет.

Татьяна вошла в дом, огляделась, вымыла руки, попила воды. Стол был накрыт: жареная курица, отварной картофель да свежие овощи, все щедро сдобрено солью и растительным маслом. Татьяна поужинала, поблагодарила и сама встала убирать после ужина.

Утром Лис и Петр проснулись от запаха греноек. Женщина спокойно и деловито хозяйничала на кухне. Петр хотел было ее остановить, но Лис запретил ему:

— Ей так надо, пап.

После завтрака Татьяна проинспектировала шкафы с крупами, холодильник, погреб с овощами и удивленно спросила:

— А обед-то с чего готовить?

— Так суп вот, — Петр развел руками, — и картошка.

— С деньгами плохо, да?

— Да нет, — Петр не понимал, в чем дело.

Татьяна задумчиво рассматривала два сиротливых пакетика с гречкой и с рожками и явно что-то просчитывала.

— Магазин-то тут в Мелеховке?

— Да.

— А добираться тяжело?

— Автобус в обед должен быть.

— Вы с автобуса меня встретите?

— Встречу, — Петр пожал плечами, а Лис просто улыбнулся.

На ужин у них был плов, маринованная морковка и кисель с жареными плюшками — с духовкой Татьяна пока не справилась. Петр с Лисом ели быстро и молча — очень уж вкусно получилось. Петр вспоминал, как готовила его мать. Только сейчас он понял, что Лис-то никогда такой вот домашней стряпни и не ел. Нет, бывало, что им вкусности в оплату приносили. Не все платят деньгами. Кто-то бочку солярки привезет, а кто-то пирогов корзину.

Но в свой дом они приживалок не пускали. Не нужен им был никто. А вот Татьяна будто и не пришла. Будто всегда тут жила.

Он, осторожно разглядывая гостью, помог ей прибрать со стола. Помощь она приняла, как само собой разумеющееся. Но посуду мыть Петра не пустила. Было видно, что ей нравится чувствовать себя нужной.

* * *

Эта женщина вошла в их быт как недостающий кусочек мозаики. Вот приехала она, и сложилась полная картина.

Петр уже перестал удивляться. У них очень быстро сложились равновесные отношения — он помогал ей носить тяжести, управлять двором, ездил с ней за покупками. При этом готовка и стирка лежали целиком на ней. Кажется, она была этому рада. Мужчина оставил за собой все дела дворовые: починить, наладить, выкопать. Убирались в доме и во дворе все вместе. Это было удивительно, как простой труд объединял. Вытряхнуть вместе половники, помыть пол после того, как другой подмел, протереть пыль по подоконникам — простые дела, которые в их доме превращались почти в праздник. Шумели, смеялись, шутливо ругались. Лису нравилось.

Прошел, наверное, месяц, после появления Татьяны. Она сидела все на той же лавке после ужина и смотрела вдаль. Петр присел рядом, Лис вынес во двор чай из трав — старый Шаман его многому научил, травником он был знатным.

Татьяна взяла чашку и, все так же ни на кого не глядя, заговорила:

— Сын у меня пропал. Давно уж, месяцев пять ни слуху, ни духу. Я его одна растила. Работала, всем обеспечить старалась, все ему дать. Водила его по музеям, по кружкам, по секциям, в отпуск возила. Для себя, считай, и не жила. Пока он был маленький — не до того было. Ребенка бы упредить. А потом боязно стало — а ну как мальчик с отчимом характерами не сойдется. Он у меня с самого детства непростой был. Норовистый. Ну, я думала, мужчине ж так и нужно. Сильным быть. Он меня не слушал никогда, а я в умных книжках вычитала, что мы воспитываем не словами, а своим примером. Тем и успокоилась. Казалось мне, что вот он же видит, что работать надо, о близких заботиться. Значит, таким и вырастет. А он вырос, и знаете, что мне сказал? Ты, мать, говорит, всю жизнь горбатилась, а для себя никогда не жила. Ничего в жизни не видела. Я, говорит, так не хочу. И ушел. Ни учиться не стал, ни работать. Нашлись подле него какие-то дружки, при которых он был на посылках. Они ему копейку подбросят, а у него ж глаза горят — вот они, легкие деньги. В шестнадцать же лет десять тысяч громадными деньгами кажутся, когда всю жизнь на меньшее жил. Чем занимался, не знаю. Думаю, что чем-то незаконным. Наверное, наркотиками. Похоже, он и сам стал наркоманом. Дома появлялся все реже, нервный стал, круги под глазами. Бывало, кричать начинал — а у самого руки трясутся. Вот такой он и ушел. Совсем. Сначала на телефон отвечал. Я, мам, вернись. Завтра, послезавтра. Потом вернись. А потом и отвечать перестал. Я сначала искала. Недели через две в полицию пошла. Все впустую. Вот, кумушки на работе насоветовали, к вам приехала. Да душа чувствует, что уже без толку.

Татьяна замолчала. Из ее глаз текли слезы. Женщина не стеснялась, утирала их ладонью и шмыгала носом. Глубоко вздохнула:

— Ну вот, все рассказала, можно и к себе ехать. Больше мне тут делать нечего. Искать мне никого не надо, душой чувствую, что уже некого.

— Не уезжай, — Лис положил руку ей на плечо. — Не надо.

— Действительно, — голос Петра почему-то дрожал. — Оставайся.

— Ты нам нужна, — добавил Лис.

Татьяна обернулась, посмотрела на них и разрыдалась в голос. Уткнулась лбом в плечо Петра и всхлипывала, сотрясаясь от рыданий. Тот ее обнимал и гладил по волосам, а Лис ушел в дом.

Сына Татьянинного он все же посмотрел. Право было материнское сердце, в мире живых его не было. Сказал он об этом не Татьяне, а Петру. А тот уж сам выбирал и слова, и утешения. Близкой она ему стала. Женщины в его прежней жизни были для него музами, отчасти недостижимым. Он им служил, как мог. А тут выходило наоборот: оберегают и заботятся о нем. Петру было непривычно, в диковинку, но он очень это ценил, и Татьяну, кажется, искренне полюбил.

Она так и осталась с ними. Никуда не уехала. Не к кому было, да и не к чему. А тут она была нужна. Тут ей и нужно было жить. Быть женой Петру и матерью Шаману.

Именно в таком составе их семью застал корреспондент районной газеты, приехавший писать статью о Шамане. Лис отказался с ним общаться. Наотрез. Попросту ни слова ему не сказал. Тогда корреспондент зашел с другой стороны — стал описывать жизнь людей около Шамана. Ведь не секрет, что то, что одному дар — другому

наказанье.

Статья получилась теплая. Без любимых публикой сенсаций и разоблачений. О том, что главное в жизни любовь и взаимоподдержка. О том, что главное никогда не отчаиваться. Тут даже рассказали о родной матери Лиса. Ведь именно она привезла мальчика на Алтай. Описали заботливую хозяйку Татьяну. Сказали всего пару слов о таинственном даре Елисея. Больше говорили про преодоление трудностей и поиск смысла жизни. Статья Петру понравилась. Он прочитал ее Елисею, и тот дал разрешение на печать. Даже позволил себя сфотографировать вместе с отцом и Татьяной. Корреспондент долго уговаривал его открыть глаза. Последним аргументом было, что в чёрно-белом варианте да на газетной бумаге с закрытыми глазами вы будете выглядеть как труп! Лис согласился. Так появилась единственная фотография Елисея с открытыми глазами. Тираж у газеты был небольшой, чуть больше двадцати тысяч экземпляров. Конечно, с десятков выпусков осталось в доме Петра и Елисея. И, конечно, каждая суеверная алтайская старушка спрятала у себя в шкафу по экземпляру. Не исключением была и бабушка Сергея.

Аля и Сергей летели до Горно-Алтайска. Перелеты эконом-класса — то еще удовольствие: в полете предлагают только воду, салон уплотнен настолько, что колени упираются в спинку впереди стоящего кресла, бесплатно с собой можно провезти только десять килограммов багажа, и прилетите вы не в центральный аэропорт региона, а бог знает куда. Но ребят все устраивало. Даже возвращающиеся с курортов пассажиры с детьми их не смущали. Они смотрели на закатное небо из иллюминатора и тихонько говорили о своем. Точнее, говорил Сергей. Аля в основном молчала. Ее настроение Серега объяснил сам себе разрывом с матерью и был во многом прав.

В аэропорту Аля долго плакала в его объятьях. Тихо всхлипывала, но молчала. Сказала, что тяжело расстались с матерью, и все. Серега понимал, что все очень сложно, и с расспросами не лез. Он аккуратно обнимал ее за плечи, отпаивал чаем.

Потом, уже во время полета Сергей рассказывал Але как раз про ту статью о Шамане. Говорил, что то, что для одних наказание, для других — дар. Что никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Ведь, в конце концов, если бы Алина жизнь сложилась по-другому, Алька не работала бы в кофейне, и ребята никогда бы не познакомились.

— Нет, обязательно познакомились бы, — Аля улыбнулась, — Мы бы с тобой столкнулись лбами на Тверской! Я бы думала о редакции новой рукописи, а ты бы просчитывал очередной алгоритм. Мы бы обязательно столкнулись где-нибудь на светофоре! Или я бы уснула в метро по дороге домой, а ты бы ехал в том же вагоне и разбудил меня на конечной.

— Почему на конечной?

— Ну, ты бы ехал, рассматривал меня спящую и стеснялся бы подойти. А на конечной деваться некуда, выходить надо. Вот на конечной и разбудил бы.

Серега засмеялся. Але нравилось смотреть, как он смеется: сначала он, улыбаясь, чуть щурил глаза, вокруг них собирались тонкие лучики морщин, потом улыбался шире, обнажая ровные зубы, а на щеках появлялись ямочки, потом, с выдохом, прорывался сам смех. Ровный, обычный, но такой приятный. Удивительно, как бывают важны мелочи. Эти ямочки на щеках и морщинки вокруг глаз казались Але такими близкими и уютными. Они успокаивали девушку, которая нервничала не столько из-за матери, сколько из-за своего неопределенного статуса. Она ехала в семью Сергея как кто? Его девушка? Невеста? Просто подруга? Они так мало встречались, отношения едва начались, и вдруг она решилась на такой шаг.

— Сереж, — Аля обернулась к другу, — А может, я остановлюсь в гостинице? — в ответ она получила удивленный взгляд.

— Мама не поймет. Да и нет в Темиртау приличных гостиниц. Если хочешь, я попрошу постелить нам в разных комнатах.

— Нет, — отозвалась Аля чересчур быстро, — Не хочу.

Серега помолчал пару мгновений:

— Аль?

— Что?

— Тебя это ни к чему не обязывает.

Настала Алина очередь помолчать:

— А тебя? — спросила она через те же пару мгновений. — Тебя обязывает?

— Меня? — Серега хитро посмотрел на нее. — Меня обязывает.

— К чему?

— Защекотать тебя!

Предательски быстро его пальцы добрались до ее ребер, Алька взвизгнула и попробовала вывернуться из его объятий, но не тут-то было — эконом класс не давал простора для маневров. Девушка засмеялась и запросила пощады, Серега тоже смеялся. Не сразу эти двое поняли, что ближайшие ряды внимательно их рассматривают. Аля покраснела и уткнулась другу в плечо, тот укрыл ее рукой и коварно прищурился. Его пальцы шутиливо промаршировали по ее ребрам. Аля, смешно округлив глаза, напряглась, а Сергей улыбнулся и покрепче ее обнял. Куда-то исчезли все волнения. Сейчас оба верили, что все идет правильно. Все будет хорошо.

Самолет приземлился глубоко за полночь. Учитывая разницу во времени, они прилетели скорее рано утром. Сергей пытался уговорить родителей их не встречать. «Возьмем такси или дождемся первого автобуса». Но отец был непреклонен. Вот еще, лишних два часа в Горно-Алтайске околачиваться.

Выловив багаж с ленты, ребята отправились к выходу, разглядывая встречающих. Аля первой увидела у входа мужчину лет пятидесяти. Как она его узнала? Да очень просто — это была точная копия ее Сергея, только старше. Конечно, правильнее было бы сказать наоборот — это Сергей как две капли воды был похож на отца. Коренастый, белобрысый мужчина с открытой улыбкой помахал им рукой.

— О! Нормально одета. Ты точно москвичка? — почему-то вместо приветствия спросил мужчина, когда они подошли.

— Привет, пап, — Серега сжал его в объятьях, отец улыбнулся еще шире и похлопал сына по спине. Казалось, он не хотел его выпускать, но Сергей обернулся к своей спутнице:

— Это Аля, — девушка кивнула головой в знак приветствия.

— Да я уж понял, хотя поначалу засомневался.

— Папа считает, что все москвички носят исключительно коктейльные платья и туфли на каблуках, — пояснил Сергей.

Аля попыталась вспомнить, когда в последний раз надевала каблук. Видимо, все мысли тут же отразились у нее на лице, потому что отец и сын в один голос засмеялись.

Машина была припаркована на гостевой стоянке. Прелесть маленьких городков в том, что нет никаких проблем с количеством транспорта. А значит, и с парковкой.

Геннадий Дмитриевич — так звали отца Сергея, — легким движением закинул Алькин рюкзак в багажник старенького внедорожника. Девушка никогда не увлекалась машинами, но даже ей было видно, что машина подготовлена: выведен навверх воздухозаборник, кузов выше, чем должен был быть.

— Увлекаетесь покатушками?

— В смысле? — Геннадий Дмитриевич, казалось, не понял вопроса.

— Ну там, преодоление препятствий, гонки в лесу и все такое, — Аля вспоминала все, что она знала о таких увлечениях из московской жизни.

— А! Да нет! Бог с тобой! Это чтобы в деревню весной проехать!

Аля со всей ясностью поняла, что то, что у них считается искусственно созданными препятствиями повышенной сложности, здесь зовется дорогами. И она собралась тут в горы ходить?! Брови сами собой взлетели вверх. Какая-то самая трусливая ее часть захотела вернуться в аэропорт и не выходить оттуда до обратного рейса. Но другая часть ликовала и тихонько подпрыгивала от восторга. Впереди полная неизвестность и масса приключений! «Эге-гей! — кричала смелая ее часть. — Вперед, Алька!» Так Алька и сделала. Пошла вперед точнее, на переднее сиденье машины. Сергей усадил ее туда, откинул спинку и вручил плед. Ехать было почти четыре часа, мужчины предлагали Альке поспать.

* * *

Квартира родителей встретила их обычной утренней суетой. Мама, Екатерина Александровна, которая тут же попросила ее звать просто «тетя Катя», встречала их в халате, накинутом поверх ночной рубашки. Было около восьми утра, но на плите уже жарились оладушки. Пахло ванилью, выпечкой и крепким кофе. Очень приятно пахло.

Мама совсем по-девчачьи бросилась на шею Сергею с какими-то радостными то ли воплями, то ли причитаниями. Алю подхватили под руки и потащили в кухню, приговаривая что-то вроде «ну что ж ты стоишь, ты же Аля? Серёжа, наконец-то ты дома! Устали с дороги, голодные, ванна там, Гена, сумки в комнату отнеси». Ой, последнее было уже не ей.

Удивительно, Аля так боялась этой встречи, а ее уже за три минуты пять раз обняли, два раза поцеловали и один раз по волосам погладили. Казалось, Сережина мама пыталась обнять их обоих одновременно и навсегда. Тетя Катя, очень маленькая женщина, едва по плечо Сергею, с короткими темными волосами и узкой, девичьей талией, сутилась на кухне, расставляя чашки и нарезая сыр.

Серега уже складывал какой-то невообразимый бутерброд в четыре слоя, а его мать разливала чай.

— Алечка, тебе кофе? Или чай?

Аля не успела ответить, вмешался Сергей:

— Ма, она у меня как баба Аля, травяные чаи любит. Меня ромашкой и мятой поила, — пробубнил он, еле ворочая языком.

— Ну надо же! — тетя Катя была искренне удивлена. — Я думала, только у нас травы любят! У меня иван-чай есть. Будешь?

— Буду, — Алька широко улыбалась, — если есть к нему мед, то вообще здорово! Силы с дороги восстановить.

— Точно, баб Аля, — хохотнул Геннадий Дмитриевич, — Ты на нее даже похожа!

— Действительно, похожа. Только ты русая, а она блондинка. Мои мужчины в нее такие, — тетя Катя ласково потрепала по волосам сына.

— И правда, — Сергей посмотрел на нее как-то по-особенному. — А я все думал, чего ты мне так нравишься?

Родители засмеялись, Алька покраснела, а Серега смотрел на нее довольным, хитрым взглядом и допивал чай.

Тетя Катя постелила в комнате Сергея. Никого не спрашивая, постелила на двоих. Она собралась на рынок — суббота день базарный — и увела с собой отца, сумки носить. Ребятам было велено выспаться. Алька приняла душ, натянула безразмерную футболку с кошками и залезла под одеяло первой. Надо было позвонить Вере, но сил не было — отправила сообщение с селфи. Видимо, селфи вышло удачное, потому как Вера в ответ прислала кучу сердечек и улыбающихся смайликов. Аля отодвинула телефон и уютно устроилась под одеялом. Ей было по-настоящему хорошо и спокойно, как дома. Не с мамой в квартире, а именно дома. После плотного завтрака неумолимо клонило в сон. Кажется, она даже задремала. Точно задремала. Она не услышала, как Сергей вышел из душа, вздрогнула только от прикосновения его холодного мокрого тела.

— Разбудил? Прости. Пойду притащу второе одеяло.

— Вот еще, глупости. Что мы, под одним не поместимся?

Сергей внимательно посмотрел Але в глаза:

— Уверена? Поместимся?

— А давай проверим, — Алька театральным жестом распахнула одеяло, приглашая Сергея, — опытным, так сказать, путем.

Молодой человек лежал на диване, опираясь на локоть. Почему-то он не улыбался и не поддерживал Алиных шуток. Ей на секунду стало страшно от его серьезности, но спустя еще одно мгновение он наклонился и поцеловал ее. Сперва нежно, аккуратно, будто пробуя на вкус. Но уже спустя пару мгновений целовал крепко и страстно. Так, как будто они расставались на целую вечность и вот наконец-то вместе. Его руки соскользнули вниз под футболку. Аля обхватила его за шею, выгнулась ему навстречу. Так приятно было прижаться к этому сильному, доброму, нежному, своему...

— Мой Сережка, — сама не заметила, как прошептала это вслух.

— Аля, Алька, Альченок, — Сергей покрывал ее тело поцелуями. Шептал что-то страстное и неразборчивое. Мужские руки все настойчивее поднимались вверх под футболкой, исследуя каждый изгиб ее тела, наслаждаясь шелковистостью ее кожи. Аля не выдержала первой, разделась. У Сергея вырвался короткий вздох, который тут же перешел в поцелуй. Губы, шея, плечо, грудь... Он спускался ниже. Проводя языком по ключице, будто пробуя ее на вкус, стараясь запомнить ее ароматом, упиваясь ее нежностью. Аля запустила пальцы ему в волосы, обхватила ногами бедра. Сергей целовал ее, прижимал к себе. Одно движение навстречу, короткий стон, одновременный выдох. Он чуть-чуть покусывал мочку ее уха, прижимаясь всем телом. Ее пальцы запутались в ее волосах, она впиалась ногтями в его плечи. Двое вжимались друг в друга так, будто пытались стать одним целым. Хотя в общем-то так и было. Быть вместе. Как можно ближе, как можно дольше. В одном ритме, как тогда на качелях. Ритмичные движения, рывки, вдохи. Вместе дышать, вместе двигаться, быстрее, еще.

Алька выгнулась в экстазе, Сергей прижался к ее груди. Еще одно мгновение, еще секунда и... мир остановился. Все вокруг перестало существовать: только они и их вдох — один на двоих.

Это продолжалось вечность. Или мгновение. Сложно было сказать. Но вот вдох сменился выдохом, и реальность медленно и плавно вернулась в Сережкину спальню.

Они молча смотрели друг на друга. Он аккуратно водил кончиками пальцев по ее скулам, губам. Казалось, прошла целая жизнь с тех пор, как они встретились. Казалось, что все изменилось и никогда не будет прежним. А у Сергея сами собой закрывались глаза. Почти сутки без сна делали свое дело.

Аля приподнялась на локте и нежно, почти по-детски, поцеловала его в щеку:

— Давай спать, любимый.

Сережка молчал, смотрел на нее так, как никто никогда на нее не смотрел, и молчал. Она еще раз поцеловала

его. На этот раз в губы. Он выдохнул и крепко прижал ее к себе. А ей и не хотелось освобождаться. Она прильнула к нему всем телом и поудобнее устроилась в его объятьях. Ребята сами не заметили, как уснули.

Алю окружала уже знакомая рыжая вода. «Я снова в океане, — подумала она. — Надо вынырнуть». Попробовала двинуться вперед или вверх, но ничего не вышло. Руки и ноги были обездвижены. Голова? Глаза? Аля с ужасом поняла, что не двигается даже грудь! Она не дышит! Горячая волна откуда-то то с низа живота подкатила прямо к горлу, в висках застучало, крик, который не мог вырваться из груди, камнем застыл где-то под ключицей.

— Что происходит с вашим биониклом? — раздраженный голос донесся откуда-то сверху. — Вы видите показатели? Почему автоматика не регулирует уровень адреналина в крови?

— Она на ручном управлении. С целью фиксации изменений эмоциональных реакций и личностных показателей, — второй голос казался слишком тихим, уставшим, даже измученным.

— Не произносите этого! Вообще никогда! Чтобы никто и никогда не слышал слова «личность» и «бионикл» вместе, — первый голос чеканил слова, вбивая гвозди в крышку гроба. И Алиного, и того, второго, измученного. — Ваш бионикл выдал ошибку. Несколько ошибок подряд. Это не личность, это — брак. Слышите? Сбой настроек, брак, поломка! Она не может больше выполнять свои функции.

— Она — хороший медикус, — уставший голос будто пытался за нее заступиться.

— Она нарушила протокол! Я ей после этого даже р'гхана бы не доверил! — в этом голосе, напротив, сквозила безразличность, — Мало ли, что ей придет в голову в следующий раз.

Измученный вдохнул, будто собирался что-то сказать, но передумал.

— Расщепление, — первый голос был неумолим. — Я считаю, это справедливо и рационально.

Кто-то совсем рядом резко развернулся и пошел прочь, по-военному чеканя шаг. Оставшийся склонился над Алей. Ей показалось, что она различила голубые волосы и грустные фиолетовые глаза. Их обладатель провел рукой по стеклянной крышке, отделяющей ее и жидкость от остального мира, склонился над ней, кажется, даже прижался лбом к стеклу.

— Бедная моя Тринити. Никому не нужны здесь твои способности принимать решения и сопереживать. Приговорили к расщеплению.

К расщеплению? Ее? Это же смерть?! Это конец! Это... навсегда? Мысли, перекрываемые ужасом, роились в Алиной голове. Крик из-под ключиц почти прорвался к горлу. Нет! Все, что угодно, только не это!

* * *

— Не-ет! — крик все же вырвался. — Только не это, пожалуйста, нет!

— Аля, Алечка, — сильные руки обхватили ее, обняли.

Первым делом Аля поняла, что может дышать. И двигаться. Она сидит на диване, а рядом Сережка, обнимает ее, гладит по волосам.

— Это был просто сон, слышишь? — он неотрывно смотрел на нее, пытаясь понять, что происходит. — Просто сон, он кончился. Слышишь?

Раздался стук в дверь.

— У вас все в порядке? — мама заглянула в приоткрытую щелку, тут же ойкнула и закрыла дверь.

Алька посмотрела на Серегу и себя. Блин, они совершенно голые сидят на диване, а она еще и орет. И вот это все увидела мама.

— Какой кошмар! — Аля натянула на себя одеяло.

— Какой? — Серега по-своему понял ее восклицание, — Опять те сны? — он всматривался в ее лицо, совершенно не обращая внимания на наготу.

— Да я не об этом! Я тут голая, ору, и твоя мама... — Аля беспомощно махнула рукой в сторону двери.

Сергей оглянулся, потом осмотрел себя и засмеялся.

— Ну да, неудобно получилось, — по его лучезарной улыбке ни на секунду нельзя было предположить, что он смущен.

Аля вздохнула и стала шарить по дивану в поисках футболки. Сергей выудил что-то скомканное из-под своей подушки и подал ей. Она натянула сильно помятых кошек, разгладила их рукой и полезла в рюкзак за штанами. Когда она обернулась, Сережка уже стоял в джинсах и шарил по полкам в поисках футболки. Из комнаты вышли молча. Аля не знала, что сказать. Тетя Катя ее опередила:

— Вы простите, что я к вам так вломилась, — чувствовалось, что женщине откровенно неудобно. — Я забылась, и...

— Мам, все нормально, — тетя Катя посмотрела на Сергея вроде как с удивлением и немного с облегчением. — Але иногда снятся кошмары. Странные сны с продолжением.

— Они не всегда! — Алька вроде как оправдывалась, ей было обидно, что своими криками она нарушила идиллию этого путешествия и этой семьи. — Не всегда снятся. В смысле, не каждую ночь. И они не всегда были кошмарами, — совсем тихо проговорила она.

— Там какая-то девушка и другой мир, — Сергей пытался объяснить вместо Али. — И эта девушка вроде как пытается Але что-то сказать.

— Сегодня не так. Сегодня я ее не видела, а как будто была ею, — Алька говорила очень тихо, почти шептала. Но вся семья ее внимательно слушала. Лица были серьезные, озабоченные.

— Ее как будто судили, — продолжала Аля. — И вынесли приговор. Ее хотят убить. Казнить. Я не поняла, поняла, что... уничтожить. И ей было так страшно.

Алька съезжилась и вытерла лицо тыльной стороной ладони. Оказывается, она плакала — рука стала мокрой.

— Она хотела кричать, а не могла. Ей страшно. Она все понимает и не хочет умирать.

Тут Алька не выдержала и зарыдала в голос. Сережка обнял ее, а тетя Катя приложила ладонь к щеке и качала головой.

— Простите, я понимаю, что это все глупо, — Алька всхлипывала и шмыгала носом. — Но ей, то есть, мне, было так страшно. Так... ужасно. Понимаете, это все так по настоящему.

— ну почему же глупо, — тетя Катя внимательно ее слушала, сложив руки на груди, — никогда сны не глупость. Хотя бы потому, что тебе на самом деле безумно страшно! Уж что там они значат, пусть гадалки гадают, но с этим страхом нужно что-то делать.

— Психотерапевтов Аля уже пробовала, — тон у Сереги был такой, что сразу стало ясно: в душевные разговоры он верит еще меньше, чем его мать в гадалок. — Я вот думал, когда у баб Али будем, к тамошнему Шаману на озеро съездить. Они ж там всем посёлком на него не нахвалятся после того, как он Зойки Самохиной сына нашел.

— Ну да, — вступил в разговор отец, — была история.

— Ну... — Сережкина мать недовольно поджала губы, — В такие вещи верить надо, — тетя Катя вроде и была настроена скептически, но перечить сыну не хотелось — Но хуже точно не будет. Заодно развеетесь. Места там красивые.

— Да, — протянул отец. — Вы б быстрее туда ехали, а то с такими снами так себе отпуск.

— Да ну что вы, — Аля поймала ошарашенный взгляд тети Кати, предназначенный мужу, — Сережа только что к вам приехал. Мы сначала тут побудем.

Возникла неловкая пауза. Тетя Катя нахмурилась, губы поджала. Полгода сына не видела. Не хотелось ей его сейчас отпускать. А Сережка смотрел только на Алю. Ему было важно с ее кошмарами разобраться и, во всех смыслах, спать потом спокойно. Ситуацию разрешил отец:

— Слушай, мать, а чего бы и нам туда не съездить. Я у себя договорюсь, махнусь сменами. У тебя там как? Отгулов нельзя взять? А то баб Алю уж месяц не видели. В огороде ей поможем, на озеро съездим, шашлыков пожарим. Там Юрка твой, — махнул он рукой в сторону Сереги, — такую баню отгрохал.

На этих словах жена на него так посмотрела, что вместо следующей фразы он откашлялся и, вскинув брови, бесцельно ушел в коридор.

Алька, всхлипывая, разглядывала ногти у себя на ногах, а Сергей вопросительно посмотрел на мать:

— А чё, мам? Поехали все вместе к баб Але? На машине и проще будет.

Мама вздохнула.

— Да поехали, ну вас.

Аля подняла на нее благодарный взгляд, а Сергей подскочил и поцеловал в щеку:

— А что у нас на ужин?

Машина медленно тряслась на ухабах. Скорость едва превышала двадцать километров в час, но окна не открывали — стоило опустить стекло, и в салон тут же набивалась туча насекомых: божьи коровки, мелкие жучки, мошки.

— Тут всегда так ближе к осени. Стаями летают, — перебивая гудение кондиционера, рассказывал Серегин отец.

Аля не слушала. Завернувшись в Сережкины объятия, она из всех сил пыталась не уснуть.

Отпуск, начинавшийся, как романтическое приключение, превратился в пытку. Родителям Сергея понадобилась пара дней, чтобы уладить вопросы с работой. Для Али это была пара бессонных ночей. Ночей полных ужаса, страха и боли.

Накануне поездки Сергею даже пришлось выдержать непростой разговор с матерью. Аля была в душе, а мать с Сергеем, проявляя чудеса деликатности, перешептывались на кухне:

— Мам, ну я же давно ее знаю, не было такого! — пытаюсь не сорваться на крик, шептал он.

— Что значит «давно», ты в Москве всего полгода, — оглядываясь на дверь ванной, так же шептала мать.

— Ну вот полгода и знаю.

— Может, ей все же к врачу надо?

— Ее мать к какому-то врачу отводила. Очень странному.

— Так, может, мать ее лучше знает?

Сергей стиснул зубы, на скулах заиграли желваки.

«Лишнего ляпнула, — подумала Екатерина Александровна, отворачиваясь. — Ишь как злится! Защищает. Совсем взрослый стал», — с чисто материнской смесью гордости и сожаления заметила она.

— Ладно, — сказала уже вслух, — Поезжайте к своему Шаману, а если не поможет, то хоть баб Аля травками отпоит.

Сергей облегченно вздохнул и улыбнулся:

— Мамочка, ты самая лучшая!

— Я знаю, — уже в голос ответила тетя Катя.

«Ну в самом деле, — продолжала она рассуждать сама с собой. — Ну чем девчонка виновата. Кошмары снятся, так мало ли отчего. Сережка рассказывал, что она писателем мечтала быть. Творческая, блин, натура!» Вздохнула и пошла паковать сумки. У баб Али бывали часто — много с собой брать было не нужно. Так, скорее подарки. Сладости и хлеб ржаной, масло растительное, нитки у старушки белые кончились.

Деревня встретила их гулким мычанием коров и ухабами на дорогах. Если на трассе еще присутствовало какое-то подобие асфальта, то эта поселковая дорожка и не знала, что это такое. Щедро утоптанная копытами различного диаметра, она перекатывалась мелкими кочками, заставляя машину ехать со скоростью той же коровы.

— Зато тут аварий не бывает! — с непонятной Але гордостью проговорил отец Сергея.

— Да как же не бывает?! А в том году Леха-пасечник на своем мотоцикле в колодец влетел? А Егорыч в пруд съехал, машину утопил.

Отец засмеялся:

— Да хорошо, пруд мелкий! Сам не утоп. Но то ж не из-за дороги, то ж по пьяни!

Мать не ответила, а Аля смотрела на сложенный из потемневших бревен колодец с журавлем, мимо которого они как раз проезжали, и пыталась представить, чем же закончилась та авария.

Молодежь на ночь оставаться не стала. От бабы Алиной деревушки до шаманского озера три часа пути. Они решили поехать сразу. Аля все больше молчала, но и без слов было ясно, что она не в силах остаться. Ей нужно было ехать. Будто действительно хочет кому-то помочь.

Старушка, конечно, расстроилась. Но Сергей клятвенно пообещал ей вернуться и остаток отпуска провести с ней. Тем более что родители тоже тут.

— У меня в городе никого близкого не осталось, мне там делать нечего, — объяснял он потом Але, — класс у нас был сильный, и так вышло, что все разъехались. Кто на шахты, инженерами, кто в другие города, как я. А тут я все детство провел. Лето, каникулы. Юрка вот, вместе с ним по лесам шастали. Бабушку люблю. Да и мы с тобой в горы собирались. Это тут, не в городе. Заработать тут тяжело, но жить здорово.

Аля молча слушала. Она не могла ничего сейчас сказать. Все окружающее ей казалось далеким и нереальным.

Сквозь пелену усталости и беспокойства она лишь машинально отмечала: степь, разнотравье. Надо же, только что был лес, а уже степь. Горы, и правда золотые. Солнце садится, вот и золотые. Раскинувшиеся вширь луга и макушки далеких гор выглядели могущественно. По-другому не скажешь. В городе она чувствовала себя хозяйкой положения, а тут — мелкой песчинкой, неспособной даже преодолеть десяток километров без посторонней помощи. Оставалось только восхищаться красотой, буйной, естественной, непричесанной красотой вихрастого мальчишки, набегавшегося в поле. Но сейчас это не трогало Алю. Все ее мысли были где-то под зеленым солнцем. Иногда девушка спохватывалась и думала: «А вдруг я схожу с ума? А вдруг это стресс, или в чае у Андрея Евгеньевича было что-то слишком сильное?» Но тут же отметала эти мысли. Совсем рядом был способ все проверить и, может, даже решить. Способ, казавшийся глупым и шарлатанским современному человеку. Но ей, измученной бессонницей, нестерпимо хотелось все рассказать тому странному слепому мужчине, о котором с таким уважением отзывались местные.

Машина везла их к Шаману.

Пожалуйста, если вам понравилась книга, добавьте ее в библиотеку

Прибыли на место поздним вечером. Дом Шамана стоял на отшибе, чуть поодаль от всей деревни. Аля ожидала увидеть что угодно: лягушачьи лапки, пучки травы, землянку, увешанную шкурами, кострище и танцы с бубнами. Что угодно, только не уютную и чистую избу. Баня, современная кухня, дизель-генератор и даже спутниковая антенна. Пучки травы действительно висели по стенам бани и сарая. Ближе к крыше, чтобы сушились в тени, без солнца. Но больше ничего не соответствовало Алиным представлениям о магии и колдовстве.

Молодой мужчина, чуть старше Сергея, уверенной походкой шел к избе. Высокий, поджарый брюнет. Широкие плечи, правильные черты лица. Его можно было бы назвать красивым, если бы не что-то неправильное в его облике. Аля не сразу поняла, что он не смотрит на дорогу. Вообще никуда не смотрит. Его взгляд замер. Казалось, он смотрит внутрь себя, но не вокруг.

Проходя мимо Али, замер и сам мужчина. Неуверенно повернул голову, сделал еще один шаг и все же остановился.

— Вы ко мне?

«Да он же слеп! Ой, это же он!» — Алькины мысли нельзя было назвать логичными, но волна радости и возбуждения мешала и без того уставшему разуму. Она открыла рот, но не произнесла ни звука. Просто не знала, что сказать. Выручил Сергей, стоявший рядом:

— К вам. Вы же Шаман? — голос у Сергея был спокойным, будто они к терапевту на прием пришли.

— Так меня люди зовут, — ни приветливой улыбки, ни кивка головой. Ничего, что ожидаешь увидеть при знакомстве. Але было странно, а слепой мужчина позвал за собой. — Пойдемте в дом, вечереет. Холодно на улице разговаривать.

Только сейчас Аля обратила внимание, что волосы у Шамана мокрые. Купался, что ли?

Во дворе толпились люди. Человек семь, наверное. Кто-то сидел на лавке с напряженной спиной. Кто-то — уронив голову на руки. Некоторые меряли двор нервными шагами, другие стояли у калитки, нетерпеливо перебирая в руках ручку сумки или платок.

Наперерез входящим бросилась женщина в платке:

— Что? Что скажете?

Шаман отшатнулся, даже поморщился. Казалось, близость женщины была ему неприятна.

— Подождите немного. Я к вам выйду.

— Да как же ждать-то? — женщина семенила следом за Шаманом к дверям. — Как же ждать? Уже сил нет ждать!

— Десять минут ничего не решат, — спокойно и холодно ответил Шаман и придержал дверь для Али с Сергеем.

Они удивились, но проскользнули в дом, провожаемые гневным взглядом женщины и еще кое-кого со двора.

— Пройдите в кухню, я переоденусь.

Просторная светлая кухня встретила их свистом чайника. Полная женщина в переднике поверх ситцевого платья сутилась у плиты:

— Лис, я чайник вскипятила! — крикнула она вглубь дома, обернулась к вошедшим, — Здравствуйте, садитесь. Чаю? — Аля с Сергеем послушно сели за стол.

— Спасибо, мам Тань, — Шаман вышел откуда-то из комнаты, вытирая волосы полотенцем. Движения его были отточенные, уверенные. Только замершая маска лица и расфокусированный взгляд выдавали в нем слепца. — Давно не спишь? — Аля аж вздрогнула. Он не смотрел на нее, они ничего не обсуждали — вопрос прозвучал неожиданно.

— Я? Да... не то чтобы...

— Три ночи, — опять вмешался Сергей.

— Много. Вижу, что-то странное в тебе, а не пойму, что. Мам Тань, завари мяту с чабрецом.

Женщина полезла в шкаф: множество банок — стеклянные, железные; деревянные кадушки, полотняные мешочки. Аля так любила эти запахи, и баночки в ее шкафу были почти такие же. Она на секунду забылась и по-детски улыбнулась.

— Травы любишь? — опять не ожидала вопроса. — Да что ж ты так меня боишься? Как рассказывать-то будешь?

— Я... я не боюсь, я просто...

— На нервах вся. Вижу. Выпей чаю, успокойся. Я пока пойду той горемычной про сына расскажу. Мам Тань, а мне зверобой завари.

Шаман вышел, а Аля с Сергеем остались в обществе женщины и кружек с горячим чаем. Аля обнимала свою

будто замерзла. На кухне повисла неловкая пауза.

— А вы его Лисом зовете? Его тотемное животное, что ли? — непонятно почему спросила Аля.

— Чего? Какое животное? — женщина не поняла.

— Ну... тотемное, — смутилась Аля

— А... Не! Зовут его так. Маменька блаженная была, назвала Елисеем. В паспорте так и записан. Ну а дом: Лис! Как еще звать-то? — женщина поставила на стол еще две чашки и присела сама с краю.

— Маменька? — трое суток без сна начисто растворили Алину деликатность.

— Ну да. Я ему не мать, я вроде как мачеха. Вторая жена его отца, — женщина рассказывала о себе ничуть не смущаясь, хозяйничая за столом, перемешивая в чашках травы, прикрывая их сверху блюдами. Аля восхищалась, наблюдая за ней: такие простые и отточенные движения. Так легко и естественно у нее все получалось.

В комнату вернулся Шаман. Хмурый, губы поджаты, будто его мучила изжога или головная боль.

— Что, совсем плохая? — Татьяна участливо пододвинула ему чашку.

— Да не плохая, глупая. И слушать не хочет. Ей нужно, чтобы все стало как прежде. Но так же не бывает. Жизнь-то идет.

— Ну так то ее выбор.

— Её, но ей же плохо. И тем, кто рядом с ней, плохо. И не слушает, — Лис шумно отхлебнул отвара. — Ну что, успокоилась? Рассказывай. Ночь на дворе. Спать надо.

Он не повернул головы, не посмотрел в ее сторону. Аля не сразу поняла, что он обращается уже к ней.

— Ну что ты опять занервничала? Что тебе не так?

— Простите. Просто... непривычно как-то.

— Ты что, не знала, что я слепой? — он понял причину ее смущения.

— Знала, но...

— А, понял. Слепых в жизни не видела, — Шаман вроде даже облегченно вздохнул. — Ну да, мы странные. Нет социальной мимики, не смотрим в глаза и все такое, — Лис улыбался странной, но искренней улыбкой. Происходящее его явно забавляло. — Но я не кусаюсь. Честно.

— Несмотря на имя? — Аля сама не знала, что на нее нашло. Лисы же кусаются, вот и спросила. А шаман и голос захохотал.

— Ну вот, мое имя ты знаешь, а вас как звать?

— Аля и Сергей, — почему-то за двоих ответил Серега. Шаман улыбнулся, повернувшись на его голос.

— Аля, значит, — отвернулся от Сергея и как будто смотрел на девушку. — Ты мне нравишься! — он перестал смеяться. — Ты интересная. Ты мне зеленой видишься. Это редкость. Зеленых людей мало.

— Зеленой вижусь?

— Ну, вроде как аура. Хотя это не аура, конечно. Это что-то, что мне дано взамен глаз. Я вижу людей цветными. Тех, кто рядом. Когда боятся люди — красные; злые, возбужденные — оранжевые; болеют — серыми становятся, тусклыми... А ты — зеленая. Зеленый — цвет жизни, расцвета и обновления, возрождения. Мне нравится, — Шаман улыбнулся чему-то внутри себя. — Кстати, ты тоже с зеленой, — он чуть повернул голову в сторону Сергея, — Ты синий с зелеными искрами. Недаром вы вместе. Вам должно быть очень хорошо друг с другом.

Сергей взял Алю за руку и чуть сжал, Алька покраснела. Ответить на это было нечего, да и не нужен был ответ. Станный, всевидящий слепец снова улыбался детской улыбкой, он не ждал ответа.

— Ну, рассказывай. Чего не спишь? Там что-то странное, я не вижу ни болезни, ни потери. Но что-то страшное. На тебе аж марево красное поверх зелени. Рассказывай.

— Мне стали сниться сны, — Аля сделала большой глоток чая, — Сначала обычные. Просто красивые сны, я и не обращала внимания. Красивые, интересные, просыпалась легко. А потом я поняла, что они, как бы это сказать, продолжают.

— Я смотрел информацию по серийным снам, — встрял в разговор Сергей, — это может быть признаком стресса, депрессии, но ничего серьезного обычно не означают.

— Да, я обращалась к неврологам.

— Стоп, стоп, — Шаман прервал этот поток оправданий, — Зачем ты обращалась к неврологам? Пока я слышал только про приятные сны с продолжением.

— Да, — Аля потерла лоб, — Вначале так и было. Но потом появилась девушка.

— Девушка?

— Девушка. Она не совсем такая, как мы, но там все не такое. Там солнце зеленое, а вода рыжая. Как будто это другой мир!

— Другой мир? — Лис медленно поставил чашку на стол и повторил почти по слогам: — Другой мир?

— Да, у меня сложилось именно такое ощущение. Что это не наш мир, а какой-то параллельный. Потому что

когда мы стали с ней общаться...

— С кем?

— С девушкой. Красивая девушка, волосы ярко-рыжие, почти красные. А глаза такие... зеленые. Но у нас таких не бывает. Если только линзы...

— И вы с ней стали общаться? — Шаман пытался вернуться к сути рассказа.

— Да. Я, знаете, сначала думала, что кино смотрю. А потом она со мной заговорила. И я поняла, что я не смотрю, а сама в этом кино. И... там знаете как. Я во сне ногу ударила, а потом она наяву у меня болела.

— Так бывает. Ты же была абсолютно уверена, что ударилась. В реальности. А наш мозг обманываться рад.

— Нет, в том-то и дело, что я прекрасно понимала, что сплю.

— Так. И?

— И потом Тринити...

— Тринити?

— Ну, эта девушка, она сказала, что ее зовут Тринити, сказала, что она вроде как робот. Биологический робот. И она допустила ошибку. И теперь ее должны уничтожить.

— И?

— И с того самого дня, точнее ночи, я перестала видеть ее отдельно, а стала видеть как бы мир ее глазами. И...

— И перестала спать...

— Да... Так страшно, — Алька вся сжалась в комок. Сергей приобнял ее, а она продолжала: — Я никогда не испытывала такого первобытного, чистого, абсолютного ужаса. Понимаете, она там. Она еще жива. И она очень не хочет умирать.

— Ты это чувствуешь?

— Она это сказала. Она просит помощи.

Шаман откинулся на спинку стула и задумался.

— Ты не врешь. По крайней мере, ты сама абсолютно уверена в том, что рассказываешь. И болезни никакой у тебя я не вижу. Вижу страх и усталость. Но не болезнь. Но то, что ты рассказываешь...

— Да, я понимаю, это скорее к психиатру... — у Альки на глаза навернулись слезы, она попробовала встать. Сергей удержал ее:

— Подождите, про вас рассказывают, что вы умеете видеть другие миры, — ему было важно решить эту проблему. Он не собирался просто так уходить. — Может, вы могли бы поискать этот мир с зеленым солнцем? Ну вдруг? Если вы через астрал путешествуете, ведь верят же люди, все, что говорите, совпадает!

— Вы просите меня, — Лис сделал паузу, — Заглянуть в другие миры?

Двое молодых людей, сидящих перед ним, растерянно молчали. Алька, забыв обо всем, кивнула. Сергей, увидев ее жест, тоже кивнул:

— Да. Просим. Вы можете?

Лис шумно вдохнул и уперся руками в стол. В ушах зашумело. Напряженный гул переходил в тонкий звон. Вибрация и хлопок. Струна лопнула. Во рту пересохло, дыхание остановилось, перехватило горло. Шаман с трудом сглотнул. Как долго он ждал. Как же долго он их ждал.

Серое небо напитало собою рыхлую землю, и та, разбухнув от влаги, недовольно чавкала под ногами. Вчерашнее солнце, золотившее горы, зашло и не вышло. Этим утром над головами нависало плотное мерзкое марево, с легкостью проникавшее под куртку, под майку, в лёгкие. Але казалось, что если она сейчас сожмет кулак, то в ее руке обязательно хлопнет. Запахнувшись как можно плотнее, она шла за Лисом. Замыкал шествие Сергей.

Лис говорил, что обычно, если он нырял с лодки, его страховал отец. Но отец сейчас в городе, а дело срочное, значит, справится и Серега.

В срочности не сомневалась даже мама Таня. Накануне Алька, напоенная травяными чаями, задремала, как только ей постелили. Спала, наверное, минуты три. Сергей даже улечься еще не успел, как дом огласил Алькин вопль — по-другому не скажешь. Она подскочила на кушетке, обхватила руками голову и закричала, уставившись перед собой невидящими глазами. Сидела и кричала, а Сергей и прибежавшие на крик Лис с Татьяной тормозили ее, пытаясь разбудить. Проснулась. Кричать прекратила. Но все так же держалась за голову и плакала. Тихо поскуливая, как обиженный щенок, прятала лицо в ладонях.

Больше в эту ночь спать не пытались. Сергей укутал ее в оба пледа, только так получалось унять нервную дрожь. Лис сидел рядом, в ногах и слушал. Слушал все, что Аля могла рассказать о том неведомом красивом и ужасном мире.

Небо было светло-коричневым. Очень приятный цвет кофе с молоком. Чуть светлее у солнца. А само солнце — зеленое. Вот такое совершенно дурацкое сочетание. Зеленое солнце, коричневое небо. А если там облака, то они почти черные.

Воду Алька помнила лучше всего. Рыжая, как ржавчина. Сочная такая ржавчина. Легко с кровью перепутать, но всматриваешься и понимаешь — не алая, а рыжая. Как волосы Тринити. Алька много во снах плавала. Хорошо помнила воду. В воде ей было совсем не страшно, те сны она любила.

Самым неприятным в тех снах были р'гханны. Розовые пушистики. Аля показывала мембрану пальцами, как когда-то ей показывала Тринити. Ненасытные твари, охотятся стаей, как пираньи. В считанные секунды уничтожают все живое. Идеальные хищники. Единственное слабое место — могут передвигаться только по деревьям. Поэтому увидел р'гханна — беги к скалам. Именно так они и спаслись. Тогда она ушибла коленку, а Тринити призналась, что она неисправный бионикл и подлежит уничтожению. Аля сравнила ее с чудовищем Франкенштейна — искусственным человеком, которого все считали монстром. Почему-то Тринити очень понравилась эта история, она сказала, что это похоже на ее жизнь. В том сне она была очень грустной, но еще живой. Еще свободной. Во всех следующих снах Аля видела только капсулу. И чувствовала страх. Страх, ужас, боль, отчаяние и дикое нежелание умирать.

— Аля, ты понимаешь, что даже если я найду ее мир, то как я найду ее? Она, похоже, где-то заперта, что за капсулу ты видишь?

— Я не знаю, — Аля рыдала. — Я не знаю. Но если ты находишь людей тут, то почему не найти там?

— Тут, чтобы найти, я прошу какой-то след человека. Его вещь. А как искать там?

Аля перестала реветь и выпрямилась, сидя на кровати. Она придумывала, как поступить. Как Шаману искать Тринити, если нет никакой вещи?

— Ищи меня.

— Что?

— Там, в чужом мире, ищи меня, — Аля с фанатичной решимостью смотрела на Шамана, — Сама Тринити так говорила. Если бы она жила тут, то она была бы мною. В этом секрет. Поэтому я ее вижу, — Аля почти кричала. — Ищи меня. Только в другом мире.

Шаман отшатнулся. В его жизни было много места для размышлений. Мироздание, бывало, подкидывало ему слишком сложные загадки, и не на все вопросы своих просителей он знал ответы. Но такое. Разобраться в чужом мире? Найти отражение этой измученной девушки? И спасти? Как? Он чувствовал, что она не лжет. Он знал, что она не сумасшедшая, но то, что она предлагала ему... Лис мечтал увидеть другие миры больше всего на свете. Но сейчас, когда в его руках был ключ, ему стало страшно. Шаман медлил. Сомневался. Как он туда попадет? И как вернется? Вдруг кто-то взял его за руку. Теплая, зеленая, сама жизнь. Лис вздрогнул, таким абсурдным ему казалось, что вот эта невероятная сущность, точнее, ее отражение, приговорено к смерти. Хотел убрать руку, но остановился. Остановился и схватил Алю крепче.

— Держи меня. Держи меня, я хочу запомнить тебя получше, — и почти шепотом: — Раз уж мне тебя искать.

Голубовласый профессор с грустными глазами сидел перед медицинской кушеткой. Кажется, на его лице стало еще больше морщин. Красные глаза его слезились, то ли от горя, то ли от множества бессонных ночей. Он держал за руку своего любимого бионика, только что извлеченного из капсулы.

Тринити была бледна. Ее фарфоровая кожа казалась до синевы белой. Ярко-рыжие волосы потускнели и спутанными нитями раскинулись по лицу. Вокруг зеленых глаз залегли тени. Бионикл смотрела в одну точку, ее тонкие пальцы, покоившиеся в широкой руке профессора, слегка подрагивали.

— Сегодня?

— Что? — профессор не ожидал услышать ее.

— Меня утилизируют сегодня? — вопрос был задан без эмоций, но голос предательски дрожал.

— А. Нет. Нет, дорогая. Не сегодня. Просто, — он говорил, как говорят с тяжелобольным ребенком, — Держать тебя в капсуле бессмысленно.

— Почему? Что вы пытались сделать?

Голубовласый старик слегка опешил. Такого вопроса он не ожидал. Даже от той, чье право на личность отстаивал. Разве ей полагается думать о том, что с ней пытались сделать? Все же эти процессы слишком далеко зашли. А он уже слишком стар. Ей осталось жить чуть больше одного светового дня. Пусть знает.

— Мы пытались снять информацию, скопировать твои базы данных.

— И почему не вышло? Это же стандартная процедура.

— Вероятно, — профессор поморщился, как от зубной боли, — Часть информации хранится в неконтролируемых участках мозга. То есть, не в фиксированных хранилищах, а... Твой мозг развивался и сам распределял потоки информации. Это если объяснять коротко и просто. Большая часть из того, что удалось скопировать, это просто обрывки данных, как рассыпанная мозаика, с кучей недостающих фрагментов.

— Жаль, — Тринити отвернулась. — Мне бы хотелось хоть что-то после себя оставить.

Профессор втянул голову еще глубже в плечи, стиснул зубы, зажмурился.

— Профессор, — старик вздрогнул, когда Тринити ласково накрыла его руку ладонью, — Профессор, а у меня есть еще хоть один день?

— Д-да, — ему было все сложнее говорить, слезы перехватывали горло, и горестные стоны рвались наружу. — Да, Тринити. Есть. Даже больше.

— Профессор, — она приподнялась на локте и ее глаза снова заблестели, — Я хочу увидеть море.

Лис и Сергей сидели в лодке. Аля осталась на берегу.

— Я провожу под водой минуты две-три, — инструктировал Серегу Шаман, — потом выныриваю, но не всегда сразу возвращаюсь в эту реальность. Не всегда понимаю, что я уже в воде. Подхвати меня, вытащи в лодку.

— Две-три минуты? Что ты успеваешь найти за это время?

— Там время течет по-другому. Иногда мне кажется, что прошло полдня. Иногда даже больше. Обычно все получается.

— Обычно?

— Бывало пару раз, когда я не успевал. Искал, мне казалось, что вот-вот найду, но... Тогда отец вытаскивал меня, — на корме лодки был привязан страховочный трос с карабином. — Ты тоже смотри за временем. Если я не выныриваю, то на пятой минуте тащи. В чужой мир я пойду впервые.

— Тебе не страшно?

Шаман помолчал.

— Сейчас мне страшно, что не справлюсь, — повисла тяжелая пауза, потом Лис улыбнулся абсолютно естественной детской улыбкой. — Ну, и кроме того, я люблю нырять, ведь там я зрячий!

Сергей не успел ничего ответить, Лис защелкнул карабин на поясе и со словами: «Пойду, посмотрю, что там», — откинулся за борт.

Только всплеск воды и шуршанье троса. Сергей достал телефон и включил секундомер. Пять минут. Пять нечеловечески долгих минут.

Всплеск, усиленное водой шуршанье троса, эхо собственного сердцебиения — последние звуки этого мира. Дальше плотная вата заложила уши. Грудная клетка дернулась, инстинктивно пытаюсь вздохнуть, глаза закрылись. Шаман выдыхал и падал, раскинув руки в стороны. Это могло бы выглядеть, как полет, но сопротивление воды делало его похожим не на птицу, а, скорее, на эмбрион. Тело двигалось все медленнее, почти обретая невесомость. И вот в какой-то момент остановилось. Лис шевельнул руками, выпрямил ноги и вдруг резко выгнулся. Грудь вперед, голова закинута, руки напряжены и разведены. Сейчас ни у кого не возникло бы сомнений — он летит.

Где-то наверху Сергей, нервничая, смотрел то на дисплей телефона, то на не до конца размотанный трос. Прошло всего пятнадцать секунд. Пятнадцать секунд, а Сергею уже хотелось выдернуть обратно этого странного ныряльщика. Он выдохнул, отвел взгляд от телефона, обернулся на Алю. Она топталась на берегу, подходя к самой кромке воды. Помахал ей рукой. Махнул, чтобы отошла, ноги же намочит. Не поняла, все равно стоит почти в воде. Вытянулась, прислушивается. Еще раз махнул, дескать, не важно. Запахнул плотнее куртку, снова глянул на телефон. Прошло тридцать секунд.

Лис знал, что если он перестал чувствовать холод на лице, то значит, уже в Межмирье, можно открывать глаза. Сколько раз он видел это, но так и не смог привыкнуть. Как летчик, вручную сажающий самолет, как хирург, делающий первый надрез на сердце, как мать, впервые взявшая на руки своего ребенка. Страх и восторг переполняли его. Пути Межмирья сплетались в сети, расплывались молниями по ночному небу, кровью по белой рубахе, хвостами комет, лучами звезд опутывали, ловили, заманивали и не давались в руки. Там, где пути пересекались, загоралась звезда, рождался мир. А может, наоборот, именно миры тянулись друг к другу нитями? Ему всегда был открыт лишь один путь — в собственную Вселенную. Другие ускользали от него, дразнясь и растворяясь. Но сейчас, сейчас у них ничего не выйдет.

По привычке Шаман подлетел к собственному миру. Кивнул стражам, чуть спустился, посмотрел на серое небо, серое озеро. Крошечная лодка на глади воды. Это же они, Серега в лодке, а Лис под водой. Усмехнулся. Никогда еще Мирозданье не показывало ему себя со стороны. Справедливости ради, сейчас себя он тоже не видел. Отвернулся, взмыл чуть вверх. Никогда он не поднимался так высоко. Не мог. Оглянулся. Звезда его мира казалась ему самой красивой и теплой. Нежной, родной. «Тебя я всегда найду», — подумал, обращаясь к ней, и неуверенно протянул руку.

Если его догадки верны, то это будет один из миров, связанный с домом. Близкий. Иначе Аля вряд ли так легко уходила бы в него в снах. Попробовал взяться за ближайший луч. Ничего не вышло. Рука прошла сквозь световой столб, ни за что не зацепившись. Ну что ж, никто и не говорил, что будет легко. Отлетел еще немного назад. Семь лучей, семь путей. Это много. У иных звезд, что он мог разглядеть, было всего по три луча. А тут семь. Ну что ж, придется проверить их все. Лис вплыл в сноп света и, повернувшись спиной к дому, поплыл вдаль.

Сергей, вытянув шею, смотрел за борт. Туда, куда уходил конец страховочного троса. Смотрел то на воду, то на телефон. Четвертая минута подходила к концу. На воду — на телефон, на воду — на телефон. Не выдержал, встал на ноги, лодка предательски качнулась. Тут же присел, убрал гаджет, взялся за трос. Потянул, сначала неуверенно, потом все быстрее. Трос шел легко, не встречая сопротивления. Быстро, очень быстро у ног Сергея свернулась целая бухта. Вот уже видно силуэт Лиса. Серега не выдержал, рванул быстрее, нагнулся в воду, подхватил Шамана под мышки, вытянул. На Сергея смотрели чистые белки шаманских глаз. Елисей не дышал.

Что делать? Что же делать? Вспоминая какие-то старые инструкции, Сергей надавил ему на грудь. Бесполезно, легкие и так были пусты.

— Черт, да приди же ты в себя! — Серега хлестнул Шамана по щеке. — Ну давай же, дыши!

Сергей наклонился к телу Шамана и ртом попробовал вдуть в него воздух. Ничего не вышло, зубы у Лиса были стиснуты, как у мертвеца.

— Да что же ты! — Сергей встряхнул Шамана за плечи. — Ну давай!

Забыв все приличия, залез пальцами Елисею в рот, и с усилием разжал челюсти. Получилось, тут же зажал ему нос и выдохнул в рот столько воздуха, сколько смог. Елисей дернулся и закашлялся.

Серега сидел на коленях на дне лодки. Весь мокрый, частично от воды озера, частично от пота. Его трясло мелкой дрожью. Лис кашлял, лежа на боку.

— Черт, голова кружится. Ты меня вытаскивал? Да?

— Ты не дышал, чувак.

Шаман поднес руку ко рту. На губе блестели капельки крови. Он слизнул их, тронул губу пальцами.

— Прости, это я поцарапал, — Сергей смутился: не каждый день лезешь в рот к чужому мужику. — У тебя зубы были стиснуты.

— То есть, ты меня достал, а я не дышал? — Лис сел в лодке. Его глаза широко раскрылись, голос дрожал. Ему явно было страшно.

— Да. Я это... встряхнул тебя, по щекам того... отхлестал... А ты не дышал.

Шаман потирал расцарапанную губу:

— Спасибо, Сергей. Я знал, что на тебя можно положиться. Ты из тех, с кем смело можно идти в разведку. — Елисей опустил руку и отвернулся к воде. — Ну что ж. Первая разведка не дала результата.

— Вот только не говори, что ты снова нырнешь!

— Нырну, конечно! Знал бы ты, где я был!

— Давай на берегу расскажешь, — Сергей взялся за весла.

— Нет, подожди, — Лис перехватил его руку. — Подожди. Дай нырнуть еще раз.

— Да ты что?!

— Постой, я понимаю тебя, но... Я боюсь, что снова не найду нужный путь. Пожалуйста. Я... Сергей, давай ты меня достанешь не на пятой, а на третьей минуте, только дай я спущусь еще раз. Сейчас.

Сергей молчал. Его трясло. Больше всего на свете он хотел сейчас вернуться на берег. А желательно вообще в Темиртау. А можно и сразу в Москву. Только бы никого больше не доставать из воды бездыханным. Но Шаман держал его за руку. Держал и просил отпустить вниз. А на берегу ждала Аля. И ей нужен был ответ. Серега опустил веки, накрыл лицо ладонью. Глубоко вдохнул.

— Ладно. Только через три минуты вытащу!

— Хорошо, — Шаман поспешно кивнул, — я управлюсь. Три минуты.

— Давай, у меня будет целых четыре минуты на реанимацию.

Шаман скривился, что, вероятно, должно было означать улыбку, еще раз кивнул и откинулся спиной назад. В озеро. И опять короткий всплеск и тихое шуршание троса. Только теперь Серега не отрываясь смотрел на воду.

Лис плыл в теплом световом потоке. Этот был последний. Он не мог их различить внешне. Только нырнув внутрь, только проплыв в луче, он мог бы сказать, бывал он тут или нет. Каждый из семи отличался ощущением.

Музыкант сказал бы, что у каждого из них своя нота. Художник выделили бы в каждом свой особенный оттенок света. Лис в каждом луче испытывал свое особенное ощущение. Как под разными одеялами — это прохладное, это колется, это мягкое, а это соскальзывает... Шесть лучей он уже опробовал. Шесть путей из семи. Шесть путей в никуда. Он подплывал к другой звезде, но не мог прорваться в сам мир. Яркое сияние, ореол, блеск, то, что окружает мир, ослепляло его, не давая заглянуть за завесу. Ослепляло слепца. Вот ирония. Лис тер глаза, возвращался к своему миру и начинал путь заново. Он очень боялся забыть ощущение. Очень боялся, что лучи изменятся, и ему придется проверять каждый заново, он хотел проверить все за один раз.

К седьмому лучу он уже не верил в успех. Он думал, что эти сны могли быть просто плодом воспаленного Алиного разума, что даже если это не так, то его теория о связке миров могла быть в корне ошибочной, и рыжая девушка обитает не в одной связке с нашим миром, а в каком-нибудь из зеркальных. Вот сколько звезд. Совсем рядом. И не связаны. Он думал, что никогда не сможет нырнуть в чужой мир, ведь не пускало его Мироздание раньше, с чего бы пустило теперь. Но, с другой стороны, он никогда не мог взлететь так высоко. Раньше он не мог оторваться от своего мира, а сейчас плывет по сети. Шесть лучей. Шесть тяжелых дорог. Шесть преодоленных сомнений. Остался седьмой путь.

Лис осторожно протянул руку. Внутри было тепло и мягко. Почти нежно. Лису это ощущение показалось знакомым. Руки матери, ее грудь с молоком, дающая жизнь и покой. Нет, что-то еще более раннее. Что-то, что все испытывают единожды, а после всю жизнь ищут, но никогда более не находят. Что-то важное, что-то ценное, что-то безумно приятное.

Лис пытался запомнить этот луч каждой клеточкой тела. Растопыривал пальцы, будто мог погладить свет изнутри, крутил головой, даже пытался вдохнуть.

Шаману в какой-то момент даже расхотелось, чтобы этот путь заканчивался, настолько хорошо было внутри, но звезда неумолимо приближалась. Лис прикрыл глаза рукой, ожидая уже привычной световой завесы, но лучи вдруг рассеялись и свет сменился рыжевато-красным сиянием. Лис повел рукой: вода. Абсолютно точно вода. А свет идет сверху. Оттолкнулся, всплыл. Над головой ярко светило зеленое солнце, лениво ползущее по кофейному небу.

* * *

Глубоко вдохнул и нырнул обратно. Выход там же, где и вход. Уходил все глубже, толща воды сжимала тело, легкие горели. Выпустил весь воздух. Упрямо нырял глубже. Закружилась голова, перед глазами рассыпались искры, в ушах зазвенело — нудный звон перетянутой струны. Дзынь! И тишина. Все пропало. Легкие уже не горели, а сноп искр перед глазами сложился во вполне отчетливый световой путь. Лис оглянулся. Светло-коричневое небо, зеленое солнце. Я запомню тебя, странный мир. Улыбнулся сам себе и со всех сил рванул к теплой и нежной звезде, которую узнал бы из тысячи.

Пришел в себя еще в воде. Возвращение в сознание немного болезненное. Всегда думал, что это напоминает рождение, а после пережитого сейчас только укрепился в этой мысли. Смерть и возрождение, вот что представляют собой его путешествия. Стало жутко, но времени на философские мысли не было. Чувствовал, что закончился воздух. Надо выныривать. Из последних сил двигал ногами, греб кверху руками. Уже почти перестал чувствовать давление воды, когда понял, что его тащат. Серезка не выдержал.

Лис поднялся над водой и вцепился руками в борт лодки:

— Я здесь, я вернулся, вот, я дышу, видишь? Перестань тянуть. Сейчас. Дай отдышаться, — Шаман уткнулся лбом в обитый железом край и шумно дышал. Сергей слушал: вдох-выдох, вдох-выдох. Уже менее шумные, менее сбивчивые. Шаман здесь, Шаман дышит.

Лис, перебирая руками, дополз до носа лодки и запрыгнул внутрь.

— Все? Можно грести к берегу? — Сергею не терпелось ступить на землю.

— Можем, да, — Шаман шмыгнул носом, помолчал и заговорщицким тоном произнес: — Серег, а я нашел его.

— Кого? — Сергей пытался управиться с веслами и не очень-то вслушивался.

— Мир с коричневым небом и зеленым солнцем. И ржавой водой. Я там был.

Весло стукнуло по уключине, раздался всплеск.

— Эй, — шутливо возмутился Шаман. — Ты вёсла-то не теряй! Я замерз уже, опять нырять.

Лодка неловко качнулась: Серега дернулся в сторону, подхватил весло.

— Нашел?

— Нашел.

— И что? Это все правда?

— А ты не очень-то верил, — может, социальная мимика у Шамана и отсутствовала, но усмехаться голосом он умел.

— Я? Нет, я верил, — Сергей никак не мог прийти в себя, — но не думал... Я думал, ты ей расскажешь что-то она успокоится. Чаем травяным напоишь.

— Чаю горячего я и сам сейчас бы выпил. Гребни давай. Или тебе помочь?

— Не, я уже! — лодка двинулась к берегу. — А что дальше?

— А дальше отогреться и отдышаться. И нырять. Наверное, снова сегодня.

* * *

Тринити еле-еле держалась на ногах. Она не могла понять причину своего недомогания: раньше все необходимое она получала в бионических капсулах превентивно, потому не знала ни чувства усталости, ни голода. В этот раз подпитку ей не включили. Зачем восстанавливать работу бионикла, приговоренного к расщеплению?

Профессор, пытавшийся ее поддерживать, подумал, что ее надо бы хотя бы накормить, но времени нет, совсем нет.

— На вот, съешь, — он нашел в кармане одну из сладких пластинок, что были припрятаны у него повсюду — профессор считал, что сладкое помогает думать, а так как думал он много, то и сладостей ему нужно было тоже много.

— Что это? Это еда? — Тринити никогда не ела ничего, кроме серой безвкусной каши. То, что предлагал ей профессор, выглядело странным и почему-то неуместным.

— Еда, конечно. Ты слаба — тебя в капсуле полоскали трое суток. Что ты на меня так смотришь? — профессор поймал недоуменный взгляд бионикла. — У тебя есть зубы, жуешь и глотаешь. Давай! А то упадешь на полпути. Я тебя до моря не донесу, стар я уже.

Аргумент сработал, Тринити на ходу развернула пластинку и отправила в рот. Странные ощущения заставили ее остановиться. Она схватилась рукой за стену и перевела испуганный взгляд на профессора. Тот все понял без вопроса:

— Это называется «сладко». Это вкус. Как запахи. У тебя же есть в базе спектр вкусов. Когда у детей проблемы с печенью, они тебе говорят: «Все горькое», — а когда ты их уговариваешь выпить лекарство, говоришь: «Оно сладкое». Это вкусы. Сейчас тебе сладко.

Тринити на миг даже забыла о том, какая участь ей уготована. Удивление сменилось возмущением. Какой же огромный пласт ощущений был от нее скрыт! Как они могли? Распираемая этим чувством, она даже оторвала руку от стены и выпрямила спину. Профессор истолковал это по-своему.

— О, видишь, тебе сразу лучше. Пойдем. Времени мало, — он подхватил бионикла под руку и потянул вглубь коридора.

Раса борхов, к которой принадлежал профессор, отличалась удивительным долголетием. Другие виды, населяющие этот мир, могли сменить два поколения, а борхи все жили и здравствовали. Только морщин становилось больше, да волосы светлели. Считалось, что чем светлее оттенок, тем меньше борху осталось жить. К старости многие из них уходили из социума и становились отшельниками. Их прибежищем было искусство, религия, наука.

Профессор к тому моменту, когда его кобальтовые волосы выцвели до голубого, занимал почетную должность в институте имени себя. Собственно говоря, этот институт был так назван его, потому что профессор его и основал. Два поколения фиолетовых отер или почти три поколения внешне бесполох вирфов назад.

Однако ни то, что это был его собственный институт, ни то, что он тут жил безвыездно уже много лет, ни то, что он был самым уважаемым и признанным специалистом по бионикам, не избавило его от контроля на пункте охраны. Дрожащей рукой борх протянул идентификационную карту на выходе.

— Профессор, — охранник выглядел спокойным, — у вас пропуск только на одно лицо.

— Вы что, не видите? Это бионикл! — всем своим видом профессор постарался показать, что бионикл это нечто незначительное, ну разве что чуть важнее стула, на котором охранник сидит. Охранник поднялся.

— Я видел распоряжение по этому биониклу. Ей не предписано покидать институт.

— Конечно, не предписано, — профессор, кажется, даже не разыгрывал возмущение, — как ей может быть предписано, если ее завтра расщепляют, — Тринити вздрогнула, но продолжила безучастно смотреть прямо, — А мне нужно достать из ее головы эти чертовы мотивы к посмертной реанимации!

Охранник слышал что-то о том, что разум одного из биониклов трое суток крутили и так и эдак, а данных снять не смогли. Об этом тихо шептались на пересменке и ночью, когда особенно тяжело не спать. Но охранник обязан был соблюдать инструкции.

— Тогда вы тем более не должны ее выводить, профессор.

— Послушайте, мой дорогой, — старик приосанился и попробовал придать себе солидный вид, — я долго занимаюсь биониклами. Очень долго. Мне казалось, я знаю все. Но тут возникает проблема, которую я не могу решить! Я должен, — профессор перешел на крик, от напускной солидности не осталось и следа, — понимаете, я должен знать, что творится в ее проклятой рыжей голове! — старик глубоко вздохнул, поправил растрепанные голубые волосы. — Строго говоря, я не вывожу ее из института. Мне нужна лаборатория в филиале «Дот». Там стоит оборудование, которое давно не используют. Это, знаете ли, — он усмехнулся, — считается негуманным. Но ей, — взмах в сторону Тринити, — ей уже все равно. А мне надо знать!

Охранник повел плечами и что-то искал взглядом. Наверное, хотел найти какую-нибудь инструкцию на этот случай. Профессор понял, что его взяла и снова напористо обратился к охраннику:

— Если хотите, можете меня сопровождать! Я даже, наверное, буду рад. Она, — пренебрежительный взмах рукой, — Постоянно падает.

На это случай у охранника точно была инструкция:

— Извините, нам запрещено покидать пост, — ввел подтверждение выхода на дисплее. — Постарайтесь вернуться в мою смену.

Профессор что-то фыркнул и потащил Тринити к выходу. Ему удавалось гордо задирать подбородок и старчески шаркать ногами одновременно.

— Профессор, — Тринити окликнула его шепотом, — филиал «Дот» это тот, что на побережье?

— Тот, моя дорогая, тот, — старик некрепко сжал ее руку, а Тринити изо всех сил пыталась сдержать улыбку.

Карабин привычно шелкнул на обвязке. Шаман глубоко вздохнул, замедляя выдох. Еще раз. Сосчитал до десяти. Вода в его руках уже давно ощущалась как клубок нитей. Пальцы зудели от необходимости выбрать одну из них, ту самую, нужную.

— Ну все, я пошел, — у него на руке красовались фенечки, когда-то украшавшие фарфоровую балерину.

Аля предлагала взять платок, заколку, что-то другое. Браслеты-то она почти не носила, да и сделала их другая женщина, но Лис четко видел на них Алин след: «Твои они, Аля, зеленые все, аж до изумрудности. Не знаю, кто их сделал, но думал он о тебе. Твоя энергия».

Алька помолчала, а потом выбрала свои самые любимые. Пять штук: «Вдруг потеряешь, а так наверняка...» Тот, что подарил Серега, тоже сняла. Решила, что его-то она носила дольше всех.

О том, что Шаману предстоит физически выйти в другой мир, почему-то старались не говорить. Всем было страшно. Але и Татьяне до конца в это не верилось. Сергей верил. Не смог бы объяснить почему, но верил.

Шаман почти ничего не говорил, сидел с закрытыми глазами, обнимая горячую чашку. Губы его слегка шевелились, будто он просчитывал что-то. Вопросы домашних слышал не с первого раза и отвечал коротко.

Серега то и дело выходил во двор — посмотреть на небо. Он так надеялся, что серость к обеду немного рассеется. Ему казалось, что так будет легче. Но облака никуда и не думали деваться, даже наоборот, спустились с гор еще ближе к озеру и стали почти свинцовыми. Собирался дождь.

Позавтракать Сергей не смог. Глоток чая комом вставал в горле, о еде и говорить было нечего. Он то и дело спрашивал Татьяну, когда должен вернуться Петр, зачем-то смотрел на часы, набирал и тут же стирал какие-то сообщения. В конце концов, Лис не выдержал:

— Совсем на месте сидеть не можешь? Ну, тогда пошли.

— Нет, я могу, вот, — Серега плюхнулся на стул, — сижу.

Но Лис уже встал и направился к выходу:

— Сам себя не обманывай. Пошли.

Уже в лодке Шаман уточнил контрольное время:

— Пять минут, ты помнишь? Не тащи меня раньше, хорошо? — Серега кивнул, хотел что-то еще спросить, но Лис отвернулся и приготовился нырять.

«Ему уже не до меня, — вдруг понял Сергей, — он уже там». Проглотил свой вопрос и, услышав заветное «Я пошел», лишь коротко кивнул, забыв, что Шаман его не видит. На берегу стояла Аля, в этот раз вместе с Татьяной. Женщины, обнявшись, смотрели вслед лодке.

* * *

Вода привычно сжимала и обволакивала. Звон в ушах перешел в писк и разорвался звонким хлопком, оставив после себя вспышку. Похожая на звезду, она разрослась и рассыпалась на тысячи себе подобных. Звезды качнулись и вернулись назад, связанные еле видимой сетью. Вот оно. Все стало на свои места. Миры и пути между ними. Здравствуй, Межмирье.

Шаман ласково посмотрел на свою звезду, улыбнулся ей и нашел нужный путь. Волна приятных ощущений захлестнула Лиса, но в этот раз он не пытался их удержать. Стремился вперед изо всех сил! Времени мало, нужно было спешить.

Мир открылся ему как всегда неожиданно. Только что Лис видел привычную световую завесу и вдруг, в одно мгновение он уже видит небо цвета кофе с молоком сквозь призму рыжей воды.

Еще у себя на кухне, сидя с Алей и Татьяной за столом, Лис думал о том, как найти эту рыжую девушку — алиного двойника. Самым логичным ему казалось поступить так же, как и в случае с родным миром — найти след. Он сжал в руке разноцветные браслеты и попробовал чуть-чуть взмыть над миром.

Надо же! Получилось! Шаман разглядывал поверхность этого мира сквозь пелену яркого света, который слепил его в Межмирье. Закрыв глаза и настроился на ауры: что это за мир? Совсем нет зеленых! Синие точки, оранжевые, коричневые, красные... А зеленых нет. В родном мире Шамана тоже было мало зеленых. Тех, кто нес в себе жизнь в самом высоком ее проявлении. Зелеными были талантливые врачи, целители, некоторые матери. У

таких обычно бывало много детей, своих и чужих. Встречались такие нечасто, но они были. А в этом мире чисто зеленых он не видел совсем.

Лис не спеша поплыл над миром. Он держал Алины браслеты в кулаке, как маяк. Или как магнит. Ему хотелось бы, чтобы это было так. Адреналин заставлял кровь стучать в висках и требовал движения. Созерцание тяжело давалось Шаману.

Он отплыл уже достаточно далеко от того озера, когда что-то поманило его назад. «Серега, что ли, тянет?» — промелькнула мысль. Но нет. Браслеты заработали именно так, как ему того хотелось. Кусочек зеленой энергии в его руке пульсировал и рвался куда-то назад и вниз.

«Ну что ж, не проверю — не узнаю!» — и Лис стал спускаться из Межмирья к земле.

У него было стойкое ощущение, что он вынырнул: воздух точно так же, обжигая, врывается в легкие, ветер обдувал лицо, даже волосы казались мокрыми. Лис поднял руку и проверил — и правда мокрые, но воды нигде не видно. Он стоял на каменном плато со скудной растительностью. У него за спиной покачивались на ветру фиолетовые и серебристые деревья, а перед ним раскинулась какая-то, похоже, искусственная постройка. Лис посмотрел на браслеты. Они молчали. Но раз он тут, скорее всего, ему туда. Шаман оглянулся на лес и вспомнил про кошмарных пушистых милашек из Алиных снов. Нет, лес он точно проверит потом. Сейчас туда. К людям. Лис оглянулся, и, натянув браслеты на запястье, зашагал к зданиям.

Тринити шла босиком по скальному плато. Ветер перебирал ее волосы, обдувал тонкое тело. Профессор хотел было сказать ей: «Вернись, простудишься!» — но вовремя передумал и молча накинул ей на плечи свою тогу. Тринити этого не заметила, как не замечала и холода. Как замороженная она смотрела на перекатывающиеся волны океана.

Столько раз она слышала их шум. Столько раз видела их во сне. И вот они перед ней. Зарождаются вдали, медленно, не спеша набирая силу, стремятся к земле, поднимая свои пенистые гребни как можно выше, чтобы потом, накатившись на берег, раскинуть их по скалам.

Это равномерное движение, напоминающее биение сердца, одновременно успокаивало и заворачивало. Тринити думала о том, что если бы она могла выбирать, где жить, то обязательно жила бы у воды.

Профессор тронул ее за плечо:

— Пойдем в корпус, Тринити, — старик озяб. Без тоги на ветру ему приходилось несладко. — Там большое окно. Хорошо все видно.

Тринити повернула к нему голову, не отрывая взгляда от воды:

— Вы идите, профессор. А я постою. Мне ведь отсюда никуда не деться, да? — она наконец-то посмотрела ему в глаза. — Вы будете меня хорошо видеть. Я буду здесь. Просто посмотрю, послушаю.

Она отошла от профессора и присела на обломок скалы. Подобрала под себя ноги, укуталась в тогу и замерла, глядя на океан. Голубовласый старик постоял еще пару секунд, потом вздохнул и медленно пошел к стенам лаборатории. Тринити права. Ей некуда деваться с плато. Впереди обрыв, с одного бока скала, с другого — непроходимый лес, кишачий р'гханнами. Он будет наблюдать за ней из лаборатории. Пусть девочка слушает море.

* * *

Лис аккуратно двигался вверх, к зданию. Забавно, но зрение, обретенное в этом мире, мешало ему: он то и дело смотрел вниз и каменел от страха. Его ноги и пальцы отлично помнили, как подниматься по склонам — подростком он часто уходил в горы один. Выступ, расщелина, прижаться к телу горы. Но эти камни были чужими. Очень хотелось идти по ровной насыпи. Лис даже прикинул, на что ориентироваться, если все же войти в лес. Блестящий пик по левую руку, кряжистое дерево прямо по курсу. Посидел, подумал и не пошёл. Все же это чужой мир. Что он встретит в лесу и как себя с этим вести, он не знал. Пытался посмотреть на деревья Шаманским зрением — все было сплошь красным и оранжевым. Правильно, всем живым движет желание выжить. А для этого в дикой природе нельзя быть добрым. Конечно, совсем не обязательно это крупные хищники: паук, растворяющий муху своим желудочным соком, тоже будет видаться оранжевым пятном. Но одно ясно — лес полон живности и соваться туда небезопасно. Кроме того, Лис по-прежнему был одет в гидрокостюм, даже карабин на поясе болтался, поэтому на темных камнях его почти не было видно.

Основным препятствием он считал скалистый выступ прямо перед зданием. Без специальных навыков забраться на него будет трудно. Шаман как раз присел у выступа, чтобы прикинуть путь по выступу со стороны моря, как на плато вышли двое. Старик и рыжеволосая женщина.

В груди Лиса что-то завязалось узлом, а потом попробовало выпрыгнуть на свободу. Не зря энергия с браслетов привела его сюда! Лис замер и закрыл глаза. Точно она! Зеленая, как и Алька. Только очень мутная, тусклая — силы кончились. Красное марево еще есть, но почти рассеялось — боялась, но уже не боится.

Лис подполз поближе и пригляделся: женщина, скорее девушка, выглядела очень уставшей, даже измученной. Кожа бледна, волосы в беспорядке, только ярко-зеленые глаза страстно горят. Она смотрела на море, а старик стоял рядом. Лис видел, как он укрыл ее своей одеждой, что-то сказал и ушел. Девушка осталась одна.

Она свободна, ее заботливо укутали... По-прежнему ли ей грозит опасность? Может, все позади и его присутствие здесь уже не нужно?

Он наблюдал за незнакомкой из-за камня. Белая, почти прозрачная кожа, ямочка у основания шеи, острая линия ключиц. Волосы, растрепанные ветром, небрежно откинута назад, а в глазах слезы. Это ветер? Слезы облегчения? Нет... Лис снова закрыл глаза и потянулся к ней своим зрением. Она прощается! Прощается с этим миром. Нет, опасность не миновала. Ей нужна помощь. Она в беде, и, хоть и смирилась, не хочет умирать.

Девушка встала, смахнула рукой слезы и, кажется, собралась идти в здание. Лис схватил первый попавшийся

камень и бросил ей под ноги. Незнакомка вздрогнула от неожиданности и обернулась. Камень явно прилетел со стороны леса. Подошла к краю плато. Там никого не было. Тринити огляделась, пожалала плечами и развернулась, чтобы идти в здание института.

* * *

Лис глубоко вздохнул, набираясь смелости заговорить с рыжей девушкой, но в его легкие вместо прохладного воздуха попала вода. Перехватило горло, желудок скрутило рвотным позывом, Шаман оглянулся, пытаюсь понять, что происходит, но его глаза снова перестали видеть. Только на поясе ощутимо дергался карабин.

Черт! Серега вытягивает его. Уже почти не чувствовалось давления воды. Лис сделал несколько гребков наверх и оказался у лодки даже раньше, чем Сергей ожидал.

— Ты что сделал? — Шаман оскалил зубы и смотрел на Сергея своими слепыми, но яростными глазами. — Ты что сделал? Я уже нашел ее!

— Так время! — Сергей никак не мог забыть того почти задохнувшегося Шамана. — Ты шесть минут под водой был!

— Я не был под водой, я был в ее мире, я дышал!

— Так, стоп, я делал только то, что ты мне говорил! Вспомни!

— Сейчас все по-другому!

— Откуда ты знаешь, что по-другому?! Ты же в трансе там! — мужчины кричали друг на друга, лодка раскачивалась, по воде шли круги от первых капель дождя.

— Я знаю, — кричал Лис, упирая на слово «знаю». — Так, ладно, мне надо как можно быстрее вернуться. Я пошел.

— Нет, постой, ты хоть отдышись, — Сергею казалось, что Лиса в гнев не пускает. Как можно войти в транс в гнев?

Но Шаман с усилием оттолкнулся от борта лодки:

— Не мешай мне! — процедил сквозь зубы и нырнул.

— Что за...

Сергей вскочил на ноги, вцепился в борт, почти потеряв равновесие, но все, что ему осталось — это круги на воде. Он беспомощно оглянулся на берег. Возле Татьяны и Альки появились какие-то мужчины.

Лис и не подозревал, что между мирами можно не летать, а перепрыгивать. Ему настолько хотелось вернуться быстро, что в его сознании вся связка «звезды-нити» сжалась до одной точки. Рывок, встряска, и Межмирье выкинуло его обратно на скалы, только пустой карабин звякнул о камни.

Поначалу Шаман испугался, что ошибся: мир вокруг было не узнать. Он не сразу понял, в чем дело. Светило на небе было не зеленым, а ярко-синим. Было не темно, но все казалось совершенно другим. Камни — пепельными, лес — белым, а вода переливалась фиолетовыми и светло-желтыми отблесками. Лис поднял взгляд наверх, туда, где должна была быть постройка. Окна были подсвечены чем-то серебристым. Вероятно, сейчас то время суток, которое в его мире называется «ночь».

На этот раз на плато никого не было. Последнее, что Лис помнил — девушка собиралась уходить в здание. Значит, ему туда. Он злился. На Серегу, на себя, на миры и Мироздание. Она же была совсем рядом! Он мог дотянуться до нее, узнать, в чем дело, спасти, помочь, защитить.

Сейчас он мог думать только о ней, измученной рыжей незнакомке. Какая она была бледная и уставшая. И какой, несмотря на это, у нее был страстный взгляд

Изо всех сил Шаман рванул наверх — здесь ли она еще? Или уже нет? Как ее теперь искать?

* * *

Нет ничего хуже отдаленных маленьких филиалов. Потребности лабораторий удовлетворяются по остаточному принципу, запросы, в большинстве случаев, попросту игнорируются, а шансов, что твою научную работу заметят в центре, практически равны нулю.

Но нет ничего лучше маленьких отдаленных филиалов, если нужно оборудование, реактивы и полное отсутствие контроля.

Пользуясь тем, что никто не работал в зале с капсулами, профессор запустил одну из них, выставил нужные параметры. Он говорил сам себе, что всего лишь хочет дать Тринити отдохнуть. Но конечно, он хотел скрасить последние часы своей любимице.

Дело оставалось за малым — не было бионической жидкости.

— А ты знаешь, — зачем-то спросил профессор, задумчиво глядя в окно, — что первую бионическую жидкость синтезировали из морской воды?

— Конечно, знаю, профессор. Оптимальный баланс солей, почти полный набор микроэлементов. Вы же сами закладывали в меня курс истории.

— Да, она бы сейчас нам пригодилась...

— История?

— Да нет, какая история. Вода! Мне, а точнее тебе, нужна морская вода.

— В нижней лаборатории есть насос.

— Да, но в нижней лаборатории работают сотрудники «Доть», они точно спросят меня, зачем восстанавливать бионикла... — профессор сам себя оборвал взмахом руки.

— Приговоренного к расщеплению, — вместо него закончила Тринити.

— Приговоренного к расщеплению, — эхом отозвался профессор.

Оба замолчали. Профессор излишне внимательно рассматривал бионическую капсулу, а Тринити смотрела в окно, прислонившись лбом к стеклу.

— А давай сходим к морю! — профессор явно что-то придумал.

— К морю? Ночью? Вниз по скалам?

— Ну... Там есть лестница, на восточном склоне. Это не так опасно, как может показаться, — его пальцы летали над капсулой, отсоединяя какие-то блоки. — Минут за пятнадцать дойдем. Надо только найти автономный аккумулятор. Сейчас. Я сейчас, — старик забежал по лаборатории со скоростью, несвойственной для его возраста. Зажал под мышкой аккумулятор, достал блок подачи питания, клеммы.

— Ну что? — заговорщицки подмигнул он биониклу. — Прогуляемся?

* * *

Ему было смешно и страшно одновременно. Конечно, это был истерический смех человека, оказавшегося в критической ситуации, но Лис в этом никогда бы не признался. Он сказал бы, что привык относиться к жизни с юмором. Он, всю жизнь проживший в темноте, боялся темноты.

Причудливые тени, звуки, источника которых он не видел, или наоборот, движения ветвей, которые он видеть не хотел бы, все это заставляло его вздрагивать, покрываться потом. Он тер виски, старался глубоко дышать и держаться подальше от леса.

Впереди был подъем на плато, а потом станет легче. Лис ухватился за выступы в скалах, подтянулся, нашел ногами опоры.

Он мог бы поклясться, что не соскользнул. Он не мог, пальцы уверенно чувствовали выступ. Хотя звука падающего камня он тоже не слышал. Только скрежет и шуршание костюма по скале. Полет длился секунду. Лис упал боком. Вдохнуть не получалось, жутко болела рука, звенело в ушах. Аккуратно перекатившись на спину, он пошевелил пальцами. Кажется, кисть не сломана. Только вот... Глубокая ссадина или порез. Гидрокостюм разорван, медленно, но ощутимо сочится кровь.

Лис выругался. Этого еще не хватало! Перевязывать было нечем. Чуть подумав, он решил снять футболку, чтобы перетянуть рану. Поврежденная рука сильно мешала вывернуться и расстегнуть молнию гидрокостюма. Он присел на один из камней, схватился здоровой рукой за молнию.

Движение сзади он не увидел и не услышал, скорее, почувствовал. Тонкие щупальца неведомой твари жадно собирали капли его крови и настойчиво подтягивались к ее источнику. Одно, два, пять... Их количество росло с каждым мгновением. Лис отпрыгнул в сторону. Боль тут же обожгла ребра и ушибленную руку. Только сейчас Лис понял, что не взял с собой даже ножа. Выругался, встал, попятился к камням, таким надежным и предсказуемым, но это не помогло. Странные щупальца с легкостью воды заструились по скале. Им нужна была жертва.

* * *

— Мы же идем вниз, к морю. Зачем тебе это плато? — профессор боялся, что их увидят из окна института.

— Отсюда открывается такой потрясающий вид. Небо, океан, скалы. Это непередаваемо. Я на секунду, — Тринити прекрасно понимала опасения своего создателя. — Я буду держаться в тени, здесь, у леса.

— Упрямая, как все женщины! — профессор ворчал, но шел на плато вслед за своим творением. Тринити промолчала, но старику показалось, что она улыбнулась. Или это луна так причудливо раскинула тени.

Кстати о тенях, какой-то странный комок тут внизу, его не должно быть.

— Профессор! — Тринити позвала его слишком громко. — Профессор, — он вздрогнул, в душу закрались самые нехорошие подозрения.

Она стояла на коленях над обрывом и смотрела туда же, куда и старый борх. Комок, показавшийся профессору странной тенью, еще отбивался от лианартов — плотоядных лиан-вампиров, кажется, даже ругался, но уже явно проигрывал: они прижали его к скале, отступить было некуда. Еще минуты три, ну, может, пять и...

— Мы должны помочь! — Тринити кричала, совершенно не таясь.

— Но как? Чем? Лианарты, сама знаешь, если только огнем.

— Придумайте что-нибудь! Он же еще живой!

— Да как? Да что? — профессор схватился за голову, уронив все, что держал. Аккумулятор и клеммы призывно звякнули. — Подожди-ка... Секунду... — руки сами соединяли простейшую схему. — У нас будет только один разряд! Надо будет его вытащить наверх. Вот, — он кинул ей провода, — подашь ему. Сама не лезь!

Профессор запустил аккумулятор и бросил его в самую гущу лиан, стараясь не попасть в человека. Треск, вспышка. Всего один не очень сильный разряд, но этого хватило, чтобы твари обмякли. Человек, опутанный ими, тут же вскочил на ноги. Видимо, они еще не успели присосаться. Тринити обвела провод вокруг камня и скинула вниз:

— Держи! Быстрее наверх! Они сейчас снова поднимутся!

Человек ухватился за провод, уперся ногами в скалу и рывком поднялся метра на два. Замер. Поискал новый выступ. Внизу зашуршали леонарты.

— Еще выше, быстрее, они сейчас очнутя!

Он посмотрел на Тринити, ухватился за провод и подтянулся на нем, сколько смог. Нашел опору для ног. Еще рывок, и вот его руки уже на краю плато. Тринити подала ему руку, профессор ухватил за ворот куртки. Эти двое,

кажущиеся такими слабыми, вытащили его, взрослого мужчину, вверх из смертельной ловушки.

Человек лежал на боку, пытаясь отдышаться. Он не отводил глаз от Тринити. Та, кажется, даже смутилась.

— Привет, я Тринити.

— Я знаю. И ты спасла мне жизнь. Хотя должно было быть наоборот.

— Вам повезло, что у вас такая плотная одежда, — начал профессор, но тут же осознал услышанное. — Стоп, кто вы? Откуда знаете Тринити, и почему должно было быть наоборот?

Голос старика дрожал от страха. Ему вспомнилось заседание совета, на котором обсуждали судьбу Тринити. «Обязательно, — до сих пор громом звучали слова господина советника, — обязательно должна быть расщеплена! Иначе она станет грозным оружием в руках наших конкурентов! Вы представляете, какой может быть скандал? Это уничтожит нас всех! Пошатнутся устои, рухнет система правления. Это будет сравнимо разве что с войной времен слияния. Вы этого хотите?» У профессора было семеро детей, сорок три внука и больше сотни правнуков. Он не хотел войны. А сейчас перед ним лежит этот мужчина и... он вообще представитель какой расы? Черные волосы? Ни у кого не бывает черных волос.

— Вы кто? — профессор настойчиво повторил свой вопрос.

— Меня зовут Лис. И вам покажется бредом то, что я скажу, но я из другого мира, — он посмотрел на Тринити. — Девушка в твоих снах, Алька. Помнишь? Ты еще лечила ей колено. — Тринити ошеломленно кивнула. — Она попросила меня найти тебя.

— Ах, эти сны! — профессор вздохнул с облегчением. В его голове быстро и четко складывалась схема, как можно спасти Тринити и не устроить новую мировую войну. — Я сразу подумал, что слишком они яркие! Другой мир, говорите? — профессор подал Лису руку и помог подняться.

— Да, другой мир. Вы не считаете меня сумасшедшим?

— Отчего же, я и сам, точнее, мой дед, выходец из другого мира. В этой части Вселенной очень тонкие стенки, знаете ли. Однажды три мира просто слились в один, что стало невероятным бедствием для всех их обитателей. Подумаешь, еще один мир. Ничего странного, — старик возвращался к лестнице, а Тринити и Лис шли за ним, как замороженные. — Значит, вы можете спрятать Тринити.

— Могу. Думаю, что могу. Провести в свой мир.

— Думаете? Канал не налажен?

— Нет. Наш мир не общается с другими. Таких, как я, совсем мало. А может, я и вообще один.

— Тем лучше. Тринити, детка, — профессор остановился, обернулся, крепко сжал плечи бионикла и посмотрел ей в глаза. — Ты же понимаешь? Ты все понимаешь? — Тринити опять просто кивнула. Слов у нее не было. Профессор кивнул в ответ. — Что вам нужно для перехода? — это он спрашивал уже у Лиса.

— Вода. В смысле, водоем. Озеро, море, бассейн...

— Отлично! Великолепно, Тринити! — профессор хотел сказать что-то биониклу, но в этот момент со стороны института раздались крики. По плато заползали серебристые лучи. К ним спешили люди.

— О нет. Охрана «Доты». Мы все же попали в камеры, — обернулся к Тринити и Лису, — бегите. Ну же давайте, там лестница. Бегите к морю! Бегите!

Лис и Тринити, один раненый, вторая измученная, как могли быстро заковыляли к выдолбленной в скале лестнице. Старый борх с практически белыми волосами остался стоять на плато.

Пожалуйста, если вам понравилась книга, добавьте ее в библиотеку. Автор всегда рад вашим комментариям и подпискам.

Сергей перебирал в руках трос. Три минуты давно прошло, и четыре. И пять... Лис был под водой уже почти восемь минут.

Мужчины, появившиеся на берегу, принесли к воде еще одну лодку. Один из них сейчас греб к Сергею. Он уже был достаточно близко, чтобы можно было различить явное сходство с Шаманом. «Петр», — догадался Сергей.

Отец Лиса очень спешил: лицо раскраснелось, глаза горят, рот перекошен яростью и страхом. Еще не доплыв до Сергея, он закричал:

— Тяни! Что ты медлишь? Он же утонет! Тяни!

Сергей взялся за трос и медленно выдохнул.

* * *

Двое бежали вниз по лестнице. Ноги соскальзывали, руки уже были содраны о скалы. Тринити то и дело падала. Падала и снова поднималась. Лис попробовал взять ее на руки, но ничего не выходило — поврежденный бок не давал нести ее долго.

А позади был слышен топот. И крики. За ними шли, и те, кто шел, были быстрее.

Сбоку от лестницы нависал небольшой козырек. Его и плато-то назвать было сложно. Но с дальнего края этого выступа можно было спрыгнуть в воду. Лис аккуратно подполз к краю и посмотрел вниз. Кажется, подводных скал не было. Высота метров восемь. Выступ узкий. Но если выходить по одному, то все получится.

— Надо прыгать. Мы не успеем спуститься.

— Я не... Нет! Очень высоко и... Я не умею плавать!

— Плавать и не надо. Надо нырнуть. Глубоко нырнуть. И выпустить воздух.

— Но мы же тогда утонем!

— Не утонем. Я много раз пробовал.

— Я боюсь!

— Верь мне, — Шаман взял ее за руки. Оба были готовы рухнуть от усталости. У Тринити подкосились ноги. Она упала на ступени. Лис опустил ее перед ней на колени. — Слышишь? Верь мне!

Тринити отвела глаза. Лис зажмурился. Что же сделать! На поясе странно дернулся карабин. «Сейчас потянут», — понял он. План складывался молниеносно. Надо было действовать.

— Вот, — его глаза снова загорелись, — в моем мире меня называют Шаманом. — Лис раскручивал муфту карабина. — Это мой самый сильный амулет, — он защелкнул обвязку на поясе Тринити. — Теперь он у тебя! Ты точно попадешь куда надо. И вот еще, — он сдернул с руки Алькины браслеты, так и оставшиеся у него на запястье, и надел их на Тринити. — Так тебя точно узнают. Они все поймут.

Тринити подняла глаза. Открытый, детский взгляд. Верить? Она ему верила.

— Ну же, давай. Мы там не поместимся вдвоем, — он протянул руку и погладил ее пальцами по щеке. Она прижалась к его ладони и закрыла глаза. — Давай, Рыжик. Ты должна жить, обязательно. Выходи первая. Вперед.

Тринити поднялась и на четвереньках поползла к краю. Съежилась, собираясь падать.

— Не так, маленькая. Встань на ноги, прижми руки к груди, ноги в полете подтянешь к животу.

Тринити несмело поднялась, держась рукой за скалы, и оглянулась. На лестнице уже показались охранники «Доты».

— Лис, сзади!

Шаман обернулся:

— Прыгай! — Тринити не двигалась. — Я им не нужен! Прыгай! — Лис кричал. — Иначе все будет зря! Вперед, Рыжик! Ну же!

Тринити зажмурилась и сделала шаг вперед.

* * *

Петр не выдержал, подплыв вплотную, вырвал трос из рук Сергея и потянул его вверх. Серега не спорил, он смотрел на отца Шамана, у которого с губ то и дело срывались ругательства, а в глазах стояли слезы. Ему ничего не надо было объяснять, потому что он бы не принял ни одного объяснения. Ему сейчас нужен был только Лис.

Трос шел очень легко и быстро. Слишком легко и быстро. Вдруг что-то резко потянуло вниз, от рывка лодка

покачнулась, Петр еле устоял на ногах, но вытягивать трос стал с удвоенной силой.

Рывок, ещё один, и из воды, хватая ртом воздух, вынырнула странного вида девушка с ярко-рыжими волосами. Петр ошарашен и бросил трос. Серега подскочил и схватил девушку за руку. Та вцепилась в него, как в спасательный круг. У нее на запястье красовались Алькины браслеты. Точно Алькины. Один из них Сергей подарил ей сам.

— Кто это? — голос Петра дрожал.

— Похоже, — девушка явно была не способна говорить, отвечал Сергей, — похоже — это Тринити.

— А Лис? — девушка ошалело озиралась по сторонам. Сергей укутывал ее в одеяло и старался не смотреть на Петра.

— Где мой сын? — Петр кричал. — Я вас спрашиваю, где Лис?

Серега виновато посмотрел на него. Петр закричал, как раненый зверь, скинул куртку, бросился в воду. Он выныривал и снова нырял, раз за разом. Где-то у берега послышался плеск весел: подтащили еще одну лодку. Двое мужчин подплыли к ним, попытались поймать Петра:

— Петь, все, Петро, хватит. Так не найдешь! Петр. Остановись! Остановись, тебе говорят, — наконец один из мужчин ухватил Петра за плечо. — Остановись. Поплыли на берег. Сейчас соберем всех мужиков. Будем искать.

— Так время же, может, еще откачаю, — Петр плакал, просто и не таясь плакал.

— Петь, Татьяна сказала, что уж больше получаса, как он нырнул.

Петр снова завыл в голос, но подал руки мужикам. Те втащили его в лодку, укутали в плед.

Молчавшая до того Тринити тронула за руку Сергея. Тот аж вздрогнул.

— Он жив, — Тринити говорила очень тихо, но почему-то в этот час над озером ее было хорошо слышно. — Он жив, но он не вернется.

Петр посмотрел на нее, отвернулся, обхватил руками голову и замолчал. И только плечи его тряслись от беззвучных рыданий.

Лиса так и не нашли. Искали всей деревней. На второй день подтянулись соседние поселки. Даже приехали водолазы из города — Шамана знали и уважали все.

Поиски не дали никакого результата. «Не отдаст озеро Шамана», — перешептывались мужики и постепенно возвращались по домам. Только Петр день за днем выходил к воде. Нырять он не умел, только бороздил озеро на лодке от берега к берегу да прочесывал заросшие кустарником берега.

Татьяна все настойчивее уговаривала его остаться дома, и в один из дней он согласился. Только от этого не стало легче. Ведь вся жизнь Петра последние тридцать с лишним лет была подчинена сыну. Он просто выходил по утрам во двор, садился на лавку и часами смотрел вдаль.

Глядя на это, Татьяна почти силой увезла его. Сначала в свой городок. Потом они вроде как перебрались в райцентр. В деревушке, где жил Шаман, о них больше не слышали.

Алька и Сергей забрали Тринити и уехали к Сережиной бабушке. Алю мучила совесть, она винила себя в произошедшем. Сергей, который видел Шамана там, в озере, говорил ей, что это не так. Лис хотел туда пойти, даже зная, что может не вернуться — это был его выбор. Пока шли поиски, они приезжали в поселок каждый день. Горе, как ни странно, объединило их с семьей Лиса. Да, слышен был шепот, что и трос тянуть надо было раньше, и что вообще в другой мир его не посылать, но те, кто действительно знал Лиса, соглашались с Сергеем — это был его выбор. Он сделал то, что считал нужным.

У москвичей вышли все сроки возвращения. Сергеем звонили из НИИ, сначала ругались, потом стыдили, потом попросту уволили по статье. Алка уволилась сама. Ее, напротив, поздравили и пожелали счастья — она сказала девочкам, что остается жить с Сергеем. Подробности знала только Вера. Та долго рассматривала в веб-камеру Тринити, а потом странным глухим голосом спросила: «А можно, я к вам приеду? Москва — совсем не мой город, а вот Алтай — вполне». И действительно приехала. Она не написала ни слова об этой истории, но ее фотографии Алтайских гор и фотопортреты деревенских жителей набирали космические рейтинги в фотобанках. Тринити она тоже фотографировала, но нигде не выкладывала. Говорила, что боится. Чего — не объясняла. Они много общались: Вера, объездившая весь свой мир, и эта странная девушка, не видевшая ничего даже там, где появилась на свет. Пока Аля была занята поисками Лиса, именно Вера занималась найденным, как ее прозвали в деревне. Учила включать и выключать свет, готовить еду, одеваться, здороваться с людьми...

Сергей купил участок недалеко от бабушки и за безумные деньги провел туда широкополосный интернет. Это позволяло ему качественно и быстро работать удаленно, чем он и занялся. Поначалу было сложно, спасались Алиным наследством — она все же перевела на себя дивиденды с ценных бумаг. Мама заваливала ее смс-ками и сообщениями в мессенджерах, но Аля на них никак не реагировала. Когда мать стала звонить с периодичностью раз в час, внесла ее в черный список. Сама для себя решила, что когда-нибудь потом с ней еще раз поговорит. Но не сейчас.

Со временем заказов у Сергея стало больше, и Аля решила вплотную заняться своей мечтой — вместе с Сережиной бабушкой они запатентовали рецептуру и зарегистрировали торговую марку «Алинчай». Травы по-прежнему были одним из ее любимых занятий. Роман она так и не писала, но больше не жалела об этом.

Тринити не захотела жить с ними. Аля предлагала ей остаться в их доме или ехать учиться в город — бионикл не утратила способности диагностировать и восстанавливать незначительные повреждения руками. Сергей считал, что ей стоит официально отучиться на врача и работать в больнице. Но Тринити отказалась, сказала, что всегда мечтала жить у воды. Перезимовав с Алей и Сергеем, весной она вернулась к озеру. Поселилась в доме Шамана. Ей нравилось рассматривать новый для нее мир и чувствовать себя не сделанной вещью, а частью всего живого. Она могла часами бродить по степи, по-детски увлеченно рассматривать цветы и травы, или не двигаясь смотреть на воду, наблюдать, как меняется ее цвет. Могущественные золотые горы впечатляли ее больше всего. Каждый рассвет она выходила в поле, чтобы увидеть отблески лучей на камнях. Иногда она сама поднималась к телу горы, проводила пальцами по ее трещинам и сколам, будто вспоминая что-то. Прижималась лицом к гладкому камню, оставляя мокрые следы от выступивших у нее слез.

В доме Лиса он не изменила ничего. Только прикрепила на самое видное место старую вырезку из газеты, с фотографией Шамана. Часто и подолгу смотрела в его слепые глаза, разговаривая с ним обо всем, что с ней происходило. «Я живу, как ты и хотел. А ты? Как ты?» Петр и Татьяна, уезжая, оставили вещи Лиса в избе. Тринити была им за это благодарна: она любила надеть на себя его свитер или куртку в холод. Укрывалась, представляя на себе его руки. Зарывалась носом в ворот рубах, пытаясь вспомнить его запах.

Деревенские пришлицу поначалу не приняли. Обходили стороной, косо смотрели и даже не здоровались — все помнили, откуда она. Не все верили, но все помнили. Отношение поменялось зимой — соседку насторожило,

что из трубы не поднимался дым. Она и зашла проведать Тринити. Та из-за пурги уже неделю сидела без продуктов. Последний сухарь доедала.

— Что ж ты на зиму не запаслась? Это ж север! Вот чудная! Муки мешок надо было взять, щас бы хлеба замесили. Что? Хлеб не умеешь месить? Да то дело не сложное.

Как любая нормальная северная женщина, соседка принялась Тринити опекать. На севере ж по-другому не выжить — остался один, считай погиб. А бионикл в благодарность вылечила соседке застарелый артрит. Этого хватило, чтобы к весне в деревнях заговорили о новой шаманке. Говорили, место волшебное. Шаманка-то новая, а дом все тот же.

Так Тринити и стала новым шаманом. А точнее Шаманкой: сначала помогла соседке с суставами, потом вылечила девчужке-школьнице тяжелую ангину. Люди, живущие в тяжелых условиях, охочи до чудес. И вот уже молва сложила новую легенду, и к ней тонким ручейком потекли страждущие. Тринити не противилась. У нее было стойкое ощущение, что она должна отдать свой долг этому миру. Миру, в котором она может жить.

Но в снах она все чаще бродила по желтой земле среди фиолетовых деревьев и шурилась, разглядывая зеленое солнце.

В одном из таких снов Тринити стояла на кромке прибоа. Вода лениво облизывала чернильные камни, а зеленое солнце неспешно ползло по небу цвета кофе с молоком. Тринити смотрела на воду, ласкающую ступни, на солнце, нежно согревающее ее. Но внешнюю безмятежность сна что-то нарушало. Что-то, из-за чего хотелось обернуться. Там, у кромки фиолетового леса стоял человек с черными волосами, такими неправильными для этого мира.

Тринити, не веря себе, шагнула ему навстречу. Он тоже двинулся к ней. Шаг, еще шаг. Его силуэт уже виден четче. Тринити не выдержала и побежала.

— Лис, — крик сам собой вырвался из ее груди. — Я нашла тебя, Лис!

Она упала в его объятия, а он нежно прижался губами к ее виску:

— Ну, привет. Как живешь, Рыжик?

Больше книг на сайте - Knigoed.net